

2023

Volume 17

No 1(63)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2023

Том 17

№ 1(63)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 152 с. Тираж 32 экз. Заказ № 23039. Цена свободная. Дата выхода в свет 31.03.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

HISTORY

Marasanova V. M.

Industrial breakthrough on the example of the Yaroslavl "Krasny mayak" plant.....8

Okolotin V. S.

Production of military radio stations at Factory No. 729 (Alexandrov) in the Ivanovo region in 1942..... 18

Salimgareev M. V.

Theatrical historical performances as a form of cultural solidarity in the space of a provincial town (early 1920-s) 28

Khokholkova N. E.

Towards the question of the genesis of pan-africanism 38

Chervyakov R. Y.

Housing cooperation in the USSR: ways of studying 50

Ryzhikova E. S.

The party "Ciudadanos" in the context of the crisis in Catalonia (March 2017 – June 2018)..... 58

Danilov E. S., Tsymbal O. G.

Archive of the archaeological cabinet of P. G. Demidov Yaroslavl State University: experience of systematization..... 66

LAW

Ivanchin A. V., Kuleva L. O., Naurbieva F. Kh.

The age limit of criminal responsibility: history and nowadays..... 78

Koneva E. V., Tarusina N. N., Simonova S. V.

On the legal and psychological lessons of an approaching pandemic:
eyewitness notes..... 90

Dzhidzhavadze L. G.

The mechanism of "restriction – guarantee" in case of termination
of an employment contract at the employer’s initiative: Russian and
foreign experience.....102

Titova A. S.

The distinction between giving a bribe and provocation of a bribe
in the criminal law of Russia.....112

PSYCHOLOGY

Karpov A. A., Volchenkova A. A.

The main directions of the study of the psychological specifics
of distance forms of professional activity realization120

Selezneva K. A., Zhalagina T. A.

Specificity of sales manager’s professional activity in the conditions
of digitalization130

Pervitskaya A. M.

Partiality of emotional intelligence of medical workers depending
on work experience138

Tokareva V. B.

The relationship between the level of subjective control and ego-
states in subjects of the educational process148

ИСТОРИЯ

Марасанова В. М.

Индустриальный прорыв
на примере ярославского завода «Красный маяк» 8

Околотин В. С.

Производство войсковых радиостанций на заводе № 729
(г. Александров) в Ивановской области в 1942 г. 18

Салимгареев М. В.

Театрализованные исторические инсценировки
как форма культурной солидарности
в пространстве провинциального города (начало 1920-х гг.) 28

Хохолькова Н. Е.

К вопросу о генезисе панафриканизма 38

Червяков Р. Ю.

Жилищная кооперация СССР: пути изучения 50

Рыжикова Е. С.

Партия «Граждане» в условиях каталонского кризиса
(март 2017 – июнь 2018 гг.) 58

Данилов Е. С., Цымбал О. Г.

Архив кабинета археологии ЯрГУ: опыт систематизации 66

ПРАВО

Иванчин А. В., Кулева Л. О., Наурбиева Ф. Х.

Возрастная граница наступления уголовной ответственности:
история и современность 78

Конева Е. В., Тарусина Н. Н., Симонова С. В.

О правовых и психологических уроках уходящей пандемии:
заметки очевидцев..... 90

Джиджавадзе Л. Г.

Механизм «ограничение – гарантия» при расторжении
трудового договора по инициативе работодателя:
русский и зарубежный опыт102

Титова А. С.

Разграничение дачи взятки и провокации взятки
в уголовном праве России112

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. А., Волченкова А. А.

Основные направления исследования психологической специфики
дистанционных форм реализации профессиональной деятельности.....120

Селезнева К. А., Жалагина Т. А.

Специфика профессиональной деятельности менеджера
по продажам в условиях цифровизации130

Первитская А. М.

Парциальность эмоционального интеллекта
медицинских работников в зависимости от стажа работы.....138

Токарева В. Б.

Взаимосвязь уровня субъективного контроля и эго-состояний
у субъектов образовательного процесса.....148

Industrial breakthrough on the example of the Yaroslavl "Krasny mayak" plant

V. M. Marasanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-8-17

Research article
Full text in Russian

On the example of the Yaroslavl plant, established in 1786, the author considers the Industrialization and fast development of mechanical engineering. The plant changed its profile from lead-whitening and paint-and-lacquer production to machine engineering. It produced the first vacuum cleaners in the USSR and building vibrators for concrete compaction. The study of its history during the years of the first five-year plans made it possible to analyze the process, difficulties and successes of the industrial breakthrough.

Keywords: Industrialization; five-year plan; mechanical engineering; Yaroslavl; "Krasny Mayak»" plant; Boris Nikolaevich Voznesensky

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marasanova, Victoria M. | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Doc. Sc. (History), Professor

Funding: P. G. Demidov Yaroslavl State University (project VIP-018).

Индустриальный прорыв на примере ярославского завода «Красный маяк»

В. М. Марасанова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-8-17
УДК 94(47)+908: 667

Научная статья
Полный текст на русском языке

На примере ярославского завода, созданного в 1786 г., рассматривается индустриализация и ускоренное развитие машиностроения. Предприятие сменило профиль со свинцово-белильного и лакокрасочного производства на машиностроительный. Здесь выпустили первые в СССР пылесосы и строительные вибраторы для уплотнения бетона. Изучение его истории в годы первых пятилеток позволило раскрыть ход, сложности и успехи индустриального прорыва.

Ключевые слова: индустриализация; пятилетка; машиностроение; Ярославль; завод «Красный маяк»; Борис Николаевич Вознесенский

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова, Виктория Михайловна | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Изучение истории предприятия в годы первых пятилеток показывает поиск востребованной продукции и сложности индустриализации. Исторический опыт технического перевооружения производства в сжатые сроки, успешные практики подготовки технических кадров, импортозамещения, внедрения новых технологий и повышения конкурентоспособности отечественной промышленности оказались вновь ангажированы в условиях неоиндустриализации (новой индустриализации, реиндустриализации) и современного этапа развития «старопромышленных» регионов России – Урала [1] и центра страны [2].

ПАО «Ярославский завод «Красный маяк»» – одно из старейших предприятий Ярославля и всей России. История предприятия началась в 1786 г. со свинцово-белильного завода купцов Сорокиных. После Октябрьской революции 1917 г. завод был национализирован и стал Государственным свинцово-белильным и лакокрасочным заводом № 3, а к пятилетнему

юбилею Октябрьской революции (официально в 1923 г.) получил название «Красный маяк». Изучение «Красного маяка» позволяет проанализировать не только историю отдельно взятого предприятия, но и промышленную жизнь крупного индустриального центра страны Ярославля, и общероссийские экономические реалии.

В Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) находится фонд Р-2350 «Государственное предприятие «Ярославский завод “Красный маяк”» (1934–1992 гг.). Материалы по истории завода сохранились в филиале ГАЯО – Центре документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Это, прежде всего, документы из фонда 332 «Первичная организация КПСС завода “Красный маяк”, Ленинский район, г. Ярославль». О важных событиях в истории завода сообщала местная газета «Северный рабочий».

Перелом в отраслевой структуре ярославской промышленности произошёл в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.). Первый пятилетний план еще сохранял ведущую роль текстильной промышленности. Но на её нужды предусматривались минимальные затраты. Вместе с сельским хозяйством она должна была стать источником накоплений для ускоренного развития тяжелой индустрии.

В Ярославле в ходе первой пятилетки появились новые отрасли химической промышленности. На предприятиях города было сосредоточено 59,2 % рабочих и 66,9 % занятых – на химических производствах всей Ивановской промышленной области¹.

Вопросы «О состоянии и перспективах развития лакокрасочной промышленности в Ярославле» и «О перспективах развития химической промышленности» неоднократно вносились в повестку заседаний Ярославского горкома ВКП(б) в начале 1930-х гг. [3]. Согласно протоколам в начале 1930-х гг. обсуждалась ситуация только на заводах № 1 «Свободный труд» и № 2 «Победа рабочих». Что касается завода № 3 «Красный маяк», то вполне реальным было его объединение с заводом № 2 «Победа рабочих», тем более что оба завода имели одного директора – Осипа Павловича Осипова [4, л. 289].

На «Красном маяке» в годы первой пятилетки работало от 250 до 320 человек. Однако, в то время как перед всей страной стояла задача выполнения пятилетки за четыре года, «Красный маяк» никак не мог добиться не только перевыполнения, но и выполнения планов. Так, за январь – август 1932 г. планы «по земляной краскотерке» были выполнены на 65,6 %, «по олифоварке» – на 56,1 %, по коробочному цеху – на 80,1 %; «сырье было наиболее узкое место в работе завода» [5, л. 5]. Хотя было объявлено, что, как и вся страна, «Красный маяк» выполнил задания первой пятилетки за четыре года и три месяца, реальность этого утверждения вызывает большие сомнения в связи с постоянным невыполнением планов по заводу в этот период. Ско-

¹ С января 1929 г. территория бывшей Ярославской губернии входила в состав Ивановской промышленной области. 11 марта 1936 г. была образована Ярославская область.

рее всего, планы были скорректированы, чтобы не портить общую картину. После того как старая лакокрасочная промышленность города была реконструирована, все оказалось сосредоточено на двух заводах – свинцово-белильном «Свободный труд» и лакокрасочном «Победа рабочих».

Важнейшей задачей второй пятилетки 1933–1937 гг. было провозглашено завершение технической реконструкции промышленности. За одно десятилетие Ярославль из «города маслособоев и текстильщиков» превратился в город заводов-гигантов и стал крупным центром тяжелой индустрии Советского Союза. В годы второй пятилетки в Ярославской области было построено и реконструировано шесть предприятий, и эти перемены напрямую коснулись «Красного маяка».

Приказом Наркомата тяжелой промышленности (Наркомтяжпрома) от 19 февраля 1934 г. за № 226 ярославский лакокрасочный завод № 3 «Красный Маяк» был передан из объединения «Лакокраска» в подчинение Управления Всесоюзного электротехнического треста (ВЭТ). С марта 1934 г. «Красный маяк» начал работать как завод Всесоюзного электротехнического треста (ВЭТ). На 1934 г. численность работающих на предприятии составляла 347 человек, в том числе рабочих – 251 человек. Территория завода – 38,6 га, количество цехов – восемь [6, л. 5, 30, 32].

Поиск новой заводской продукции был сложным делом. Первоначально на «Красном маяке» началось освоение производства электробытовых приборов – электроплиток, пылесосов, стиральных машин, настольных ламп, электрокаминов и электропатефонов. Продолжалось производство тары для краски. Как следует из «Годового отчета по основной деятельности завода за 1934 г.», его «главнейшие изделия» – это корпус электроплитки, крышка электроутюга, петля ящика, замок в собранном виде и диск с цоколем для патефонов [6, л. 4]. Из протокола производственного совещания от 30 июня 1934 г. видно, что завод выпускал довольно широкую номенклатуру деталей (более 20 наименований) для изготовления патефонов, а с октября того же года начали производить рупоры для патефонов [6, л. 34].

Для обеспечения работы завода как машиностроительного предприятия необходимо было подобрать кадры инженеров и техников, перестроить цеха, достать новое оборудование, обучить рабочих машиностроительным специальностям. В 1935 г. 190 человек сдали государственный технический экзамен [7]. Начали работу сборочный, электромоторный, механический, литейный и опытный цеха; работала техническая библиотека. В механическом цехе стояли револьверные и фрезерные станки, но, поскольку они были довольно изношенными, для работы на них требовалась высокая квалификация. Станочникам приходилось работать по чертежам. Для повышения уровня технических знаний действовали технические кружки и курсы.

Освоение новой продукции шло трудно. В 1934 г., когда только началось новое производство, выполнение плана по заводу составило всего 48 %. Сначала смогли наладить производство электроламп и электрокаминов, а освоение пылесосов было полностью перенесено на 1935 г. [6, л. 32].

В 1935 г. на «Красном маяке» **впервые в СССР** были выпущены 170 пылесосов. Их продолжали выпускать в 1936 и 1937 гг., однако, как указывал начальник Главэлектропрома М. М. Мексин, на заводе не было «принято мер по улучшению качества выпускаемых пылесосов, несмотря на поступившие сигналы со стороны потребителей и на специальное указание технического отдела Главэлектропрома» [8, л. 4]. В 1937 г. Главэлектропром находился в составе Наркомата тяжелой промышленности, машиностроения, электростанций и электропромышленности СССР.

В 1936 г. газета «Северный край» сообщила о новом ответственном заказе завода. Ему было поручено изготовить электромоторы для отопления комфортабельных легковых автомашин ЗИС-101. Ранее подобные моторы производились только за границей. Чертежей не было, но работники «Красного маяка» под руководством технического директора Усова за две недели справились с этой задачей. В январе 1936 г. на «Красном маяке» приступили к изготовлению опытной партии, и первые 11 моторов были отправлены в Москву. По договору с Московским автомобильным заводом имени Сталина завод должен был в феврале сдать 10, а в марте – 90 моторов; годовой план составлял 5 тыс. электромоторов для отопления машин ЗИС-101 и автобусов ЗИС-8 [9]. Но не эта продукция стала главной для завода.

В связи с принятием курса на индустриализацию страны и развёртыванием крупных строительных работ появился спрос на строительный электроинструмент. Специалистами строительной отрасли было замечено, что бетон при перевозках от тряски становился плотнее, и в СССР началась разработка специальных инструментов для уплотнения бетона. Впервые в СССР вибраторы были применены в 1933 г. на строительстве Днепропетровских комбинатов и канала имени Москвы. Поскольку новый вид строительного инструмента зарекомендовал себя положительно, на правительственном уровне было решено расширить их производство. По распоряжению наркома тяжелой промышленности Г. К. (Серго) Орджоникидзе для выпуска новых типов строительного электроинструмента был выбран ярославский завод «Красный маяк» [10].

На «Красном маяке» были построены механический цех, центральный материальный склад, двухэтажная проходная с заводскими службами, двухэтажный производственный корпус. Об этом строительстве вспоминал один из старейших работников завода Евгений Аполлонович Расторопов: «Помню – после работы мы выходили на берег Волги и вырубали из льда пришедший осенью по реке лес. Брёвна подтягивали лебёдками на берег и доставляли их на территорию завода» [11]. Е. А. Расторопов участвовал в выпуске первой партии вибраторов на «Красном маяке». На завод он пришел работать в 1932 г. слесарем в цех ширпотреба, а затем был переведен на должность мастера. Он продолжил семейную традицию: после революции его дед М. П. Воронов работал здесь же дизелистом на силовой установке [12].

Производство строительного электроинструмента на «Красном маяке» началось в 1935 г., когда здесь **впервые в СССР** были изготовлены 5 электродолбежников, 3 дисковые пилы и первые опытные партии вибраторов ВЛ-1 («ВЛ» означало вибролопата) и электродрелей. За 1934–1937 гг. был освоен серийный выпуск электрических долбежников по дереву и безредукторных пил. Этот строительный инструмент прошел первую проверку на строительстве Рыбинской ГЭС [13].

Под руководством Бориса Николаевича Вознесенского по иностранным образцам были разработаны конструкции первых отечественных инструментов для укладки бетона ВЛ-1, И-7, И-18. Буква «И» обозначала «инструмент», а цифры – порядковые номера в списке механизмов, производимых в СССР для строительства.

Б. Н. Вознесенский родился в 1895 г. в городе Вильно (ныне Вильнюс). Он имел высшее техническое образование и квалификацию «инженера-электрика», беспартийный. На «Красный маяк» пришел инженером-расчетчиком, затем работал инженером технического отдела, а в 1938 г. был назначен начальником экспериментально-конструкторского цеха [14]. До «Красного маяка» в Ярославле он работал на ЯГЭМЗ (Ярославском государственном электромашиностроительном заводе). С ЯГЭМЗ Вознесенский был уволен со стандартной для того времени формулировкой «за связь с троцкистами», но по распоряжению Главэлектропрома его приняли на «Красный маяк». Начало отечественного вибростроения стало несомненной личной заслугой Б. Н. Вознесенского. Для этого он использовал опыт, приобретенный в научных командировках за рубежом. В 1929 г. он три с половиной месяца был в Берлине, а в 1937 г. в течение трех месяцев учился на заводах города Манчестера в Англии [15, л. 14].

Первые вибраторы имели еще неудовлетворительную конструкцию, низкую производительность и работоспособность, но даже их применение позволяло делать укладку и уплотнение бетона гораздо более производительно, чем вручную. Первая электрическая вибролопата ВЛ-1 служила только 30 часов [16]. Зато даже один вибратор высвобождал до 10 рабочих и позволял механизировать тяжелые строительные работы. Инженеры завода решили важную практическую задачу, не имея фактически ни разработанной теории вибростроения, ни научных трудов по этому вопросу. У первых вибраторов частота колебаний составляла 2 тыс. в минуту. А вибрация, как известно, приносит вред любому механизму, поэтому требовалось создать мотор, подшипники и т. д., выдерживающие высокочастотные колебания.

Первые итоги работы над электроинструментом подвел технический директор Усов, впоследствии репрессированный как «враг народа». В июле 1935 г. его статью с фотографией пылесоса, произведенного на «Красном маяке», опубликовал «Северный рабочий». Усов писал: «Полгода тому назад завод «Красный маяк» впервые делал попытки изготовления электронагревательных приборов, а сегодня равняется на разрешение более слож-

ных задач в области бытового электромостроения. Год назад изготавливали металлическую тару для лакокрасочной промышленности, а сегодня: пылесосы, электродолбежники, стиральные машины, электрокамины» [7].

В 1936 г. **впервые в СССР** на заводе «Красный маяк» начался серийный выпуск вибраторов. Всего за год было выпущено 1805 вибраторов. Первым начал серийно выпускаться низкочастотный глубинный вибратор со сменными наконечниками модели И-18 (ВДР). Он предназначался для проработки бетона вблизи опалубки в массивах и для укладки бетона в элементы тонкого сечения, насыщенные арматурой. В 1936 г. завод освоил производство электрической редукторной пилы. В следующем 1937 г. были выпущены первые 300 электрокраснодувок, а в 1938 г. – первые 27 поверхностных вибраторов ПВ-1. Уже в 1937 г. выпуск электроинструмента составил свыше половины продукции предприятия.

Высокая потребность в продукции предприятия вела к напряженному графику работы. Планы ежегодно увеличивали в 2–3 раза, и при таких сверхвысоких темпах страдала техническая подготовка производства. Каждый месяц завод осваивал новое изделие. Из-за перебоев со снабжением иногда вибраторы делали фактически из металлолома, полученного с других предприятий: активное железо моторов – из отходов стали с электромашиностроительного завода, валы роторов – из отработанных веретен комбината «Красный Перекоп», фильтры – из срывов фланели текстильных фабрик Ивановской области, резиновые прокладки – из старых шин, поступивших на переработку на резинокомбинат. Из-за дефицита или дороговизны сырья надо было искать новые, более экономически эффективные способы производства.

В августе 1940 г. на заводе была проведена первая научно-техническая конференция по вопросам вибростроения с участием специалистов из Москвы и Ленинграда. Участники конференции дали высокую оценку работе главного конструктора Б. Н. Вознесенского, автора первого прикладного труда по теории вибрации в мировой и отечественной практике. Конференция наметила перспективы дальнейшего развития вибромеханизмов и вибростроения в СССР [17, л. 10].

Однако планомерную работу на предприятии было наладить крайне сложно из-за постоянного увеличения плановых заданий, слабой подготовки персонала и постоянной чехарды с руководящими кадрами. Дефицит квалифицированных специалистов заставлял выдвигать на ответственные должности активных, но не всегда профессионально компетентных работников. А это, в свою очередь, влияло и на выполнение планов, и, в особенности, на качество и эффективность производства. Как показывают материалы «Красного маяка», партийные органы стремились контролировать хозяйственных и технических руководителей, а это только мешало нормальной работе завода.

План 1937 г. был выполнен только на 67,7 %, не удавалось сократить брак: было принято только 29 из выпущенных 52 безредукторных пил [18, л. 2об.].

В связи с освоением новой продукции потери от брака по отношению к себестоимости выросли с 2,5 % в 1936 г. до 4,8 % в 1937 г., что составило 404 тыс. руб. Для использования бракованных изделий был даже специально образован утильцех. Завод работал на неполных двух сменах, текучесть кадров составляла 69,5 %.

Хотя по сравнению с 1936 г. производство электроинструмента и выросло более чем на треть (на 34 %), однако оно составило лишь 57,5 % от плана, а в штуках было произведено 6103 вместо 11 тыс. по плану. В годовом отчете завода за 1937 г., в частности, указано, что «производственная программа по валовой продукции в ценностном выражении выполнена на 67,9 %, а по готовым изделиям на 61,9 %...

Основными причинами невыполнения плана следует считать:

- а) отсутствие решительной борьбы с последствиями вредительства;
- б) неудовлетворительная подготовка производства и слабое руководство заводом;
- в) крайне слабая работа по освоению новых видов изделий;
- г) отсутствие разработанного и обоснованного технологического процесса;
- д) плохое обеспечение производства инструментом, штампами и приспособлениями;
- е) неудовлетворительное производственное планирование и отсутствие должного оперативного учета» [8, л. 3].

В духе времени на первом месте стоят происки вредителей, а не производственные проблемы. Конечно, не могли игнорироваться и чисто технические вопросы: «Медлительность разработки конструкций, техпроцессов и инструментария по новым типам электроинструмента, по которым еще не было опытных образцов; запутанность чертежного хозяйства; частые смены плана подготовки производства» [8, л. 13]. При этом типичными «болезнями» производства оставались простои и брак, а среди работающих – прогулы и опоздания. За 1940 г. на заводе произошло 47 аварий, в результате которых отдельные рабочие получили производственные травмы, выходило из строя оборудование, нарушалась ритмичность работы [19, л. 20, 22].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1939 г. завод был передан в ведение Главного управления по производству строительных машин и оборудования для производства строительных материалов (Главстроймаша) Наркомата общего машиностроения СССР и стал называться Ярославский Государственный союзный завод «Красный маяк». Это преобразование было закреплено приказом по заводу № 66 от 20 марта 1939 г. [20, л. 9]. Новое изменение подчинения завода произошло накануне войны в 1940 г. В рамках Наркомата общего машиностроения Государственный союзный завод «Красный маяк» перешел в подчинение Главного управления по производству строительных и деревообрабатывающих машин (Главстройдревмаша). В машиностроении СССР утвердилась трехзвенная система управления: наркомат – главк (главное управление) – предприятие.

Как отмечалось в заводской переписке 1939 г., «завод «Красный маяк» вырос из маленьких мастерских в 50 человек рабочих в среднее электромашиностроительное предприятие с количеством персонала в 2050 человек и выпуском продукции выше двадцати миллионов рублей» [20, л. 6]. На 1939 г. предприятие занимало территорию 37,9 тыс. кв. м. На заводе имелись коммутатор и радиоузел. В номенклатуре гражданской продукции числилось 12 основных наименований: вибратор (вибродопата) ВЛ-1; вибратор ВДР; вибратор ПВ (поверхностный); вибратор тисковый; электрическая дрель; электрический долбежник; электрическая краскодудка; электрический ключ-отвертка; электрокамин; электроплитка и электрический патрон Эдисона [21, л. 7, 22; план территории завода – л. 14]. Пока еще одновременно шел выпуск продукции ширпотреба (но уже без пылесосов и патефонов) и электроинструмента.

В 1940 г. завод выпустил 7,6 тыс. вибраторов и впервые достиг установленных годовых плановых показателей. В результате освоения новой массовой продукции численность работающих на предприятии увеличилась в 6 раз – с 250 человек (1934 г.) до 1728 человек в 1939 г. (в том числе 1328 рабочих) и почти до 2 тыс. в 1940 г. [22]. Накануне войны в 1941 г. на «Красном маяке» трудились 1441 рабочих, а также около 500 ИТР и служащих [19, л. 65, 104].

Таким образом, в годы первых пятилеток «Красный маяк» стал одной из типичных производственных площадок индустриализации страны. Бывший свинцово-белильный, а затем лакокрасочный завод вновь сменил свой профиль. К 1934 г. было полностью свернуто убыточное лакокрасочное производство и «Красный маяк» стал машиностроительным предприятием. Сначала он был сориентирован на выпуск продукции широкого потребления – пылесосов, стиральных машин, патефонов, электроплиток, настольных ламп, электрокаминов. Эти производства стали новыми не только для завода, но и для страны в целом. Однако в связи с увеличением масштабов строительства в СССР профиль предприятия был скорректирован. «Красный маяк» освоил и начал производить с уверенной положительной динамикой электрический строительный инструмент – вибраторы, долбежники и пилы.

Вибраторы для уплотнения бетона с «Красного маяка» применялись при строительстве канала имени Москвы, Угличской и Рыбинской ГЭС. Завод с коллективом в 2 тыс. человек выполнил освоение новой важной для страны продукции в максимально сжатые сроки, и этот опыт стал особенно востребован в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда также быстро происходило освоение военной продукции – огнеметов, деталей минометов, корпусов авиабомб. В настоящее время завод продолжает производить востребованное виброоборудование. Изучение его истории в годы первых пятилеток позволило увидеть макро- и микроэкономические тенденции, раскрыть сложности и успехи индустриального прорыва.

Ссылки

1. Силин Я. П. Урал на пути к новой технологической индустриализации // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы I Уральского экономического форума: в 2 т. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2019. Т. 1. С. 17–32.
2. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л. Бородкин [и др.]. М.: РОССПЭН, 2010. 534 с. (Социальная история России XX века. Мотивация труда).
3. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 273. Оп. 68. Д. 59 «Протоколы заседаний бюро горкома ВКП(б). 1931 г.».
4. Учетная карточка «Осипов Осип Павлович» // ЦДНИ ГАЯО. Ф. 273. Оп. 9. Д. 41 «Учетные карточки членов ВКП(б) за 1926–1935 гг. «Об–Ощ»».
5. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 5 «Протоколы общих партийных собраний партийной организации завода «Красный маяк» за 1932 г.».
6. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 637 «Годовой отчет по основной деятельности завода за 1934 г.».
7. Усов. Новая отрасль электромеханической промышленности // Северный рабочий. 1935. 29 июля, № 173.
8. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 640 «Годовой отчет по основной деятельности завода за 1937 г.».
9. Екимов М., Пискарев Б. Есть высококачественные моторы // Северный рабочий. 1936. 30 янв., № 24.
10. Лешуков Т. Растущий вверх // Северный рабочий. 1964. 4 июня, № 131.
11. Расторопов Е. Новая жизнь старого завода // Северный рабочий. 1968. 19 окт., № 246.
12. Характеристика Расторопова Е. А. от 5 ноября 1939 г. // ЦДНИ ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 31 «Характеристики первичной партийной организации завода «Красный маяк». 1939–1941 гг.». Л. 70.
13. Верховцев И. Для великих строек // Северный рабочий. 1952. 18 янв., № 13.
14. Характеристика Вознесенского Б. Н. от 10 января 1941 г. // ЦДНИ ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 31 «Характеристики первичной партийной организации завода «Красный маяк». 1939–1941 гг.». Л. 260.
15. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 13 «Документы о вредительстве на заводе. 1937 г.».
16. Хорлоо Жамбал. Укротители вибрации // Северный рабочий. 1965. 15 авг., № 192.
17. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 21а «Стенограмма доклада директора завода «Красный маяк» тов. Куваева на хозяйственном активе завода 8 января 1941 г.».
18. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 24 «Протоколы общих партийных собраний завода «Красный маяк» за 1938 г.».
19. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 38 «Протоколы закрытых партийных собраний завода «Красный маяк». 15 янв. – 22 июня 1941 гг.».
20. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 9 «Переписка с Наркоматом машиностроения СССР по социалистическому соревнованию. 1939 г.».
21. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 34 «Акт о состоянии спецпроизводства по заводу. План территории завода. 1939 г.».
22. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 145 «Материалы к паспорту завода 1940 года».

Production of military radio stations at Factory No. 729 (Alexandrov) in the Ivanovo region in 1942

V. S. Okolotin¹

¹Ivanovo State University, 37 Ermaka Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-18-27

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the restoration of the activities of the former plant No. 3 (Alexandrov) of the Ivanovo region renamed in 1942 to the plant No. 729, with the aim of producing battalion radio stations for the existing army. Until August 1944, Alexandrov was administratively part of the Ivanovo region, therefore, the decisions of the State Defense Committee regarding this enterprise were accompanied by the adoption by the Ivanovsky committee of the WCP (b) and the Executive Committee of the regional council of the organizational and administrative decisions. To fulfill the defense committee of the defense, the task of restoring the plant in the Ivanovo region and any opportunities were sought outside of its borders, acute problems with the organization of life and the provision of labor collective were solved. The article was prepared on the basis of previously secret and completely secret documents from the Russian state archive of socio-political history and the state archive of the Ivanovo region, which are first introduced into scientific turns. Their use allows to overcome existing gaps in regional historical knowledge about the activities of the defense and industrial complex of the Ivanovo region during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; State Defense Committee; Resolution; Ivanovo Region; Military Radrustructures; Plant No. 729; planned tasks

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Okolotin, Vladimir S. | E-mail: Okolotin.Vladimir@yandex.ru
ORCID iD 0000-0002-9009-7752
Doc. Sc. (History), Institute of Humanitarian Sciences

Производство войсковых радиостанций на заводе № 729 (г. Александров) в Ивановской области в 1942 г.

В. С. ОКОЛОТИН¹

¹Ивановский государственный университет, ул. Ермака, 37, Иваново, 153025, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-18-27

УДК 94(470.315) «1942»

Научная статья

Полный текст на русском языке

Статья посвящена восстановлению деятельности бывшего завода № 3 (г. Александров) Ивановской области, переименованного в 1942 г. в завод № 729 с целью выпуска батальонных радиостанций для действующей армии. До августа 1944 г. Александров административно входил в состав Ивановской области, поэтому решения Государственного комитета обороны относительно данного предприятия сопровождались принятием Ивановским обкомом ВКП(б) и исполкомом областного совета постановлений организационно-распорядительного характера. Для выполнения поставленной Государственным комитетом обороны задачи по восстановлению завода в Ивановской области и за ее пределами изыскивались любые возможности, решались острые проблемы с организацией быта и обеспечением трудового коллектива продовольствием. Статья подготовлена на основе ранее секретных и совершенно секретных документов из Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области, которые впервые вводятся в научный оборот. Их использование позволяет преодолеть существующие пробелы в региональном историческом знании о деятельности оборонно-промышленного комплекса Ивановской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Государственный комитет обороны; постановления; Ивановская область; войсковые радиостанции; завод № 729; плановые задания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Околотин, Владимир Сергеевич

E-mail: Okolotin.Vladimir@yandex.ru

ORCID iD 0000-0002-9009-7752

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук

Во второй декаде октября 1941 г. нависла прямая опасность прорыва немецкой армии к Москве. При дальнейшем ухудшении ситуации на фронте Ивановская область и соседние: Рязанская и Ярославская – могли оказаться в зоне боевых действий. О реальности такой опасности свидетельствуют бывшие ранее совершенно секретными постановления Государственного комитета обороны (далее ГКО), принятые 13 октября 1941 г., которые затрагивали как центральные, так и южные регионы страны, в том числе Ивановскую область. Среди них постановление № 722 сс «Об оборонительном строительстве», подписанное лично И. В. Сталиным [1. Д. 22. Л.130–131], и второе – «О частичной эвакуации оборудования, а также рабочих, ИТР и членов их семей с предприятий текстильной промышленности г. Москвы, Московской и Ивановской областей» с приложениями [1. Д. 22. Л. 121–123]. В свою очередь, 13 октября 1941 г. бюро обкома ВКП(б) под грифом «совершенно секретно» также приняло три очень важных постановления: «Об усилении военной охраны городов и районов Ивановской области», «Об усилении истребительных батальонов в области и приведении их в боевую готовность» и «О вооружении истребительных батальонов» [2. ФП-327. Оп. 19. Д. 12. Л. 193–194].

Кроме принятия данных постановлений, о драматичности ситуации свидетельствовало и сообщение секретаря обкома Г. Н. Пальцева, доведенное им до членов бюро в конце заседания: «Завтра меня вызывают в ЦК ВКП(б), будет решен вопрос о строительстве прикрывательных полос, покрывающих область с Юго-Запада, с Северо-Запада и с Запада. Завтра же постараюсь возвратиться»[2. ФП-327. Оп. 19. Д. 12. Л. 194].

И такая поездка состоялась. В ночь с 14 на 15 октября 1941 г. в Кремле И. В. Сталин встречался с секретарями Горьковского (М. И. Родионов), Ивановского (Г. Н. Пальцев) и Ярославского (Н. С. Патоличев) обкомов ВКП(б). 15 октября 1941 г. на совместном заседании закрытого бюро Ивановского обкома ВКП(б) и горкома ВКП(б) Г. Н. Пальцев доложил собравшимся о результатах совещания в ЦК и встрече с И. В. Сталиным. В итоге, кроме постановления «О строительстве оборонительных линий в Ивановской области», было принято еще одно совершенно секретное постановление – «Об эвакуации из Ивановской области важнейших предприятий». В нем говорилось о необходимости эвакуации из области заводов, расположенных в гг. Коврове (№ 2 и экскаваторный), Кольчугине (им. Орджоникидзе и «Электрокабель») и Владимире (№ 260), а также ряда текстильных предприятий. Важно отметить, что до августа 1944 г. указанные города административно входили в состав Ивановской области. Для исполнения постановления было решено создать комиссию по эвакуации, которой

предоставить право «привлекать для работы по эвакуации необходимые силы и средства в обязательном порядке» [2. ФП-327. Оп. 19. Д. 14. Л. 241].

В тот же день исполком облсовета депутатов трудящихся принял секретное решение № 5013 «Об организации управления по эвакуации». Согласно этому решению рекомендовалось назначить уполномоченным по эвакуации Ивановской области И. Г. Соловьева. Расходы на содержание аппарата управления в количестве 21 человека были отнесены на бюджет области» [2. ФР-1510. Оп. 42. Л. 185].

Однако в дальнейшем под воздействием различных причин в данный перечень были внесены существенные коррективы. В частности, решено отказаться от эвакуации предприятий из Коврова, ряда текстильных фабрик и комбинатов, а также дополнить указанный перечень другими заводами. Одним из таких предприятий стал радиозавод № 3 (г. Александров), входивший в состав Наркомата электрической промышленности СССР (далее НКЭП). Осенью 1941 г. он вместе с оборудованием и трудовым коллективом был эвакуирован в город Петропавловск Северо-Казахстанской области. Там коллективу завода во главе с директором А. П. Никифоровым в сложнейших условиях к маю 1942 г. удалось наладить производство радиостанций для действующей армии.

13 июня 1942 г. ГКО принял постановление № 1907 сс «О плане производства и мероприятиях по обеспечению выпуска средств радиосвязи для Красной Армии» [1. Д. 71. Л. 130–139]. Его принятию предшествовала краткая пояснительная записка Л. П. Берии и Наркома связи И. Т. Пересыпкина с проектом постановления председателю ГКО И. В. Сталину. В ней говорилось о мерах по увеличению производства и поставок различных радиостанций для действующей Красной армии. К числу «наиболее нужных армии радиостанций» в записке были названы батальонные радиостанции РБ и РБМ. Для увеличения их производства Л. П. Берия и И. Т. Пересыпкин предложили восстановить производство радиостанций на заводе № 3 НКЭП в г. Александрове Ивановской области и на заводе № 2 НКО в Москве, а также расширить производство на других предприятиях «с вывозом из Ленинграда 1300 станков» [1. Д. 71. Л. 150–151].

И. В. Сталин, ознакомившись с запиской, о чем свидетельствует его подпись «И. Ст» на первом листе, в тот же день подписал предложенный проект постановления. В нем Наркомэлектропром обязывался «восстановить производство радиостанций РБ на заводе № 3 в г. Александрове, обеспечить выпуск в августе месяце – 200 штук и в сентябре 500 штук для чего: разрешить Наркомэлектропрому вывезти из г. Ленинграда 700 единиц станочного оборудования со своих заводов и заводов других наркоматов; обязать Наркомсвязь (т. Пересыпкина) передать и отгру-

зять дизель в 600 лошадиных сил из г. Владивостока, обеспечив отгрузку в пятидневный срок; обязать секретаря обкома ВКП(б) Ивановской области г. Пальцева мобилизовать для завода № 3 НКЭП из трудоспособного населения г. Александрова и Ивановской области 1000 человек рабочих, обеспечив их необходимым жильем; обязать горком ВКП(б) г. Александрова выделять с 1-го июля не менее 100 кВт электроэнергии для завода № 3 НКЭП» [1. Д. 71. Л. 131].

Завершающим пунктом постановление обязало секретарей обкомов ВКП(б), в том числе Г. Н. Пальцева, «оказывать всемерную помощь заводам НКЭП и НКО, изготавливающим радиостанции для Красной Армии» [1. Д. 71. Л. 139]. С целью мотивации работников указанных предприятий на них была распространена выдача второго горячего обеда без вырезки талонов. Для завода № 3 такая норма была установлена на 200 человек [1. Д. 71. Л. 144].

Для реализации решения ГКО 8 июля 1942 г. бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение решения Государственного комитета обороны о выпуске радиостанций РБ на заводе № 3 НКЭП» [2. ФП-327. Оп. 7. Д. 379. Л. 55–57]. Для этого партгруппе исполкома облсовета было предложено с 12 июля провести мобилизацию 1000 человек для завода № 3 из числа трудоспособного населения г. Александрова и районов области. Александровскому горкому ВКП(б) и горисполкому поручено к 10 июля возвратить на завод всех рабочих и служащих (350 человек), ранее работавших на данном предприятии, и вернуть принадлежавший ему жилой фонд. Исполняющему обязанности директора завода Максимову поставлена задача «немедленно приступить к подготовительным работам фундамента под дизель и подготовить фронт работ для размещения и установки прибывающего оборудования на завод», для чего создать две группы рабочих в количестве 200 человек. Заводской партийной организации предложено нацелить рабочих и служащих на досрочный монтаж и пуск оборудования, обратив «особое внимание на проведение массовой работы среди вновь пришедших рабочих и проживающих в общежитиях». Тогда же решено просить наркома электропромышленности И. Г. Кабанова оказать следующее содействие: направить на завод № 3 не позднее 10 июля с заводов НКЭП руководящих инженерно-технических работников, а именно: директора завода, главного инженера, главного технолога, главного конструктора и 4 радиоинженеров для работы в лаборатории и производственных цехах; выслать заводу № 3 к 10 июля план на запроектированное оборудование по изготовлению радиостанций РБ с действующих заводов, а также «командировать на завод к 10 июля группу инженеров во главе с главным механиком Глав-

радиопрома тов. Шульженко для корректировки планово-установочных и монтажных работ дизеля и оборудования в цехах...» и т. д. [2. ФП-327. Оп. 7. Д. 379. Л. 56–57]

8 августа 1942 г. ГКО вновь вернулся к рассмотрению вопроса о производстве радиоаппаратуры, в результате чего принял постановление № 2162 сс «Об обеспечении производства войсковых радиостанций» [1. Д. 87. Л. 74–91]. Оно было направлено на развитие мер, предусмотренных постановлением № 1907сс от 13 июля 1942 г., и содержало ряд новых положений. В частности, обязало наркома И. Г. Кабанова укомплектовать за счет переброски станков с Ленинградских предприятий действующие и восстанавливаемые заводы Наркомэлектропрома. Среди них на первой позиции значился завод № 729 в г. Александрове (отныне под таким номером он фигурировал в документах), которому отгружалось 270 станков. Для сравнения следует отметить, что другим заводам предназначалось меньшее их количество. Так, для завода № 326 в Горьком отгружалось 100 станков, для завода № 590 в Новосибирске – 115, для завода № 627 в Москве – 130, для завода № 641 в Петропавловске – 120 единиц оборудования и т. д. [1. Д. 87. Л. 74].

Для обеспечения восстановления завода № 729 в г. Александрове Ивановский облисполком обязывался обеспечить его необходимыми строительными материалами. Ему также предстояло прикрепить к заводу № 729 гужтранспорт для вывозки до осенней распутицы заготовленных дров в количестве 10 тыс. кубометров [1. Д. 87. Л. 79–80]. Секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву постановлением предписывалось «взять под особое наблюдение» работу предприятия и «принять все меры к безусловному выполнению поставок радиоаппаратуры фронту» [1. Д. 87. Л. 84].

Однако в действительности все обстояло гораздо сложнее. 15 октября 1942 г. Г. Н. Пальцев направил в ЦК ВКП(б) на имя заведомо кадров электропромышленности и электростанций А. А. Турчанина секретную информацию, в которой сообщал, что решения ГКО от 13 июня и 8 августа 1942 г. о восстановлении завода № 729 в Александрове выполняются крайне неудовлетворительно. По состоянию на начало октября завод еще не восстановлен, хотя, согласно решению ГКО, в сентябре он уже должен был выпустить первую партию радиостанций РБ-12. Поставленное на предприятие оборудование (138 из 270 единиц) некомплектно и требует ремонта. Неоднократные обращения в Наркомат электропромышленности с просьбой оказать помощь заводу в обеспечении его необходимым оборудованием и инструментом не дали положительных результатов. В этой связи, говорилось в информации, обком ВКП(б) считает, что мед-

ленное восстановление завода является следствием отсутствия должного внимания к предприятию со стороны НКЭП. По этой причине обком ВКП(б) вынужден просить А. А. Турчанина обязать наркома И. Г. Кабанова оказать реальную помощь заводу в получении необходимого комплектного оборудования, инструмента, приспособлений и штампованных деталей для РБ-12, а также прикомандировать к нему инженерно-технических работников с других предприятий [2. ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 105].

О проблемах, сохранявшихся при восстановлении завода № 729 и организации его деятельности, свидетельствует информация директора С. З. Нейштадт, направленная им 17 декабря 1942 г. в два адреса: в ЦК ВКП(б) А. А. Турчанину и секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву. В нем сообщалось, что в основном закончилось восстановление завода № 729, однако он находится в тяжелом состоянии. Развертывание деятельности сдерживают отсутствие материалов и специальных инструментов, некомплектованность оборудованием, острый недостаток квалифицированной рабочей силы и руководящего инженерно-технического персонала. Существует полное отсутствие каких-либо переходящих материальных запасов материалов и готовых изделий, так как завод восстанавливается вновь. Со стороны Наркомата ничего не сделано для создания первоначального запаса материалов. В 4-м квартале завод получил всего 36 т металла разных марок и сечений, по 1,9 т инструментальных сталей и цветных металлов в прутках. Ассортимент полученных материалов ограничивался 3–5 сорта размерами, что чрезвычайно затрудняло производство необходимых деталей. Еще хуже обстояло дело с готовыми изделиями, особенно производства заводов № 203, 197 и 590. Эти заводы за весь 4-й квартал не поставили заводу ни одной детали. В результате такого положения дел со снабжением основные цеха находились в полупростойном состоянии. В результате падала трудовая дисциплина, а молодые рабочие не могли освоить производство новых деталей, а значит, и выполнить установленные нормы.

Кроме того, при потребности в 854 наименованиях специального инструмента (штампы, приспособления, кондуктора и т. д.) завод получил лишь 49 из них и 90 выполнил своими силами. Оставшийся инструмент должны были изготовить следующие заводы: № 197 – 276, № 203 – 124, № 325 – 146, ГАЗ в Горьком – 13, «Фрезер» и «Калибр» в Москве – 15, «Автоприбор» во Владимире – 21 наименование. Всего 596 наименований. Заказы им были спущены в августе – сентябре, но по сведениям от поставщиков они могли быть изготовлены только в декабре. Об изготовителях инструментов других 120 наименований заводу до сих пор не было известно. По этим причинам, отмечал С. З. Нейштадт, пришлось продол-

жить изготовление инструмента там, где это было возможно, из подсобных материалов кустарным способом.

Далее, по его словам, парк оборудования на заводе не доукомплектован. Совершенно отсутствуют вальцы, протяжной стан, гравировальные станки и другие. В результате этого невозможно производить ряд работ. Деревообрабатывающие станки завод № 729 должен получить с завода № 193, но отгрузка им еще не выполнена. Тяжело сказывается отсутствие на заводе квалифицированной рабочей силы, инструментальщиков и ремонтников по оборудованию. Прибывшее на завод из Ленинграда устаревшее оборудование требовало капитального ремонта, производить его самостоятельно рабочие завода были не в состоянии. Поэтому при эксплуатации станков часты случаи их выхода из строя. Стоят станки-автоматы из-за отсутствия наладчиков. Руководство многими цехами из-за отсутствия квалифицированных инженерно-технических кадров отсутствует. В частности, не было начальников механического, ремонтно-механического, отделочного и деревообделочного цехов, главного бухгалтера, начальника ОТК и начальника производства.

Для улучшения работы завода С. З. Нейштадт предложил срочно провести следующие мероприятия. В частности, создать на заводе первоначальный запас всех необходимых для производства материалов и готовых изделий, доукомплектовать завод недостающим оборудованием, обязать завод № 197 изготовить до 15 января 1943 г. весь остаток неразмещенного инструмента, а до изготовления этого инструмента подавать штампованные пиррофиллитовые и пластмассовые детали. Направить с других заводов в течение декабря несколько человек квалифицированных инженерно-технических работников, 2 наладчиков автоматов, 6 слесарей по ремонту оборудования 5–7 разрядов и 5 слесарей инструментальщиков 5–7 разрядов. И далее, как крик души: «Дальше оставлять завод в таком положении невозможно, прошу срочно принять соответствующие меры» [2. ФП-327. Оп. 7. Д. 626. Л. 85–85 об.]

Не менее уникальна информация замдиректора завода № 729 Гольдберга секретарю Александровского горкома ВКП(б) Хонину от 3 января 1942 г. по итогам уже минувшего военного года. Она не только частично повторяла факты, уже изложенные директором завода в упомянутой записке, но и содержала новые сведения. В частности, что при восстановлении завода организованы инструментальный и ремонтный цеха, созданы механический, штамповочный, отделочный, деревообделочный и сборочный цеха. Поступившее оборудование в большинстве своем смонтировано. За время работы завод своими силами изготовил несколько десятков измерительных приборов для нужд оборонного цеха.

В числе надлежащего к изготовлению в 4 квартале завод был обязан выпустить 200 комплектов раций, но по указанным ранее причинам смог укомплектовать за декабрь со значительными трудностями сто аппаратов, сдав их представителю заказчика. Остальные могли быть сданы только после их доукомплектования. Из-за несвоевременных поставок конденсаторов, трансформаторов и других полуфабрикатов, черных металлов, химикатов, изоляционных и других материалов завод оказался не в состоянии создать минимальный запас на январь 1943 г.

Между тем путем индивидуальной подготовки и через школы были подготовлены кадры в количестве 250 человек. Этого было недостаточно: потребность в кадрах составляла 600–650 человек, в наличии имелось 350. Не хватало слесарей-инструментальщиков по ремонту оборудования и сборщиков. Недостаточно было столяров, токарей-револьверщиков, шлифовальщиков и фрезеровщиков. Совершенно отсутствовали наладчики автоматов и установщики револьверных станков. Уровень квалификации рабочих кадров не соответствовал необходимым требованиям. Не хватало квалифицированных рабочих и мастеров для их обучения. Все это препятствовало налаживанию и развитию производства.

И в заключение предлагались меры по обеспечению деятельности завода. Среди них – помочь пополнением кадров, главным образом инструментальщиками и ремонтниками, за счет других заводов; обратить внимание наркомата электропромышленности на завод № 729 и помочь ему для выполнения программы 1-го квартала пластмассовыми и пиро филлитовыми деталями, а также полуфабрикатами (трансформаторы, тумблера, конденсаторы, сопротивления и т. д.) и штамповочными деталями на соответствующий инструмент. Обращено внимание на отсутствие картофеля и овощей, что ухудшало питание рабочих завода и существенно отражалось на производительности их труда. Невыполнение райисполкомом и сельсоветами своих обязательств по вывозке дров для завода привело к отсутствию на заводе минимальных запасов топлива, что также требовало решительных мер со стороны обкома ВКП(б) [2. ФП-327. Оп. 7. Д. 626. Л. 3–3 об.]

Таким образом, на основании постановлений ГКО, исполкома Ивановского облсовета депутатов трудящихся, обкома ВКП(б) в Александрове для производства батальонных радиостанций началось восстановление бывшего завода № 3, оборудование и часть трудового коллектива которого ранее были эвакуированы в Северо-Казахстанскую область. Его восстановление в сложнейших военных условиях как завода № 729 осуществлялось общими усилиями предприятий различных наркоматов и сопровождалось катастрофической нехваткой оборудования, инстру-

ментов, необходимых материалов и квалифицированной рабочей силы. Для решения указанных проблем руководство завода использовало любые возможности, в том числе обращения в ЦК ВКП(б) и Наркомат электропромышленности. Несомненно, результатом этих обращений и стало частичное решение существовавших перед заводом № 729 острых проблем. Однако выйти на запланированный ГКО объем выпуска радиостанций к концу 1942 г. он не смог. Тем не менее завод был восстановлен, установлены хозяйственные связи с поставщиками полуфабрикатов, привлечена рабочая сила, отработаны технологии производства войсковых радиостанций и созданы реальные условия для организации их массового выпуска в 1943 г.

Ссылки

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф-644. Оп. 2.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).

Theatrical historical performances as a form of cultural solidarity in the space of a provincial town (early 1920-s)

M. V. Salimgareev¹

¹Kazan National Research Technological University, 68 Karl Marx str., Kazan, 420015,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-28-37

Research article
Full text in Russian

The article studies historical theatre performances on the territory of Kazan in the early 20s of the XX century on the basis of available historical sources and scientific literature. The political and cultural elite of the new state was faced with the task of attracting the attention of Soviet citizens to new, revolutionary symbols and values, since a significant part of the population, especially in the provinces, was still «eyeing» the Soviet order. After October 1917 the most common form of Soviet political celebration in the country was not only rallies and solemn meetings but plays on historical and revolutionary themes. Within the framework of the historical and cultural context, the connection of theatrical productions with innovative methods of influencing to the viewer is revealed. All the participants of the performances in Kazan were involved in the plot outline of the reproduced dramatic events of the recent past with their amateur, involved presence. On the streets and squares of Kazan, as well as many other Russian cities, a collective creation unprecedented in the history of world culture arose, where the natural experience of the dramatic moment of the past became a mysterious process and, at the same time, an original artistic text. During the theater, this was achieved in the most spectacular way, which was facilitated by both symbolic entourage and imitation of collective actions in which «random» meetings with participants in real events could take place. All this had a strong impact on the perception of the historical plot as the only possible scenario of historical reality and inspired a sense of deep involvement in the memorable event. Living the past as real created a new space of unprecedented ecstatic solidarity, where collective action became not just a political act of the revolutionary mass, strengthening the individual's sense of belonging, belonging to the whole, it manifested the energy of the present moment, returning to disequilibrium and uncertainty, emotionally plunging into a situation of choice. The nascent unity of personalities was at the same time the foundation of a new social identity and at the same time the hope of restoring personality and society, unconscious cleansing from the hardships of reality, getting rid of ignorance, selfishness and inhumanity.

Keywords: solidarity; holidays; performances; culture; mythology; ideology; propaganda; province

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Salimgareev, Maxim V. | E-mail: msalimga.dis@mail.ru
ORCID iD 0000-0002-7068-671X
Cand. Sc. (History)

© Salimgareev M. V., 2023

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Театрализованные исторические инсценировки как форма культурной солидарности в пространстве провинциального города (начало 1920-х гг.)

М. В. Салимгареев¹

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. Карла Маркса, 68, Казань, 420015, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-28-37

УДК 94 (47+57): 930.85

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье на основании имеющихся исторических источников и научной литературы изучаются театрализованные исторические инсценировки на территории Казани в начале 20-х годов XX века. Перед политической и культурной элитой нового государства стояла задача привлечь внимание советских граждан к новым революционным символам и ценностям, поскольку значительная часть населения, особенно в провинции, все ещё «присматривалась» к советским порядкам. После октября 1917 г. самой распространенной формой советского политического празднования по всей стране стали не только митинги и торжественные собрания, но театральные постановки на историко-революционные сюжеты. В рамках исторического и культурного контекста выявлена связь театрализованных постановок с новаторскими приемами воздействия на зрителя. Все участники казанских театрализованных реконструкций вписывались в сюжетную канву воспроизводимых драматических событий недавнего прошлого своим самостоятельным, вовлеченным присутствием. На улицах и площадях Казани, как и многих других российских городов, возникало небывалое в истории мировой культуры коллективное сотворчество, где естественное переживание драматического момента прошлого становилось мистериальным процессом и одновременно оригинальным художественным текстом. В ходе театрализации это достигалось самым эффективным способом, чему способствовал как символический антураж, так и имитация коллективных действий, в ходе которых могли произойти «случайные» встречи с участниками реальных событий. Все это оказывало сильное воздействие на восприятие исторического сюжета как единственно возможного сценария исторической реальности и внушало ощущение глубокой причастности к памятной ситуации. Проживание прошлого как действительного создавало новое пространство небывалой экстатической солидарности, где коллективное действие становилось не просто политическим актом революционной массы, укреплявшим в индивиде чувство причастности, принадлежности к целому, в нем проявлялась энергия настоящего момента, возвращающая к неравновесности и неопределенности, эмоционально погружая в ситуацию выбора. Возникающее единение личностей было и фундаментом новой социальной идентичности, и одновременно надеждой на выздоровление индивида и общества, бессознательного очищения от тягот действительности, избавления от невежества, эгоизма и бесчеловечности.

Ключевые слова: солидарность; праздники; инсценировки; культура; мифология; идеология; пропаганда; провинция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Салимгареев, Максим
Владимирович

E-mail: msalimga.dis@mail.ru

ORCID iD 0000-0002-7068-671X

Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления истории и социологии

© Салимгареев М. В., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Придя к власти в октябре 1917 года, большевики столкнулись со множеством социально-экономических и политических проблем. В течение последующих лет общество на всем пространстве бывшей российской империи было ввергнуто в тяжелейший социальный, экономический, политический кризис, вызванный сменой режима и последствиями мировой и гражданской войн. В этих условиях советская власть остро нуждалась не только в политической, но и культурной легитимизации, консолидации массового сознания на почве новой солидарности [1, с. 7].

Необходимо признать, что уже несколько десятилетий довольно пристально исследуются различные аспекты ранних советских празднеств. В эти исследования вовлечены культурологи, антропологи, социологи, психологи, а также историки. Такое внимание, по-видимому, обусловлено переосмыслением советской культуры и возникающего в ней содержания, которое не утратило и сегодня своей актуальности. В имеющемся массиве исследований можно выделить несколько пластов. Например, А. И. Мазеев [2], Д. М. Генкин [3], А. В. Бенифанд, [4], В. А. Руднев [5], Я. П. Белоусов [6] еще с 50-х гг. прошлого века исследовали государственную политику СССР в сфере праздничной культуры. Новейшие разработки ведутся не только отечественными исследователями – С. Н. Шаповаловым [7], С. Д. Багдасаряном [8], М. К. Декановой [9], Д. Зевертом [10], А. А. Исаевым [11], М. А. Мордасовой [12], И. Н. Прониной [13], С. Н. Шаповаловым [14], А. И. Щербининым [15], но и зарубежными, среди которых стоит отметить Д. Гелдерна [16], К. Петроуна [17], Ш. Плаггенборга [18], М. Рольфа [19], С. Якбсона и Г. Лассвелла [20]. Отдельным исследовательским сюжетом, в известной степени затрагивающим тему советских праздников, стала так называемая культура памяти послереволюционных лет. Ее исследовали А. С. Ходнев [21], Е. И. Красильникова [22, 23], А. С. Святославский [24], А. А. Качемцева [25]. Наиболее близким нашему исследованию представляется подход к праздникам как к историко-культурному явлению. Выделим значимые для нас работы О. Л. Орлова [26], В. Н. Поповой [27], М. С. Бондаревой [28], С. Ю. Малышевой [29], Б. И. Колоницкого [30], Е. В. Барышевой [31].

Ключевое значение для нас имеют исследования С. Ю. Малышевой [32, 33]. Автор опирается на значительный по объему набор архивных источников 1920-х гг. Однако аналитическая составляющая исследования асимметрична фактологической наполненности. При всей разработанности рассматриваемой проблемы на территории Казани в начале 20-х годов XX века следует признать недостаточность осмысления аспектов формирования культурной солидарности в психологическом и культурном контексте, не изучена концептуальная связь советских праздников с авангардной теорией театра.

Перед политической и культурной элитой нового государства стояла задача привлечь внимание советских граждан к новым революционным символам и ценностям, поскольку значительная часть населения, особенно в провинции, все ещё «присматривалась» к советским порядкам [34, с. 17]. Среди мер, обращенных к идеологической трансформации ценностных установок граждан республики, в качестве ключевого направления было выбрано самое очевидное и, как оказалось, действенное, связанное с организацией системы массовых праздников [35, с. 231]. Выраженная ритуальность последних должна была постепенно заменить традицию религиозных торжеств, хотя большевики не смогли до конца искоренить народную любовь к религиозной культуре как в центре, так и в регионах страны [36, с. 47].

Как отмечает М. С. Барышева, «анализ проведения советских государственных праздников свидетельствует, что до 1922 г. празднование включало в себя такие формы, как манифестация, митинг, театральное представление» [34, с. 130]. Последние в виде исторических инсценировок применялись с особым размахом, поскольку должны были достигать невиданного возбуждения идеологической доминанты в сознании поголовно неграмотного населения страны. Впервые масштабные театрализованные реконструкции драматических событий революции прошли в 1920 году Петрограде. Разработанные и воплощенные в жизнь «Театрально-драматургической мастерской Красной Армии» инсценировки «Мистерия освобожденного труда», «К мировой Коммуне», «Взятие Зимнего дворца» произвели оглушительный эффект [37, с. 270]. Не все смогли полностью реализовать изначальный замысел мистериальности, где участники сливались бы в одно единое «коллективное тело», но созданное зрелище было самым необычным театральным экспериментом. Вслед за Петроградом массовые инсценировки проходили в Москве, Киеве, Иванове, Иркутске, Воронеже, Курске, Одессе и других городах страны [37, с. 168].

В основе организованных масштабных постановок лежала авангардистская по духу идея «театра коллективного героя», где на первый план выдвинулся новый актер, который может и должен чувствовать себя неотъемлемой частью всего, что существует в мифологическом пространстве и времени свершающегося театрального действия как формы манифестации революционной реальности [38, с. 145]. В новаторских исторических инсценировках-реконструкциях революционных событий важной составляющей стал синтез политической необходимости, социального запроса и культурного обновления, истоки которого уходят в дореволюционную эпоху, вероятнее всего в театрально-авангардистскую концепцию «соборного действия» В. Иванова [39, с. 37].

Удачный опыт столичных инсценировок был воспроизведен и в Казани. За реализацию казанских исторических реконструкций взялась первая советская женщина-режиссёр, руководитель казанской городской студии драматических искусств и заведующая театральным отделом Наркомпроса татарской республики З. М. Славянова. В своей книге она подробно описала содержание режиссируемых ею празднеств [40].

Ее первым опытом стало представление «Русская свобода» 7 сентября 1921 года на Театральной площади Казани. Вдохновившись успешным дебютом, организаторы взялись за еще более масштабные мероприятия, которые проходили на протяжении 1924 года. Как и в Петрограде основными действующими лицами стали курсанты казанских военных учебных заведений. Одним из них была постановка из времён Гражданской войны – «Гибель шестнадцати», возвращавшая зрителей и участников к памятным событиям 5–10 сентября 1918 года, когда Казань была освобождена силами 5-й армии Восточного фронта [41].

Действия развернулись на самом удобном из возможных мест Казани – у озера Дальний Кабан и его берегах. По данным организаторов, в непосредственных действиях участвовали порядка 1000 человек, за инсценировкой наблюдали порядка несколько тысяч зрителей. Начало постановки разворачивалось у подножья холма на берегу. Место выбрано было удачно, поскольку холм стал местом скопления зрителей, с воодушевлением созерцавших сюжеты драматических событий. В начале мероприятия на сцену эффектно выступили «белые», комендант штаба и его свита, генерал верхом на коне, рота юнкеров в полной амуниции. Затем появились пленные «красные курсанты». Окровавленные и измученные, они стойко выносили издевательства золотопогонников. Особенное оживление зрителей вызвала стена панического и курьёзного отступления белых, происходившая на фоне приближающейся канонады. Далее следовала сцена расстрела «пленных», которых подвели к краю оврага, где они мужественно исполнили «Интернационал» и боевую курсантскую песню. После команды «Пли!» курсанты с криками: «Да здравствует революция!» – падали «замертво». В следующей сцене появлялась «красная кавалерия», сметавшая на своём пути юнкеров. После небольшой, но ожесточенной схватки и пленения белых «Комиссар красного отряда» обратился к зрителям с призывом: «Товарищи, граждане, присутствующие здесь при расстреле, вы были очевидцами зверской расправы этой белой банды над нашими товарищами. На ваш суд представляем золотопогонников. Что с ними делать?».

В кульминационный момент инсценировка перешла в массовый митинг с участием зрителей и художественное мероприятие слилось с действительностью. Выступают представители рабочих и даже отец одного из расстрелянных белыми 26 бакинских комиссаров. Финалом становится

зрительское решение о беспощадной расправе над «белыми». Конкретная историческая реконструкция с ее военным антуражем произвела на зрителей ошеломительный эффект [42].

Кульминацией исторических реконструкций 1924 года стала грандиозная по размаху общегородская инсценировка «Империалистическая война», посвящённая событиям первой мировой войны и революции. В ней было задействовано около 2 тысяч непосредственных участников массовки, а также 10 тысяч горожан, что было невероятным для города событием. 3 августа 1924 г. Казань погрузилась в невиданное воспроизведение самых драматических и памятных событий для всей страны и города [43].

Утром, с 11:00, на центральных городских площадях и улицах появились призраки ушедшей эпохи – городовые и офицеры, Николай II, Керенский, Милюков, а также революционные активисты, сооружающие баррикады из мебели и хлама. Баррикадные бои и стычки с полицией, битье фонарей, парады пехоты, уходящей на фронт. Большинство горожан были захвачены атмосферой сопричастности происходившему. Совместные переживания объединяли их в нечто большее, чем просто скопление глазеей публики. Как описывает очевидец, участники «слились в одно целое со всей массой зрителей» и «невольно увлеклись действием и воскресили из истории славную страницу народного гнева против царизма, против власти капиталистов и помещиков» [43]. Участник реконструкции II Съезда советов, проходившей в ноябре 1924 года в казанском коммунистическом клубе, на театральной площади отмечал, что он «по временам, в отдельные минуты забывал, что это инсценировка – масса жила подлинной жизнью кипела истинной страстью политических борцов выбивающих власть из цепких лап угнетателей»..., а после мероприятия уходил с таким ощущением, словно ему «сейчас пришлось быть участником сильнейшего из моментов великой революции, словно вот только сейчас одержана решающая победа, с дороги истории сметены последыши русского царизма с их опереточным главноуговаривающим Керенским» [44]. В отличие от некоторых питерских постановок, наполненных футуристическими и экспрессионистскими приемами с их механистичностью, отсутствием творческого начала в действиях статистов, казанские инсценировки были настолько реалистичными и живыми, что у неосведомлённой публики, особенно у крестьян, оказавшихся в городе, они вызывали шок и недоумение.

Примененный метод исторической театрализованной реконструкции со временем в Казани в таком масштабе перестает использоваться, в праздничных мероприятиях второй половины 20-х годов постепенно возобладали шаблонность и заорганизованность, из концептуального действия инсценировки перерождаются в развлекательное мероприятие.

Примером тому служит инсценировка в мае 1927 года «Маевка на Зилантовой горе – месте дореволюционных маевок» Последней попыткой наполнить историческую реконструкцию свежим содержанием были октябрьские торжества 1927 года [32, с. 128].

Очевидно, что новые празднества подлежали тотальному контролю как со стороны партийных структур города и республики, так и политического центра страны. Со второй половины 20-х годов партийный контроль за проведением всех массовых политических торжеств усиливается, нарастает стандартизация и бюрократизация и на смену новаторским поискам, нестандартным решениям в организации политических праздников приходит рутинная и заорганизованность [18, с. 300].

Устроители массовых театрализованных инсценировок понимали, что в этом обновленном, новаторском праздничном действе должна исчезнуть всякая зрительская пассивность. На смену ей призвано прийти коллективное творчество. Зритель должен стать субъектом реконструкции. Организаторы приложили все усилия, чтобы максимально близко передать внешнюю и внутреннюю сторону происходивших событий. Оценить масштабы инсценировки можно не только по скрупулезно подготовленному сценарному реквизиту, но и по имеющимся отзывам очевидцев [42].

Все участники казанских театрализованных реконструкций вписывались в сюжетную канву воспроизводимых драматических событий недавнего прошлого своим самостоятельным, вовлеченным присутствием. На улицах и площадях Казани, как и во многих других российских городах, возникало невиданное в истории мировой культуры коллективное сотворчество, где естественное переживание драматического момента прошлого становилось мистериальным процессом и одновременно оригинальным художественным текстом. В ходе театрализации поставленные цели достигались самым эффективным способом, чему способствовал как символический антураж, так и имитация коллективных действий, в ходе которых могли произойти «случайные» встречи с участниками реальных событий. Все происходившее оказывало сильное воздействие на восприятие исторического сюжета как единственно возможного сценария исторической реальности и внушало ощущение глубинной причастности памятной событию.

Катарсисное проживание прошлого как действительного создавало новое пространство небывалой экстатической солидарности, где коллективное действие становилось не просто политическим актом революционной массы, укреплявшим в индивидууме чувство причастности, принадлежности к целому, в нем проявлялась энергия настоящего момента. Возникающее единение личностей стало фундаментом новой социальной идентичности, с которой связывалась надежда на выздоровление индиви-

да и общества, их, во многом бессознательное, очищение от тягот действительности, избавление от невежества, эгоизма и бесчеловечности.

Ссылки

1. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 437 с.
2. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978. 393 с.
3. Генкин Д. М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 122 с.
4. Бенифанд А. В. Праздник. Сущность, история, современность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 140 с.
5. Руднев В. А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л.: Лениздат, 1979. 206 с.
6. Белоусов Я. П. Праздники старые и новые (некоторые философские аспекты проблемы празднования). Алма-Ата : Казахстан, 1974. 198 с.
7. Шаповалов С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 125 с.
8. Багдасарян С. Д. Методы социально-культурной политики советского государства в области преобразований традиционной праздничной культуры в селах и станицах юга России в 1920-е гг. // Вестник СГУТиКД. 2012. № 2. С. 45–53.
9. Деканова М. К. Особенности восприятия советской праздничной культуры 1920-х гг. // Вестник СамГУ. 2009. № 3. С. 20–27.
10. Зеверт Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2015. № 2. С. 103–113.
11. Исаев А. А. Подготовка и празднование дня международной солидарности пролетариата (трудящихся) на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг. как важная часть политико-идеологической работы. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (84). С. 61–65.
12. Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 210 с.
13. Пронина И. Н. Массовый праздник в советской социокультурной модели // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 19 (374), вып. 37: Философия. Социология. Культурология. С. 114–121.
14. Шаповалов С. Н. Советские праздники и политическая социализация молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 30–33.
15. Щербинин А. И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы (политические праздники и игры) // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 79–96.

16. Geldern J. von. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley and London: University of California Press, 1993. 266 p.
17. Petrone K. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin* - Bloomington: Indiana University Press, 2000. 280 p.
18. Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000. 414 с.
19. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
20. Якобсон С., Лассвелл Г. Д. Первомайские лозунги в советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123–142.
21. Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218–221.
22. Красильникова Е. И. Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 55–59.
23. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. техн. ун-та, 2015. 570 с.
24. Святославский А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 53 с.
25. Качемцева А. А. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 6. С. 276–279.
26. Орлов О. Л. Праздничная культура России. СПб.: КультИнформПресс, 2001. 159 с.
27. Попова В. Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 24 с.
28. Бондарева М. С. Идеологические и художественные практики России 1917–1925 годов как инвариант массовой культуры: дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2004. 203 с.
29. Малышева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231–254.
30. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
31. Барышева Е. В. Конструирование политического пространства советского города 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11 (154). С. 31–41.
32. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.

33. Мальшева С. Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2003. № 10. С. 231–254.

34. Барышева Е. В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества, 1918–1941 гг.: дис. ... д-ра наук. М., 2020. 408 с.

35. Гвоздев А. А., Пиотровский Адр. Петроградские театры и празднества в эпоху военного коммунизма // История советского театра. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма, 1917–1921. Л.: Ленинградское отд-е Гос. изд-ва худ. Литературы, 1933. 404 с.

36. Красильникова Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, №1. С. 47–54.

37. Агитационно-массовое искусство первых лет Октября / сост. П. Н. Роков. М.: Искусство, 1971. 224 с.

38. Кибардин А. А. Художественный метод Театрально-драматургической мастерской Красной Армии в Петрограде 1919–1920 годов // Временник зубовского института. 2021. Вып. 2 (33). С. 145–162.

39. Иванов В. И. Из заметок о строении и функциях карнавального образа // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1973. С. 37–53.

40. Славянова З. М. Рабоче-крестьянский театр. Казань: Госиздат, 1921. 209 с.

41. Агеев А. Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 года. // Военно-исторический журнал. 1982. № 3. С. 66–73.

42. Зритель. «Гибель шестнадцати» // Красная Татария. 1924. 18 июня.

43. На улицах Казани (Инсценировка империалистической войны). Проклятье прошлому // Красная Татария. 1924. 5 авг.

44. А. Л. II Съезд советов (Инсценировка в коммунистическом клубе) // Красная Татария 1924. 11 ноябр.

Towards the question of the genesis of pan-africanism

N. E. Khokholkova¹

¹Institute for African Studies of RAS, 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-38-49

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problem of the origin of Pan-Africanism. The author focuses on the "American center" of the formation of its ideological and practical foundations. Special attention is paid to the early stage of the development of the current, the emergence of "proto-Pan-Africanism" (from the second half of the 18th century till the end of the 19th century). After analyzing the initiatives of the pioneers of the "Back to Africa" movement, the first American abolitionists and civil rights activists, the author concludes that their actions served to create the environment for generating the theory and practice of Pan-Africanism.

Keywords: Africa; the USA; African Americans; intellectual tradition; socio-political movement; Pan-Africanism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Khokholkova, Nadezhda E.	E-mail: khokholkova@gmail.com ORCID iD: 0000-0002-5165-1925 Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology
--------------------------	--

Funding: Russian Foundation for Basic Research (project 20-09-00075).

К вопросу о генезисе panaфриканизма

Н. Е. Хохолькова¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-38-49
УДК 94 (6+7) + 325.81

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме происхождения panaфриканизма. В центре внимания автора «американский очаг» формирования идейных и практических основ африканского единства. Особое внимание уделено раннему этапу развития течения, появлению «протопанафриканизма» (вторая половина XVIII – конец XIX в.). Проанализировав инициативы пионеров движения «Назад в Африку», первых американских аболиционистов и борцов за гражданские права, автор заключает, что их действия послужили делу создания необходимого ландшафта, на котором в последующие годы выстраивались теория и практика panaфриканизма.

Ключевые слова: Африка; США; африкано-американцы; интеллектуальная традиция; общественно-политическое движение; panaфриканизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хохолькова, Надежда Евгеньевна

E-mail: khokholkova@gmail.com

ORCID iD: 0000-0002-5165-1925

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии

Финансирование: РФФИ (проект № 20-09-00075 «Черное наследие»: историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США».

Panaфриканизм – одно из самых сложных глобальных и многомерных явлений, суть и история которого полицентричны. Заложённое в его основе ядро африканского единства раскрывалось на теоретическом и практическом уровнях в форматах идеологии, культурного манифеста, общественного движения. Географические и хронологические рамки самого феномена подвижны и нередко зависят от его интерпретаций. За долгие годы своего существования panaфриканизм обрел сложную генеалогию и стадийность. В современной историографии все чаще говорят о его «старой» и «новой» версиях [1]. Список «праотцов» течения, представленный именами Оттобы Кугоано (Джона Стюарта; ок. 1757 – после 1791 г.), Принса Хол-

© Хохолькова Н. Е., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ла (ок. 1735–42–1807 гг.), Эдварда Блайдена (1832–1912 гг.), Мартина Делани (1812–1885 гг.) и другими, продолжается еще более длинным перечнем имен «отцов-основателей»; в их числе выдающиеся ученые, политические и общественный деятели: Уильям Дюбуа (1868–1963 гг.), Генри Сильвестр Уильямс (1869–1911 гг.), Маркус Гарви (1887–1940 гг.), Джордж Падмор (1903–1959 гг.), Кваме Нкрума (1909–1972 гг.) и др.

Гибридность panaфриканизма обусловила затруднения с формулированием его комплексной характеристики. Активный поиск удовлетворявшего всех определения, начавшийся в 1960–1970-х гг., по мнению нигерийского историка Питера Эседебе, был обречен на провал – panaфриканизм стал одним из самых противоречиво интерпретируемых феноменов [2]. В одной из первых посвященных panaфриканизму монографий (400 стр. текста) Адекунле Аджалы «Panaфриканизм: эволюция, развитие и перспективы» [3] его четкое определение отсутствует. Многие ученые, следуя данному примеру, избегали строгих формулировок, концентрируясь на формах и пространствах, в которых panaфриканизм развивался. Помещая категорию в границы мысли и/или действия, ее связывали с борьбой за независимость и самоопределение, с противодействием конфликтам, с интеграцией глобальных и региональных масштабов. Основатель журнала «Présence Africaine» и один из участников упоминаемой П. Эседебе конференции¹ Алиун Диоп (1910–1980) видел некую общность набирающих популярность «доктрин» в условиях особого исторического момента: «У каждой страны или культурного региона своя терминология; во Франции мы изобрели негритюд (негрскость); в англо-саксонских странах изобрели panaфриканизм; а вместе мы дали начало еще одному проявлению «африканской личности» [4, р. 339].

Британский историк-африканист Джордж Шепперсон выделял «panaфриканизм» и «Panaфриканизм» и определял их как движения разной степени эфемерности [5]. Его немецкий коллега Имануэль Гейсс видел в panaфриканизме не только движение (прежде всего политическое), но и концепт, за которым кроется «сложная и малоизученная история» [6]. Первые отечественные авторы, в числе которых И. И. Потехин [7] и Н. И. Высоцкая [8], фокусируя внимание на деятельности Panaфриканских конгрессов, характеризовали panaфриканизм преимущественно как одну из разновидностей африканского национализма.

С течением времени panaфриканизм диверсифицировался. Его описания с каждым годом становились все более многообразными и пространными; одно из последних и наиболее распространенных звучит следующим образом: «Panaфриканизм – одновременно интеллектуальный, культурный, социальный, политический, экономический и художественный про-

¹ Речь идет о Третьей ежегодной конференции Американского общества африканской культуры, состоявшейся в Филадельфии в 1960 г. Мероприятие было посвящено panaфриканизму.

ект, призывающий всех людей африканского происхождения, как на континенте, так и в диаспоре, к объединению и освобождению» [9, р. 8].

Несмотря на разнообразие и дискуссионность дефиниций, большинство исследователей склонны видеть в panaфриканизме, как минимум, две взаимопроникающие составляющие: интеллектуальную традицию и общественно-политическое движение. В процессе изучения panaфриканизма как диверсифицированной динамической системы необходимо реконструировать ее генеалогию, «проследить сложную нить происхождения – <...> удержать то, что произошло, в присущей ему разрозненности; уловить события, самые незначительные отклонения или же, наоборот, полные перемены...» [10]. Особый интерес вызывает ранний (предварительный) период развития течения, в значительной мере связанный с деятельностью африкано-американцев².

Историческое развитие panaфриканизма как интеллектуальной традиции во многом имело не столько стадиальный [11], сколько спорадический характер, который проявлял себя в той или иной части «треугольника трансатлантических влияний». И. Гейсс называл его «треугольником panaфриканизма» и указывал, что он пришел на смену «треугольнику работорговли» [6, р. 187]. В качестве его «углов» – своеобразных точек разработки и распространения идей panaфриканизма – рассматриваются Северная Америка (США), Западная Африка (прежде всего Либерия и Сьерра-Леоне) и Европа (Великобритания).

Первые исследователи течения полагали, что импульс panaфриканской мысли исходил от освободившихся от оков рабства черных американцев и британцев и был неразрывно связан с аболиционистским движением. И. Гейсс вел отсчет истории «прото panaфриканизма» с момента опубликования Оттобой Кугоано³ сочинения «Мысли и чувства о злом и нечестивом рабстве и торговле человеческими существами» (1787 г.) [6]; его коллега П. Эседебе датировал начало формирования panaфрикан-

² Вопрос о том, как называть американцев – потомков порабощенных африканцев, вывезенных в период с середины XVI в. до начала XIX в., – всегда был и остается одним из самых дискуссионных. На протяжении веков их официальные наименования менялись: «Colored people» («цветные»), «Negros» («негры»), «Blacks» («черные»), «Afro-Americans» («афроамериканцы»), «African Americans» («африкано-американцы»). Неоднозначность наименований отразилась и в официальных документах. Согласно рекомендации Административно-бюджетного управления (Office of Management and Budget [OMB]) в документах Бюро переписи населения США с 1997 г. используются категории «Black» («черный») или «African American» («африкано-американец»). Автор главы, вслед за российским африканистом, специалистом в области социальной и культурной антропологии Д. М. Бондаренко, соглашаясь с приведенной им аргументацией, использует термин «африкано-американцы» применительно к черным американцам.

³ Оттоба Кугоано – аболиционист, член группы «Сыновья Африки», организованной в Лондоне в конце XVIII в.; был захвачен в рабство в возрасте 13 лет на территории современной Ганы и освобожден в 1772 г. в Англии.

ского мышления годом ратификации Декларации независимости США (1776 г.) [2].

Согласно мнению П. Эседебе, чернокожие американцы, возлагавшие надежды на революцию, но продолжающие страдать от дискриминации, начали разрабатывать идеи реэмиграции. Популярность подобных идей стала заметно возрастать после состоявшегося в том же 1787 г. Филадельфийского конвента, одним из решений которого стало принятие так называемого Компромисса трех пятых, в соответствии с которым черный раб в южных штатах фактически считался как 3/5 человека. Таким образом, Э. Гейсс и П. Эседебе сошлись во мнении, считая этот год вехой в развитии панафриканизма, с той лишь разницей, что первый воспринимал ее как отправную точку, а второй – как один из поворотных моментов.

Несмотря на стремление исследователей придать больший вес панафриканизму путем его «удревнения», конец XVIII в. можно назвать начальной стадией его истории лишь с уточнениями. К этому периоду относится скорее этап пробуждения панафриканской мысли, зарождения интенции и тенденции, в русле которых начал формироваться комплекс идей, в дальнейшем составивших концептуальное ядро данного течения. Ни О. Кугоано, ни часто сравниваемый с ним Олауда Эквиано [12, 13] в своих сочинениях не провозглашали принципов единства и солидарности всех выходцев из Африки, но опровергали расистские псевдонаучные установки, задавая определенный паттерн рассуждений на тему судеб людей африканского происхождения, что привело к появлению особой интеллектуальной традиции.

Панафриканизм принято разделять на условные теорию и практику. Однако в ходе изучения его генеалогии куда более продуктивным представляется рассмотрение двух его составляющих не в отдельности, а во взаимодействии. Период интеллектуального напряжения часто сменялся стадией активной общественной деятельности, которая, в свою очередь, обогащала зарождающееся учение эмпирикой. Запущенный усилиями аболиционистов процесс переосмысления положения черных американцев способствовал принятию конкретных практических шагов, одним из которых стала репатриация – фактическое перемещение свободных африкано-американцев и афробританцев на родину предков.

На исходе XVIII в. попытки добиться освобождения из рабства и разрешения на возвращение наиболее часто совершались жителями британской колонии Массачусетс. В 1773 г.⁴ четверо поработенных мужчин из Тонтона – Питер Бестис, Самбо Фримен, Феликс Холбрук и Честер Джойи – направили представителям законодательной власти составленное ими (при возможном содействии Сэмюэла Адамса⁵) циркулярное письмо [14]. По-

⁴ Письмо зарегистрировано 20 апреля.

⁵ Сэмюэл Адамс (1722–1803) – один из отцов-основателей США, в рассматриваемый период был членом Палаты представителей Массачусетса.

мимо просьб о гражданских и религиозных свободах, в нем упоминалось и о желаемой возможности «один день в неделю трудиться для себя, чтобы заработать денег...» [14], в том числе и с целью однажды уехать и поселиться где-нибудь на побережье Африки. Выдержанное в подчеркнута уважительном, «мирном» [14] тоне лаконичное обращение, по всей вероятности, было проигнорировано, но за ним последовали другие, более подробные и категоричные.

Истинным предтечей движения, которое спустя годы станут именовать эмиграционизмом или «Назад в Африку», считается Принс Холл, бостонский аболиционист, известный как создатель первой «черной» мasonicкой ложи. Его называли «отцом гражданских прав»: он предпочитал улучшать жизнь черных бостонцев легитимными способами, в частности петициями. За годы своей жизни он составил и заверил несколько десятков подобных документов. Как минимум, в одном из них, датированном 4 января 1787 г. и направленном в Палату представителей Массачусетса, содержалось прошение о содействии реэмиграции свободных африкано-американцев в Африку. Петицию подготовили 12 членов «африканской ложи» во главе с мастером П. Холлом и подписали 73 представителя местной общины. В ней был представлен подробный план возвращения на историческую родину тех черных граждан США, кто оказался «в крайне неприятных и невыгодных обстоятельствах» [15]. В тексте, помимо обоснования необходимости финансовых вложений, содержалась аргументация, в которой прослеживаются идейные зачатки панафриканизма: «Это *[неблагоприятное положение. – Прим. автора]* и другие соображения, о которых здесь нет нужды особо упоминать, побуждают нас искренне желать вернуться в Африку, нашу родную страну, теплый климат которой гораздо более естественен и приятен для нас; и, для которой бог природы создал нас; и где мы будем жить среди равных нам и чувствовать себя более комфортно и счастливо, чем мы можем быть в нашем нынешнем положении; и, в то же время, можем иметь перспективу быть полезными для наших братьев там» [15].

Согласно «Бостонскому плану» – именно под таким названием петиция вошла в историю – предполагалось выбрать из числа африкано-американцев «расположенных переехать» и наиболее «способных вести дела», объединить их, сформировать из них религиозное общество, избрать пастора или епископа, снабдить переселенцев всем необходимым и отправить в Африку на свободные, никем не обрабатываемые земли. Ожидалось, что потенциальные репатрианты создадут собственное государство с конституцией, христианской церковью, школами и тем самым выполнят цивилизаторскую миссию, поспособствовав «спасению своих братьев-язычников». По мнению авторов документа, все это могло бы «заложить счастливую основу для дружеских и прочных связей между этой *[африканской. – Прим. автора]* страной и США посредством выстраивания взаимных отношений

и прибыльной торговли, которые могут значительно перевесить все необходимые для реализации плана расходы» [15]. Палата представителей законодательного собрания приняла прошение, но оно затерялось в инстанциях и в итоге так и не было удовлетворено. Несмотря на отсутствие желаемого результата, данная петиция имела существенное значение, став образцом для подобных документов, выносимых на рассмотрение в других частях страны. Сам Принс Холл, будучи одним из ее идейных вдохновителей, в дальнейшем не предпринимал попыток возвращения на родину предков, сосредоточив свои усилия на борьбе с рабством.

Подлинным пионером движения «Назад в Африку» стал Пол Каффи⁶ (1757/9–1817), земляк и младший современник П. Холла, судовладелец и торговец, квакер, возможно, богатейший африкано-американец своего времени. Рано заработав состояние на китобойном промысле, морских перевозках и торговле, он начал использовать свои средства и влияние во благо африкано-американской общины. На первых порах его инициативы ограничивались трудоустройством черных бостонцев и адресной помощью. Однако в последние 36 лет своей жизни П. Каффи все более активно участвовал в политической жизни и борьбе с рабством. В 1780 г. он вместе с братом Джоном и пятью единомышленниками отказался платить налоги в знак протеста против запрета на участие черных и коренных американцев в голосовании. Прибегнув к распространенной предшественниками практике, свою позицию предприниматели выразили в петиции [16]. Несмотря на то что после громкого протеста П. Каффи был заключен в тюрьму, сумму взимаемых с него налогов сократили [17].

Любое проявление несправедливости по отношению к нему, его семье или делу заставляло молодого амбициозного предпринимателя действовать. Отказ от уплаты налогов был нетипичным, достаточно рискованным, но не самым дерзким поступком П. Каффи. Когда 19 апреля 1812 г. таможня в Вестпорте арестовала его судно как нарушившее введенное в 1807 г. эмбарго на британские товары и отказалась вернуть его имущество, он решил потребовать возмещения ущерба от президента Джеймса Мэдисона. Отправившись 2 мая 1812 г. в Белый дом, он стал первым свободным африкано-американцем, удостоенным аудиенции главой государства. Согласно сведениям, приведенным историками Ламонтом Томасом [18] и Генри Луисом Гейтсом-младшим, исход встречи был более чем благополучным. Д. Мэдисон не только дал распоряжение вернуть судно и груз, но также обсудил с П. Каффи его недавний визит в Сьерра-Леоне и идею африкано-американского участия в колонизации.

Мысли о колонии темнокожих американцев в Сьерра-Леоне занимали П. Каффи несколько лет [19]. Заручившись поддержкой британских аболи-

⁶ Изначально он носил фамилию Слокум, но в возрасте 21 года решил взять фамилию Каффи, образованную от имени его отца – Кофи, что косвенно указывает на принадлежность семьи к народу ашанти.

ционистов, в частности «Африканской организации»⁷, П. Каффи отправился в страну, которую считал наиболее подходящим местом для переселения свободных черных американцев. Во время своей первой поездки он купил дом во Фритауне и основал «Общество дружбы Сьерра-Леоне». В декабре 1815 г. он и 38 африкано-американцев⁸ (за его счет) отплыли в Африку, в феврале 1816 г. высадились в Сьерра-Леоне. Спустя несколько месяцев П. Каффи вернулся в США и начал организовывать новое путешествие, которое, увы, не состоялось по причине его тяжелой болезни и последовавшей за ней смерти.

Отправления на историческую родину все же стали регулярными, хоть и не усилиями черных американцев: основанное в 1816 г. белыми либералами Американское колонизационное общество, в течение последующих сорока лет поспособствовало переселению в Либерию 13000 свободных черных американцев. Инициативы создания «Провинции Свободы», «процветающих колоний в Африке» [17] вылились в освоение реэмигрантами территории Сьерра-Леоне и в образование Либерии (1821 г.).

Появление и развитие идеи реэмиграции свидетельствовали об обращении черных американцев к африканским корням, осознании общности и солидарности в границах расы. Баптистский священник Лотт Кэри (1780–1828), писатель и основатель Африканской методистской епископальной церкви Дэниэл Кокер (Исаак Райт, 1780–1846), один из создателей газеты «Дневник Свободы»⁹, первый черный губернатор африканского Мэриленда Джон Рассвурм (1799–1851), отправившиеся в Африку при помощи Американского Колонизационного общества, видели необходимость самоопределения черного населения Старого и Нового Света в условиях обретенной свободы. Двое из них, будучи священниками, открыли миссии и церкви, проповедовали принципы солидарности и братства.

Согласно мнению Г. Л. Гейтса-младшего, истинными последователями П. Каффи стали Мартин Робисон Делани (1812–1885), Генри Хайланд Гарнет (1815–1882), Генри МакНил Тернер (1834–1915) и Маркус Гарви (1887–1940) [16]. Все они, публично обосновывая причины, цели и перспективы возвращения в Африку, внесли вклад как в процесс деконструкции теории неполноценности людей африканского происхождения, так и в развитие концепта единства представителей негроидной расы. Они же оказали влияние на формирование принципов и риторики panaфриканизма.

Вследствие нецеленаправленного объединения усилий в деле осмысления опыта и улучшения жизненных условий людей африканского про-

⁷ «Африканская организация» (“African Institution”) была основана аболиционистами Джеймсом Стивенсом и Уильямом Уилберфорсом в 1807 г. с целью наладить жизнь поселенцев в Сьерра-Леоне.

⁸ 18 взрослых и 20 детей; самому младшему участнику экспедиции было 6 месяцев, самому старшему – 60 лет.

⁹ «Дневник Свободы» - первое африкано-американское периодическое издание, выходящее в США в 1827-1829 гг.

исхождения во второй половине XIX в. сформировались, по крайней мере, четыре ключевых принципа панафриканизма: самоопределение, самооценочность, самоуправление и солидарность. Каждый из них в том или ином контексте нашел отражение в набиравшем популярность лозунге «Африка для африканцев». Его происхождение и подлинный смысл неоднократно вызывали споры среди ученых; авторство слогана приписывали и Э. Блайдену, и Маркусу Гарви. Советский африканист М. Ю. Френкель весьма убедительно аргументировал факт принадлежности фразы М. Р. Делани [20, р. 15], в 1861 г. опубликовавшему «Отчет об исследовании долины Нигера». В нем содержались следующие слова: «...Африка для африканской расы, и черные люди должны управлять ею. Под черными людьми я имею в виду людей африканского происхождения, заявляющих о расовой идентичности» [21].

В настоящее время имя М. Делани чаще связывается с черным национализмом, но он одним из первых обосновал концепты самоуправления и самооценочности людей африканского происхождения, прочно вошедшие в свод принципов панафриканизма.

Американский ландшафт обеспечивал необходимые условия для переосмысления африкано-американцами своего положения. Тот факт, что на его фоне начали конструироваться идейные рамки панафриканизма, признается многими исследователями; зарождение его институциональных элементов традиционно помещается в другие территориальные рамки.

Само появление слова «панафриканский» связывается с Великобританией (Лондоном), где усилиями тринидадского адвоката Генри Сильвестра Уильямса (1869–1911) была создана «Африканская Ассоциация» (1897 г.) и инициировано проведение первого крупного тематического мероприятия. Лондонская Панафриканская конференция 1900 г. навсегда останется знаковым событием, в ходе которого были продекларированы цели и ценности движения. Однако прилагательное «панафриканский» (pan-African) было зафиксировано в США, как минимум, за семь лет до ее проведения.

В августе 1893 г. в Чикаго состоялся Конгресс по Африке (Congress on Africa), который, по словам его секретаря Фредерика Перри Нобла, составившего подробный отчет [22] о форуме, «заставил прессу изумленно воскликнуть, а мир, как никогда прежде, осознать, что Африка – часть содружества наций, а ее народы – новый фактор истории» [22]. Подавляющее большинство делегатов были африкано-американцами (в их числе – и те, кто активно работал в Африке: Александр Краммелл [1819–1898] и Г. М. Тернер). Но в списке участников также содержатся имена некоего «Джонсона из Лагоса» и египтянина Якуба Паши.

В ходе мероприятия были представлены доклады, освещающие широкий круг проблем. 14 августа – день открытия Конгресса – начался с обсуждения географии и истории, 15 августа был объявлен «днем цветных людей» (colored people's day), 16 августа был посвящен языкам и литера-

туре, 17–19 августа – проблемам социологии, работоторговли, образования, 20 августа – религии и миссионерству. В разделе отчета о результатах работы конгресса Ф. П. Нобл привел слова корреспондента чикагской газеты «The Advance»: «Этот грандиозный конгресс несомненно был одним из самых примечательных собраний последних лет по меркам любой страны. У нас были пан-пресвитерианский, пан-методистский, пан-англиканский, пан-миссионерский и пан-конгрегационалистский советы. Их масштаб и важность превзошли все ожидания. Но ничто не могло превзойти по значимости пан-африканскую конференцию» [22]. Спустя два года в Атланта Миссионерским фондом Стюарта был организован подобный конгресс, основными темами которого стали евангелизация и цивилизование Африки.

Даты проведения Чикагского Конгресса, согласно утверждению П. Эседебе, вполне «можно считать началом panaфриканского движения» [23, р. 39]. Несмотря на содержащуюся в источнике эмблему – «panaфриканская конференция», – к подобным заявлениям следует относиться критически. Более чем ограниченное присутствие африканцев и отсутствие четких целей, прокламаций, программных установок, а также связи с последующими более известными конференцией и конгрессами позволяет характеризовать мероприятие как panaфриканистское лишь номинально, но не по сути. Кроме того, по мнению одного из самых известных современных исследователей panaфриканизма Хакима Ади, «общая ориентация Конгресса сохранила евроцентристское представление об африканце как о субъекте, а не агенте, и о необходимости принести “цивилизацию” и торговлю в Африку извне» [24, р.19]. США вполне могут претендовать на звание родины слова «panaфриканский», однако, вопреки заявлениям П. Эседебе и его последователей, вряд ли могут считаться местом институционализации panaфриканского движения.

Panaфриканизм как в его теоретико-философской, так и в сугубо практической, активистской сущностях формировался в условиях нецеленаправленного динамичного сотворчества африкано-американцев, афрокарибцев и африканцев. Пропорции вклада темнокожих американцев в развитие течения менялись. Зародившись в аболиционистских и реэмигрантских кругах, в том числе и на территории США, инициатива деятельного африканского единения вращалась внутри «треугольника трансатлантических влияний», преобразовывалась в новые формы, которые наполнялись новым содержанием. Согласно утверждению И. Гейсса, «аболиционизм по обе стороны Атлантического океана, свободные афро-американцы в США (а также Британской Вест-Индии) и Сьерра-Леоне прямо и косвенно помогли создать те современные элиты в Новом Свете и в Африке, которые смогли сформулировать идею panaфриканизма, перевести ее в формы политической агитации и действия в XX в.» [6, р. 188]. Западная Африка восприняла импульс panaфриканизма и, приняв эстафету, соглас-

но выражению Джейбза Айоделе Лэнгли¹⁰, выступила одновременно «рецепиентом, критиком и распространителем» [25, р. 1] идей всеафриканского единства и солидарности.

Контуры panaфриканизма выкраивались на фоне рабства и колониализма, ставшем своего рода полем, где определился статус идеи и были обеспечены ее взаимоотношения с прошлым и будущим [26, с. 191]. Это поле заполнялось теоретическими построениями и инициативами людей африканского происхождения, жаждущих изменений, и к середине XX в. разрослось до масштабов охватывающей три континента пестрой «сети», во фрагментах которой со временем увеличивалось количество как «клубков», так и «разрывов». Восполнение связей и распутывание «узлов» между элементами (как структурными, так и региональными) panaфриканизма – вызов для сторонников и исследователей течения в XXI в.

Ссылки

1. Guest J. C. Old and New Pan-Africanism Vis-à-Vis Regional Integration: Lessons for Dealing with the Challenges of Globalization // *Africa and Globalization* / Ed. K. T. Setiloane, A. K. Bangura. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. P. 239–259.
2. Esedebe P. O. Origins and Meaning of Pan-Africanism // *Présence Africaine*. 1970. № 73. P. 109–110.
3. Ajala A. Pan-Africanism: Evolution, Progress, and Prospects. London: St. Martin's Press, 1973. 442 p.
4. Diop A. Remarks on African Personality and Negritude // *Pan-Africanism Reconsidered* / Ed. by American Society of African Culture. Berkeley: University of California Press, 1962. P. 337–345.
5. Shepperson G. Pan-Africanism and «Pan-Africanism»: Some Historical Notes // *Phylon*. 1962. Vol. 23, № 4. P. 346–358.
6. Geiss I. Pan-Africanism // *Journal of Contemporary History*. 1969. Vol. 4, No. 1. P. 187–200.
7. Потехин И. И. Панафриканизм и борьба двух идеологий // *Коммунист*. 1964. № 1. С. 101–108.
8. Высоцкая Н. И. Идеиные течения в Тропической Африке. М., 1969. С. 18–79.
9. *Routledge Handbook of Pan-Africanism* / Ed. by R. Rabaka. L.: Routledge, 2020. 568 p.
10. Фуко М. Ницше, генеалогия и история. URL: <https://www.nietzsche.ru/look/hxb/fuko/> (дата обращения: 22.10.2022).

¹⁰ Джейбз Айоделе «Айо» Лэнгли (1943–2007) – дипломат и исследователь гамбийского происхождения; профессор Университета Говарда (Вашингтон, США); автор книги «Панафриканизм и национализм в Западной Африке 1900–1945» (1973 г.).

11. Ивкина Н. В., Кассасе Н. Основные этапы становления и развития концепции panaфриканизма: история и современность // *Азия и Африка сегодня*. 2022. Вып. №10 С. 34–40.
12. Александров Г. Америка, Англия и Британская Империя в нарративах африканцев XVIII в. // *Ученые записки Института Африки Российской Академии наук*. 2020. № 2 (51). С. 51–65.
13. Блинова Е. В. Автобиография О. Эквиано как исторический источник. Источниковедение истории Африки и Диаспоры: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции с международным участием. Ярославль: ЯрГУ, 2016. С. 7–18.
14. Boston, 1773. Circular letter signed «In behalf of our fellow slaves in this province, and by order of their committee ...». Massachusetts Historical Society. URL: https://www.masshist.org/database/viewer.php?pid=2&old=1&mode=nav&ft=Coming%20of%20the%20American%20Revolution&item_id=479 (accessed:13.01.2022).
15. The Boston Plan // *Africans in America*. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/aia/part2/2h59t.html> (accessed:13.01.2022).
16. Petition signed by John Cuffe and Paul Cuffe regarding taxation // The Smithsonian Institution. URL: https://edan.si.edu/transcription/pdf_files/26310.pdf (accessed: 23.08.2022).
17. Gates Jr. H.L. Who Led the First Back-to-Africa Effort? URL: <https://www.pbs.org/wnet/african-americans-many-rivers-to-cross/history/who-led-the-1st-back-to-africa-effort/> (accessed: 25.01.2022).
18. Thomas L. D. Rise to be a People: A Biography of Paul Cuffe. Champaign: University of Illinois Press, 1986. 187 p.
19. Cuffee P. Memoir of Captain Paul Cuffee: a man of colour: to which is subjoined. The epistle of the Society of Sierra Leone, in Africa. Temple University. URL: <https://www.jstor.org/stable/community.31983077> (accessed: 20.09.2022).
20. Frenkel M. Yu. African Nationalism as Ideology. Moscow: Institute for African Studies, 2003. 48 p.
21. Delany M. R. Official Report of the Niger Valley Exploring Party. The Project Gutenberg. July 22, 2007. URL: <https://www.gutenberg.org/files/22118/22118-h/22118-h.htm> (accessed 25.10.2022).
22. Noble F. P. The Chicago congress on Africa. Chicago III: Congress of Africa Publications, 1894. P. 279. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=iau.31858034843320&view=1up&seq=11&q1=pan> (accessed 25.10.2022).
23. Esedebe P. O. Pan-Africanism: The Idea and Movement, 1776–1991. Washington: Howard University Press, 1994. 295 p.
24. Adi H. Pan-Africanism: A History. London: Bloomsbury Academic, 2018. 312 p.
25. Langley J. A. Pan-Africanism and Nationalism in West Africa 1900–1945. Oxford: Oxford University Press, 1973. 360 p.
26. Фуко М. Археология знания. СПб: Гуманитарная Академия, 2012. 416 с.

Housing cooperation in the USSR: ways of studying

R. Y. Chervyakov¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-50-57

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the basic tendencies of development of historiography of housing cooperation of the USSR, generated in 1920-1930th and 2000-2010th. The first trend goes back to the Soviet ideological settings, due to which the housing cooperation is considered only from the formal-legal side. In the 1940s and 1990s, no serious research on cooperation emerged. The second one is regional studies, which started to develop in early 2000s and extends the source base by means of archives' materials, however it doesn't allow to form concrete and historical view of the problem. There is therefore a need for a new approach to the study of the phenomenon of housing cooperation in the context of housing solutions.

Keywords: housing cooperation; housing issue; historiography; bibliography; formal-legal approach

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chervyakov, Ruslan Y. | E-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru
Postgraduate

Жилищная кооперация СССР: пути изучения

Р. Ю. Червяков¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-50-57
УДК 930

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проанализированы основные тенденции развития историографии жилищной кооперации СССР, сформированные в 1920–1930-е и 2000–2010-е гг. Первая тенденция восходит к советским идеологическим установкам, в связи с которыми жилищная кооперация рассматривается только с формально-юридической стороны. В 1940–1990-е гг. серьёзных исследований, посвящённых кооперированию жилья, не появилось. В рамках второго, краеведческого, направления, получившего развитие в начале 2000-х гг., произошло расширение источниковой базы за счёт привлечения материалов местных архивов, однако это не позволило в полной мере сформировать конкретно-историческое представление о проблеме. В этой связи возникает необходимость в формировании нового подхода к изучению феномена жилищной кооперации в контексте решения жилищного вопроса.

Ключевые слова: жилищная кооперация; жилищный вопрос; историография; библиография; формально-юридический подход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Червяков, Руслан Юнадиевич | E-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru
Аспирант

Изучение кооперации в России инициировало появление значительного корпуса литературы, который и сам по себе уже успел стать предметом библиографических изысканий не одного поколения историков [1–3]. Можно обозначить некоторые их черты. Исследования по кооперации междисциплинарны по своему характеру. Каждая дисциплина, будь то социология, политология, культурология или юриспруденция, считает необходимым прикоснуться к теме российской кооперации, найти свои аспекты проблемы. Ищут свой гуманитарный ракурс и историки. Нередко им сопут-

ствуется успех, в особенности в тех случаях, когда усилия отдельного исследователя подкреплены успехами научной школы, к которой он относится¹.

В то же время в последние десятилетия в изучении кооперации возобладал формально-юридический подход, рассмотрение её с точки зрения формы как деятельности некоторых формализованных единиц (кооперативов, артелей, коммун, товариществ), занятых производством, распределением и потреблением материальных благ. Между тем при таком подходе ускользает конкретное бытование такого сложного, органично связанного с отечественной хозяйственной традицией явления, как кооперация. Историки наиболее активно изучают сельскохозяйственную, потребительскую и кустарно-промысловую формы кооперирования, другие же объединения изучаются значительно меньше.

Обратимся к жилищной кооперации в контексте опыта её изучения. Уместно начать с библиографического подхода, поскольку составители перечней литературы традиционно не включали работы, посвящённые жилищной кооперации в свои труды, ссылаясь на их малочисленность. Отчасти это справедливо, поскольку большая часть исследований, посвящённых этой теме, появилась в XXI в., тогда как последние библиографические обобщения были предприняты значительно раньше. Работа с каталогами Государственной публичной исторической библиотеки и Российской государственной библиотеки позволила выявить значительный круг литературы, вполне достаточный для историографического анализа.

Первая публикация о жилищной кооперации, которая может стать предметом историографического анализа, увидела свет в 1930 г. и была приурочена к пятилетию принятия постановлений, легализовавших жилищно-арендные и жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖАКТы и ЖСКТы) [7]. Название сборника «За новое жилище» говорит само за себя. В стране, где революционные потрясения сменились начавшейся индустриализацией, взорвавшей традиционный бытовой уклад крестьянского мира, вопрос о том, каким должно быть новое жильё, оказался актуален. Все те, кто так или иначе оказался причастен к разработке государственных программ, старались дать свои ответы на этот вопрос. Не остались в стороне и руководители Центрального союза жилищной кооперации РСФСР (Центрожилсоюза) — органа, контролировавшего процесс строительства жилья и управления им на кооперативных началах. Публикации Ю. Ларина [7, с. 5–20] и В. Я. Белоусова [7, с. 21–52] имели характер юбилейных докладов, резюмирующих опыт предшествующего пятилетия. В то же время именно в них был сформулирован официальный взгляд на жилищную кооперацию СССР. Остановимся на них подробнее.

¹ Примерами служат научные школы В. Г. Тюкавкина, в рамках которой подготовлены кандидатская диссертация Н. Н. Чеховской [4] и докторская диссертация Е. Ю. Болотовой [5], и Э. М. Шагина, при научном консультировании которого подготовлена докторская диссертация А. В. Лубкова [6].

Пятилетний опыт кооперативного строительства в сфере жилья преподносился как особый этап развития кооперации, отличный от дореволюционных времён. Справедливости ради необходимо отметить, что «собственническая», «буржуазная» (по выражению руководителей Центрожилсоюза) жилищная кооперация начала XX в. была развита слабо, и до сих пор её деятельность мало освещена в литературе. Первые попытки охарактеризовать историю дореволюционных домостроительных обществ были предприняты совсем недавно [8]. Но, помимо домостроительных обществ, существовала и неформальная крестьянская кооперация. Постройка деревянного дома — задача трудоёмкая, требующая усилий всего деревенского мира. Традиция эта уходит корнями в далёкое прошлое [9, с. 300–324, 430]. Можно говорить о существовании навыка кооперирования, который был забыт в годы революции и Гражданской войны, но не исчез окончательно. Он вполне мог быть рассмотрен как предпосылка к складыванию нового, городского, быта, основанного на кооперации. Однако в рамках традиции, закладываемой руководством Центрожилсоюза, этого не произошло.

Жилищная кооперация оказалась увязана с процессом построения коммунистического общества. В этой связи проблема жилищной кооперации оказалась оторвана от остальной кооперации, изучаемой в русле социально-экономической парадигмы, и отнесена к истории рабочего класса, изучения культурно-бытовых условий жизни пролетариата. Неслучайным в этой связи кажется тот факт, что первые обращения к проблеме жилищной кооперации в постсоветский период предприняли сторонники методологии социальной истории — антропологи [10, с. 179–183] и историки повседневности [11, с. 93; 12, с. 134–152], вышедшие из научных школ, занимавшихся историей социальных структур советского общества. В их исканиях жилищная кооперация осталась одной из многих составляющих механизма решения «жилищного вопроса» в первые послереволюционные годы.

Подобная идейная заданность предопределила судьбу проблематики в советский период. Отнесённая к культурно-бытовым проблемам, жилищная кооперация оказалась исключена из исследовательского поля историков. Формальные очерки истории жилищной кооперации, подготовленные правоведами, фиксировали лишь внешнюю сторону процесса [13–14]. Примечательно, что и во второй половине 1980-х гг., когда многие темы исследований получили «второе дыхание», проблема жилищной кооперации не вызвала интереса у специалистов. Так, Л. Е. Файн, ученик И. Б. Берхина, основоположник «ивановской школы» изучения кооперации, в пособии, посвящённом кооперации 1920-х гг., отказался от рассмотрения жилищно-арендной и жилищно-строительной кооперации [15, с. 55].

В постсоветский период возрождение интереса к жилищной кооперации началось через публицистику [16]. Отмечая своеобразие этого ракурса, академик И. Д. Ковальченко указывал на его «важное значение, во-первых, в определении круга вопросов, требующих первоочередного научного изу-

чения, и, во-вторых, в формировании исторического сознания и повышении его мировоззренческой роли» [17, с. 86]. Социальные потрясения рубежа тысячелетий, затронувшие в том числе и жилищную сферу, пробудили интерес к опыту предшествующих десятилетий. Из всех периодов истории развития жилищной кооперации публицисты избрали период 1920–1930-х гг., тогда как кооперация 1930–1950-х и 1950–1980-х гг. практически выведена за скобки. В общественное сознание оказался вброшен тезис об «успешном опыте» жилищной кооперации 1920–1930-х гг., хотя он пока не был подкреплён научными исследованиями.

Такие труды не заставили себя ждать. Первые диссертационные исследования, в которых проблема жилищной кооперации рассматривалась на конкретно-историческом материале, были подготовлены в разных российских городах в 2004–2007 гг. [18–20]. Несмотря на то что тема жилищной кооперации в рамках предпринятых исследований была заявлена лишь косвенно, указанные работы существенно продвинули развитие проблематики. Обозначим их ключевые особенности.

Обращает на себя внимание контекст, в который включалось кооперативное жилищное строительство. Так, анализ жилищной кооперации в условиях развития потребительских обществ был предпринят Ю. И. Сливкой [18, с. 17]. Этот подход был продолжен в исследовании петербургского историка А. Ю. Давыдова, ученика А. З. Ваксера и З. В. Степанова [21, с. 144–156]. Жильё оказалось отнесено к разряду потребительских товаров. Вероятно, подобная мировоззренческая установка была бы более применима ко дню сегодняшнему, но с ней необходимо считаться.

Большинство исследователей рассматривают как органическое целое довоенный и послевоенный этап развития кооперации [22–23]. Исключением составляет работа Х. Х. Хуснуллина, верхней хронологической границей которой избран 1959 г. – год принятия семилетнего плана развития народного хозяйства СССР [19, с. 10]. Великая Отечественная война стала не только историографическим, но и важнейшим онтологическим рубежом, приведшим к корректировке в том числе и социальной политики государства. В этой связи подобное разграничение кажется справедливым.

Другим позитивным явлением, проявившимся в 2000-е гг., следует признать привлечение материалов региональных архивов, в которых отложились как материалы деятельности ЖАКТов и ЖСКТов, так и сведения о контроле над ними со стороны партийных и советских органов. Они способны существенно скорректировать наши представления о ходе кооперативного строительства в сфере жилья, которые прежде основывались на материалах законодательства и периодической печати. Этот подход реализован в публикациях О. Г. Вязовой, исследователя кооперативного движения Чувашии [24–25], и продолжен А. Н. Зуевым на материалах Ивановской промышленной области [26].

Акцент на законодательные источники сделан в кандидатской диссертации и монографии иркутского историка архитектуры М. Г. Мееровича «Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты)» [27]. Уже в заглавии книги, призванном отразить взгляд автора на рассматриваемую проблему, прослеживается попытка вернуть изучение жилищной кооперации к канонам 1930-х гг. По замыслу М. Г. Мееровича, жилищная кооперация, «рожденная» в годы нэпа, пришла к своей «смерти» в 1937 г., давшему старт периоду «большого террора». Автор предлагает рассматривать процесс кооперирования жилищной сферы «в контексте программ коллективизации и индустриализации», поскольку «жилище... целенаправленно использовалось советской властью как средство, обеспечивающее осуществление этих программ» [27, с. 5]. Сходные идеи выдвигал В. Я. Белоусов, когда призывал включать процесс кооперирования жилья в контекст индустриализации [7, с. 28–29]. Однако в призывах последнего не было столь мощной политической подоплёки, нашедшей отражение в научном исследовании, изданном в 2004 г. и переизданном под другим названием в 2008 г. [28]. К сожалению, подобные политизированные подходы не способствуют развитию проблематики.

В последние годы жилищная кооперация вызывает интерес у историков архитектуры. Помимо упомянутого М. Г. Мееровича, в 2019 г. М. Б. Князевым была защищена диссертация «Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х — первой половины 1930-х годов» [29], в которой детально рассмотрена архитектурная практика рабочих ЖСКТ. Искусствоведческий ракурс, несомненно, будет способствовать более полному изучению проблемы, особенно в тех случаях, когда он оказывается сопряжён с мировоззренческими основаниями кооператоров и строителей.

Обобщая сказанное, можно обозначить две господствующие тенденции в развитии историографии жилищной кооперации 1920–1930-х гг., сменяющие друг друга волнообразно. Первая восходит к традиции, заложенной советскими органами, руководившими кооперацией. В соответствии с этим взглядом жилищная кооперация рассматривается в отрыве от предшествующего опыта кооперирования жилья и представляется как средство борьбы за новый бытовой уклад. В современной литературе сторонники этого подхода исповедуют формально-юридический взгляд на жилищную кооперацию и зачастую иллюстрируют его законодательными материалами, не подкреплёнными правоприменительной практикой, и статьями из отраслевых периодических изданий, дававших пристрастные характеристики кооперации.

Противоположный взгляд представляют исследователи, опирающиеся на краеведческую традицию. Привлечение материалов местных архивов способствует обогащению темы конкретно-историческим материалом, но и в этом случае полностью освободиться от формально-юридическо-

го взгляда на жилищную кооперацию не получается. Историки в рамках указанного подхода нередко вписывают развитие жилищной кооперации в контекст развития потребительской кооперации в советский период, что мешает посмотреть на опыт решения жилищного вопроса как таковой.

Недостаток собственно исторического взгляда на проблему жилищной кооперации приводит к соскальзыванию на внешнюю сторону вопроса. Между тем именно в жилищной сфере проявляется вся полнота и сложность человеческого характера. Неслучайно русские писатели посвятили немало строк «жилищному вопросу». Жильё как место, куда человек «может пойти» или вернуться, где проходит значительная часть его жизни, в котором находят отражение его вкусы и привычки, – в качестве специфического предмета исследования, как ничто другое, может быть использовано для выявления нравственных мотивов борьбы людей за квадратные метры в 1920–1930-е гг. Конкретно-исторический подход с опорой на широкую источниковую базу, в которой нашли отражение межличностные отношения в процессе кооперативного строительства, безусловно, позволит вывести развитие проблематики на новый этап.

Ссылки

1. Меркулов А. В. Систематический указатель кооперативной литературы, вышедшей в СССР в 1925 и 1926 гг. М.: Книгосоюз, 1927. 158 с.
2. Меркулов А. В. Систематический указатель кооперативной литературы, вышедшей в СССР в 1927 и 1928 гг. М.: Книгосоюз, 1930. 179 с.
3. Ильин Ю. А. Отечественная кооперация: Библиографический указатель литературы за 1925–1992. Иваново: ИвГУ, 1992. 471 с.
4. Чеховская Н. Н. Московский народный банк и его роль в развитии кооперации в России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 311 с.
5. Болотова Е. Ю. Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX вв.: опыт общественного регулирования: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 36 с.
6. Лубков А. В. Кооперативное движение Центральной России, 1908–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 479 с.
7. За новое жилище: сборник статей к 5-летию жилищной кооперации / под ред. Ю. Ларина и В. Я. Белоусова. М.: Центрожилсоюз, 1930. 211 с.
8. Пушкина А. В. Управление многоквартирными домами: история и современность // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12, № 6. С. 93–103.
9. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
10. Кулакова И. П. История московского жилья. М.: ОГИ, 2006. 286 с.
11. Лебина Н. Б. XX век: Словарь повседневности // Родина. 2005. № 7. С. 93–96.
12. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 574 с.

13. Чиквашвили Ш. Д. Жилищно-строительная кооперация в СССР. М.: Юридическая литература, 1965. 200 с.
14. Хламов И. Т. Жилищно-строительная кооперация в СССР. Правовые вопросы. Саратов: СГУ, 1982. 183 с.
15. Файн Л. Е. Развитие кооперации в СССР в 20-е годы. Основные проблемы и итоги их изучения: учебное пособие. Иваново: ИвГУ, 1988. 81 с.
16. Говоренкова Т. М., Савин Д. А. Жилищный вопрос и жилищная кооперация — опыт России // Посев. 2002. № 5. С. 12–17.
17. Ковальченко И. Д. Исследование истины само должно быть истинно // Коммунист. 1989. № 2. С. 86–96.
18. Сливка Ю. И. Развитие кооперации в Нижнем Поволжье в 1921–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 20 с.
19. Хуснуллин Х. Х. Становление и развитие жилищного строительства в Татарстане в 1920–1959 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 22 с.
20. Фарберова О. Е. История кооперативного движения в Центральном Черноземье (октябрь 1917–1934 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 25 с.
21. Давыдов А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя, 2011. 212 с.
22. Горлов В. Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 52 с.
23. Власов С. А. Жилищное строительство в оценке отечественной историографии (1946–1991 гг.) // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 27–34.
24. Вязова О. Г. Индустриализация в Чувашии и решение жилищно-строительной кооперации // И. Д. Кузнецов — учёный, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. М., 2006. С. 546–556.
25. Вязова О. Г. Жилищно-строительная кооперация Чувашии 20–30-х годов XX века: организационная структура и взаимоотношения с властью // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 1. С. 37–49.
26. Зуев А. Н. Роль жилищно-строительной кооперации по разрешению жилищного вопроса в Советском Союзе во второй половине 20-х гг. XX в. (по материалам областей Верхнего Поволжья) // История повседневности. 2018. № 2(7). С. 61–71.
27. Меерович М. Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР, 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. 274 с.
28. Меерович М. Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. М.: РОССПЭН, 2008. 300 с.
29. Князев М. Б. Ведомственное и кооперативное жилище в Москве второй половины 1920-х — первой половины 1930-х годов: автореф. дис. ... канд. арх. М., 2019. 27 с.

The party "Ciudadanos" in the context of the crisis in Catalonia (March 2017 – June 2018)

E. S. Ryzhikova¹

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-58-65

Research article
Full text in Russian

The article examines the activities of the national party "Ciudadanos" with a focus on its initiatives during the acute phase of the crisis of separatism in Catalonia, associated with the referendum on the independence of the region (October 1, 2017) and the political struggle between supporters and opponents of the state unity of Spain. The reaction of the "Ciudadanos" to the activation of the separatist movement revealed the specifics of its ideological image. Special emphasis is given to the tactics of the "Ciudadanos", the analysis of its relationship with the leading political players at the regional level. Using the example of the studying the activities of the "Ciudadanos" in the conditions of catalan separatism, can be analyzed its ability to adapt to daily "challenges"; to understand the prospects for overcoming the catalan crisis. The maneuvers of the "Ciudadanos" in Catalonia in 2017 – 2018 are considered as evidence of the changes taking place in the political system of Spain.

Keywords: Ciudadanos; Citizens; separatism; referendum of 2017; constitution; Spain

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ryzhikova, Ekaterina S. | E-mail: ekaterinaryzikova@gmail.com
Postgraduate

Партия «Граждане» в условиях каталонского кризиса (март 2017 – июнь 2018 гг.)

Е. С. Рыжикова¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-58-65

Научная статья

УДК : 94(460)

Полный текст на русском языке

В статье исследуется деятельность испанской партии «Граждане» с фокусом на её активности в период острой фазы кризиса сепаратизма в Каталонии, связанного с проведением референдума о независимости региона (1 октября 2017 г.) и политической борьбой между сторонниками и противниками государственного единства Испании. Реакция «Граждан» на активизацию сепаратистского движения выявила специфику их идейного облика. Особое внимание в работе уделяется тактике «Граждан», анализу взаимоотношений партии с ведущими политическими игроками в регионе. На примере изучения деятельности «Граждан» в условиях каталонского сепаратизма можно проанализировать их способность к адаптации к «вызовам»; понять, насколько эффективна выбранная партией тактика. Манёвры «Граждан» в Каталонии в 2017–2018 годах рассматриваются как свидетельство изменений, происходивших в политической системе Испании.

Ключевые слова: партия «Граждане»; сепаратизм; референдум 2017 г.; конституция; Испания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыжикова, Екатерина Сергеевна | E-mail: ekaterinaryzikova@gmail.com
Аспирант

Подъем национального движения в Каталонии с середины 2000-х гг. связан с требованиями реформы структуры испанского государства, шире – конституционных преобразований. На фоне данного процесса изменилась расстановка политических сил в самой Каталонии: появились новые партии как сепаратистской, так и конституционной направленности. Партия «Граждане», созданная в 2005 г. как реакция на рост регионального национализма, быстро превратилась в политическую силу, об-

© Рыжикова Е. С., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ладающую влиянием не только в Каталонии, но и на общенациональном уровне.

Базовой ценностью «Граждан» являлся основополагающий политический ориентир – Конституция 1978 г., из чего следовали данные программные принципы: единая Испания, свобода (в том числе и политическая), равенство, двуязычие. Название партии отразило программную цель создателей – сохранение статус-кво административно-территориальной модели Испании, борьба с региональным национализмом и сепаратизмом. «Граждане» сформировали и продвигали идею испанского гражданства как основу для формирования общественного единства всех испанцев. Партия постепенно дополнила свой идейный профиль: разработала программу, ориентированную на средние слои населения, в частности молодёжь (от 18 до 35 лет), которые больше всего пострадали от экономического кризиса, и поэтому делала акцент на социальные инициативы [1].

Вскоре «Граждане» обозначили и другие принципы: стремление к внутрипартийной демократии путём выборности, экономической прозрачности, открытость и доступность посредством многоуровневой системы членства и территориального представительства. Руководители «Граждан» и большинство их членов до 2015 г. не занимались профессионально политикой, что позволило им заявить о независимости своей партии от политического истеблишмента. На фоне коррупционных скандалов, в которых были замешаны представители ведущих партий, «Граждане» выступали как борцы с коррупцией. Создатели партии (в основном университетские преподаватели и юристы) отказались и от однозначного определения идейной специфики «Граждан», не заявив о своей приверженности ни либеральным, ни консервативным, ни каким-либо другим подобным ценностям [2]. «Граждане» постепенно сформировали свой имидж и претендовали на роль альтернативы традиционным партиям – консервативной Народной партии (НП) и Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Он оправдал себя. По результатам общеиспанских выборов 2015 г. «Гражданам» удалось потеснить партии-лидеры, НП и ИСРП, заняв третье место[3].

В период экономического и правительственных кризисов 2015–2017 гг. «Граждане» искали своё место на политическом олимпе: следовали ситуационной тактике в выборе партнёров по коалиции и отдавали предпочтение социалистам или консерваторам. К 2017 г. их союзником стала НП, однако партнёрство представлялось ненадежным из-за нарастания противоречий между ними. Одним из политических ресурсов «Граждан», определившим их коалиционную привлекательность, было влияние пар-

тии в Каталонии. Когда каталонский кризис стал наращивать обороты, «Гражданам» предстояло проявить свой потенциал.

Причины и развитие каталонского кризиса – проблема, которая нашла освещение в исследовательской литературе. Эскалация кризиса с 2016 г. объясняется стремлением радикально настроенной политической элиты региона пересмотреть бюджетно-налоговую политику на фоне неизжитых последствий экономического кризиса. Выделяются несколько этапов развития ситуации в Каталонии; особое внимание сосредоточено на референдуме (1 октября 2017 г.), завершившемся введением прямого управления Мадрида в автономии. Естественно, что исследователи изучили воздействие каталонского кризиса на общую политическую ситуацию в Испании, реакцию партийного истеблишмента на подъём сепаратистского движения [4–5]. В фокусе внимания оказались местные националисты, две общеиспанские партии – НП и ИСРП и новая «Подемос». «Граждане», несмотря на свою активность и как региональной, и как общенациональной политической силы, не привлекли специального внимания отечественных исследователей. Однако изучение идейных истоков «Граждан» постепенно становится темой пристального внимания испанских аналитиков; факт обладания политическим потенциалом в регионе и его влияния на позицию «Граждан» на общеиспанском уровне никем не опровергается [4, 6]. Особый интерес представляет деятельность «Граждан» в период острой фазы кризиса сепаратизма (март 2017 – июнь 2018 гг.).

Одной из главных задач «Граждан» оставалось решение каталонской проблемы, что вполне объяснимо, поскольку их политический успех в борьбе региональными националистами способствовал превращению партии в общеиспанскую силу. В условиях активизации сепаратистов «Граждане» подтвердили свою позицию – приверженность конституционным ценностям, выступали за отказ от регионального сепаратизма. В качестве решения языковой проблемы, существующей в регионе, партия отстаивала принцип билингвизма в общественной и частной сфере, выступала против дискриминации испанского языка [7]. В плане территориального устройства партия призывала сохранить статус-кво. «Граждане» выступали против увеличения полномочий автономии в образовательной и налоговой сфере. При этом до проведения референдума партия рассматривала возможность проведения конституционной реформы с целью сохранить Каталонию в составе испанского государства. Однако конкретных предложений от «Граждан» так и не последовало.

«Граждане» являлись главной оппозиционной силой в Каталонии и до марта 2017 года противостояли региональным националистам самостоятельно. После заявления сепаратистов о проведении референдума

по вопросу отделения Каталонии «Граждане», осознавая ответственность, начали ориентироваться на коалиционных партнёров – НП и ИСРП, которые также действовали в регионе и являлись сторонниками конституции. Именно поэтому вышеупомянутые партии считали неприемлемым проведение референдума без одобрения испанского парламента [8,р.15]. В первую очередь «Граждане» стремились перенести союз с правящими консерваторами с общенационального уровня в Каталонию. НП понимала, что её позиции в Каталонии были слабы. «Граждане» давали консерваторам шанс их укрепить – по аналогии с тем, как НП предоставляла возможности консолидации «Гражданам» на общенациональном уровне. Вскоре к НП и «Гражданам» присоединились социалисты. Сторонникам единства приходилось противостоять и общенациональной «Подemos», поддерживающей идею отделения Каталонии. Тем не менее, объединив все усилия и ресурсы, конституционным партиям не удалось предотвратить проведение референдума.

Во время референдума (1 октября 2017 г.) «Граждане» одобряли действия правительства Испании в Каталонии по урегулированию ситуации силовыми методами, что не противоречило конституционным нормам [9]. В условиях вероятной перспективы отделения региона конституционные партии выступили единым фронтом, то есть принцип поддерживался. «Граждане» и ИСРП поддержали законопроект правительства Испании, упрощающего процедуру вывода бизнеса из Каталонии в другие регионы страны после референдума [4,с. 76]. Таким образом, позиция «Граждан», обозначенная ещё в начале кризиса, не претерпела никаких изменений.

Между тем сепаратисты 10 октября подписали «Декларацию о независимости», но введение её в силу было отложено [10]. В сложившейся ситуации «Граждане» требовали от консерваторов решительных действий – применить 155 статью конституции. Статья предусматривала введение прямого управления регионом из «центра», право лишить Каталонию автономии, распустить правительство и парламент, в случае если региональные власти нарушали испанское законодательство [8, р. 34]. Выбранная «Гражданами» позиция свидетельствовала об их претензиях выступать от имени сторонников единства. НП не была готова к такому решению и дожидалась однозначного нарушения конституции со стороны сепаратистов.

Когда 27 октября 2017 года «Декларация» всё же вступила в силу, правительство отреагировало введением конституционных санкций – активацией 155 статьи, и данное решение, как и ожидалось, было поддержано «Гражданами» и ИСРП. Оказывая поддержку консерваторам, «Граждане»

проявили себя не как партия, занимающая выгодную ей позицию, а как политическая сила, которая отстаивала изначально значимые для неё ценности и программные установки.

После введения прямого управления Мадрида в Каталонии были проведены досрочные выборы (декабрь 2017г.), по результатам которых «Граждане» показали лучший результат в регионе, а их союзники – ИСРП и НП – заняли четвёртое и седьмое места соответственно[11]. Однако реальную победу на выборах получили сторонники независимости – совокупный результат сепаратистских партий превышал итоги сторонников единства. Конституционные санкции и выборы привели не к ослаблению, а к росту напряжения.

В то же время обозначилась и проблема партнёрства «Граждан» и НП. Консерваторы предложили «Гражданам», победителю выборов, сформировать однопартийное правительство в регионе. Однако «Граждане» не располагали влиянием в каталонском парламенте, необходимым для урегулирования конфликта, и не хотели брать на себя ответственность за потенциальное поражение. Именно поэтому «Граждане» отказались от предложения НП и продолжали бороться с сепаратистами в качестве лидера оппозиции [12].

Нарастали противоречия между сторонниками единства и по вопросу проведения конституционной реформы с целью расширения полномочий Каталонии. В отличие от традиционных партий, «Граждане» не рассматривали возможность выстраивания диалога с сепаратистами, а проведение какой-либо реформы являлось для неё неприемлемым, поскольку сторонники отделения уже вышли за рамки действующего законодательства. Таким образом, партия занимала более жёсткую позицию по сравнению с периодом до проведения референдума. Среди испанцев позиция «Граждан» оказалась более востребованной, чем у её партнёров[6].

В результате к власти в Каталонии пришло правительство, главой которого стал один из лидеров сепаратистов – Ким Торра (май 2018 г.). В тот период у конституционных партий определились разные приоритеты и стратегии, поэтому фактически блок в Каталонии распался. «Граждане» ориентировались на подготовку к общенациональным выборам, победа на которых могла бы обеспечить свободу манёвра для разрешения каталонской проблемы. Партия просила консерваторов пойти ей навстречу – сохранить статус-кво в регионе, то есть не отменять 155 статью [13]. Консерваторы отклонили просьбу. В то время НП, правящая партия, стремилась добиться принятия нового бюджета, что укрепило бы её позиции, и обратилась за поддержкой к баскским националистам, настаивавшим на отмене прямого управления в Каталонии. Принятое консерватора-

ми решение негативно отразилось и на союзе «Граждан» с НП на общенациональном уровне. Тем временем в Каталонии партнёрство «Граждан» с социалистами также исчерпало себя. В результате региональная проблема так и не была окончательно разрешена. Отмена прямого управления в Каталонии произошла только после прихода к власти в Испании социалистов (июнь 2018 г.). Она представляет собой следующий этап в развитии кризиса сепаратизма.

Итак, в период острой фазы кризиса сепаратизма (март 2017 – июнь 2018 гг.) «Граждане» стремились проявить активность на «своем поле»: пытались объединить и возглавить конституционный блок, представленный НП и ИСРП. Партия проявила себя как уверенный сторонник единства Испании, обладающий политическим влиянием в регионе, и поэтому рассматривалась традиционными партиями в качестве привлекательного союзника для разрешения проблем, связанных с Каталонией. В период кризиса «Граждане» действительно стали основой конституционного блока, поскольку ни одна из партий – сторонников государственного единства – не могла самостоятельно противостоять сепаратистам. В результате их активности каталонский кризис был временно «заморожен», а «Гражданам» за счёт жёсткой позиции в отношении сепаратистов удалось увеличить свой политический вес не только в регионе, но и по всей Испании. С другой стороны, из-за разногласий внутри конституционного блока в 2018 г. появился новый игрок – «Вокс», продвигающий идею отмены автономии Каталонии. Поэтому в настоящее время перспективы преодоления каталонского кризиса неопределенны, а политическая турбулентность в стране сохраняется.

Ссылки

1. «Ciudadanos» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ciudadanos-cs.org> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Rivera A. Ciudadanos, un proyecto para España // El País. 19.04.2015. URL: https://elpais.com/elpais/2015/04/17/opinion/1429282648_608818.html (дата обращения: 15.02.2022).
3. Elecciones generales 2015 // Ministerio del Interior de España. 20.12.2015. URL: <http://www.infoelectoral.mir.es/infoelectoral/min/busquedaAvanzadaAction.html> (дата обращения: 15.02.2022).
4. Верников В. Л. Кризис в Каталонии изменил политический облик Испании // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 71–80. URL: <https://article/n/krizis-v-katalonii-izmenil-politicheskiy-oblik-ispanii/viewer> (дата обращения: 15.02.2022).

5. Хенкин С. М. Каталонский конфликт: вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 16. С. 117–140.
6. Oms J. Ciudadanos saca oro del ‘procés’ // El Mundo. 31.03.2018. URL: <https://www.elmundo.es/cataluna/2018/03/31/5abe6904268e3e4c278b457a.html> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Estrategia//Ciudadanos. 05.02.2017. URL: https://drive.google.com/file/d/1AP3qrHeZ80Xl_vXH_BjSLZYHskLm2xiL/view?usp=sharing (дата обращения: 15.02.2022).
8. La Constitución Española // Boletín Oficial del Estado. 1978. 40 P. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1978/BOE-A-1978-31229-consolidado.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
9. Cruz M. Rajoy negocia con Sánchez y Rivera la respuesta definitiva del Estado al desafío de Puigdemont // El Mundo. 11.10.2017. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2017/10/10/59dd1014268e3e756d8b45c6.html> (дата обращения: 15.02.2022).
10. Álvarez C., Lema D. La declaración de independencia, en vivo. Rajoy da cinco días al Govern para confirmar si ha declarado la independencia // El Mundo. 11.10.2017. URL: <https://www.elmundo.es/cataluna/2017/10/11/59ddb82fe2704e937c8b4665.html> (дата обращения: 15.02.2022).
11. Resultados de las elecciones catalanas // Generalitat de Catalunya. 21.12.2017. URL: <https://gencat.cat/economia/resultats.parlament2017.cat/09AU/DAU09999CM.htm?lang=ca> (дата обращения: 15.02.2022).
12. Gálvez J. J. El PP presiona a Ciudadanos para que trate de formar gobierno en Catalunya // El País. 26.12.2017. URL: https://elpais.com/politica/2017/12/26/actualidad/1514307884_174153.html (дата обращения: 15.02.2022).
13. Cruz M. Rivera pide a Rajoy extender «inmediatamente» el artículo 155 ante el desafío de Torra // El Mundo. 17.05.2018. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2018/05/17/5afd4427e2704e2d248b4681.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Archive of the archaeological cabinet of P. G. Demidov Yaroslavl State University: experience of systematization

E. S. Danilov¹, O. G. Tsymbal¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-66-77

Research article
Full text in Russian

The article deals with the general description of archaeological reports and materials stored in the Archaeological Cabinet of P.G. Demidov Yaroslavl State University. At this stage drafts of texts of archaeological reports for the years 1974 to 1991 are analyzed in the article. The authors conclude that this corpus of materials can fill several gaps in study of archaeological sites of Yaroslavl region that Have been fully excavated or destroyed.

Keywords: archaeological expedition; student practice; history of P. G. Demidov Yaroslavl State University; I. L. Stankevich; department of history; archaeological sites of Yaroslavl region

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Danilov, Evgeniy S. | E-mail: explorator@list.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (History), Associate Professor

Tsymbal, Oksana G.. | E-mail: oxanatsimbal@mail.ru
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Funding: P. G. Demidov Yaroslavl State University (project P2-GL1-2022).

Архив кабинета археологии ЯрГУ: опыт систематизации

Е. С. Данилов¹, О. Г. Цымбал¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-66-77
УДК 902/908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дается общая характеристика археологических отчетов и приложенных к ним материалов, хранящихся в археологическом кабинете ЯрГУ им. П. Г. Демидова. На данном этапе исследования были проанализированы и систематизированы черновые тексты археологических отчетов за 1974–1991 гг. Авторы статьи приходят к выводу, что данный корпус материалов может восполнить некоторые пробелы в изучении полностью раскопанных или уничтоженных археологических памятников Ярославской области.

Ключевые слова: археологическая экспедиция; студенческая практика; история ЯрГУ им. Демидова; И. Л. Станкевич; исторический факультет; археологические памятники Ярославской области

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилов, Евгений Сергеевич | E-mail: explorator@list.ru
(автор для корреспонденции) | Кандидат исторических наук, доцент

Цымбал, Оксана Григорьевна | E-mail: oxanatsimbal@mail.ru
| Кандидат исторических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ (P2-GL1-2022, НИР «Древняя Русь в контексте истории европейской цивилизации»).

В 1971–1972 гг. на базе факультета истории, психологии и права ЯрГУ сформировался студенческий кружок археологии под руководством Ирины Леонидовны Станкевич, ставший впоследствии ядром Ярославской археологической экспедиции (ЯГУАРЭ) [1, с. 165–188; 2]. В мае 1972 г. были организованы первые полевые выезды студентов [3, с. 79–80]. С этого же времени в кабинете археологии исторического факультета начинает накапливаться полевая документация. Очень скоро локальные архе-

ологические разведки перерастают в полноценные полевые экспедиции, а вместе с этим колоссально возрастает и объем рабочих материалов ЯГУ-АРЭ. В архиве кабинета археологии по сей день хранятся многочисленные и разнообразные материалы о работе экспедиции: полевые дневники, чертежи, топографические планы, описи керамики, альбомы с прорисовками находок, фотографии, черновые экземпляры археологических отчетов. Эти материалы представляют значительный интерес с точки зрения изучения организации археологических исследований на базе университетских экспедиций, методики проведения исследований и результатов археологических изысканий.

В основу статьи легло изучение отчетов об археологических исследованиях Ярославской экспедиции в 70-е – начале 90-х гг. XX в. Мы ставим перед собой задачу систематизировать имеющиеся материалы и дать их источниковедческую характеристику. Сразу оговоримся, что вне поля зрения для нас остались материалы экспедиции, связанные с многолетними работами ЯГУАРЭ на селище Введенском, поскольку историей изучения этого археологического памятника в данный момент занимаются наши коллеги, и мы очень надеемся, что вскоре появятся их публикации по этой теме.

Общая характеристика корпуса отчетной документации

В архиве кабинета археологии хранятся черновики отчетов об археологических исследованиях 1974–1991 гг.¹ Это набранные на печатной машинке тексты, которые сопровождаются описями археологических находок (иногда с прорисовками фрагментов керамики, предметов и т. д.), альбомами иллюстраций, схемами расположения археологических памятников. Работа с этим корпусом данных представляет сложность по нескольким причинам. Во-первых, часть отчетных документов утратила титульные листы, содержание и на данный момент сложно понять, в какой именно год проводились исследования, о которых идет речь на тех или иных страницах. Восстановить хронологическую привязку отчетов порой удается благодаря замечательной привычке Ирины Леонидовны указывать в отчетах всех студентов, принимавших участие в археологических работах. По фамилиям упоминаемых в документации первокурсников можно определить, об экспедиции какого года идет речь.

Во-вторых, за годы хранения документации часть альбомов, фотографий, прорисовок и прочих иллюстративных материалов была утрачена,

¹ В соответствии с общепринятыми правилами организации полевых исследований научные отчеты об археологических исследованиях направляются на хранение в Научный архив Института археологии РАН. Анализируемые материалы представляют собой копии научных отчетов, отправленных в ИА РАН. Хранятся они в Археологическом кабинете исторического факультета ЯрГУ.

а часть имеющихся альбомов иллюстраций и полевых дневников сложно отнести к тем или иным текстовым описаниям. Вопрос атрибуции этих документов может стать предметом полноценного исследования.

Стоит также отметить, что, помимо собственно отчетов о полевых археологических работах, направленных в ИА РАН, в кабинете хранится документация, подготовленная для администрации университета, ярославского отделения ВООПИК, государственных органов охраны памятников истории и культуры. Эти материалы содержат не только сведения о научных результатах исследований, но и информацию о процессе организации экспедиции, поиске финансирования и т. д. Соотнесение этих материалов с данными собственно научных отчетов также может представлять определенный исследовательский интерес.

Самый ранний из сохранившихся в кабинете отчетов посвящен археологическим исследованиям 1974 г. В отчете сообщается об археологических разведках, проводившихся в Переславском и Ярославском районах. В числе участников этой экспедиции упомянуты впоследствии известный археолог, сотрудник Сергиево-Посадского музея-заповедника Владимир Игоревич Вишневецкий, будущие преподаватели исторического факультета Александр Сергеевич Шильников, Николай Павлович Рязанцев, Владимир Павлович Федюк. Именно в ходе этих разведок было открыто городище раннего железного века Кубринское–I, ставшее на десять лет местом работы ЯГУАРЭ, а также неолитическое поселение Кубринское–II. Осуществлялся сбор подъемного материала на стоянке Заволжье–I, расположенной в черте Ярославля (судя по отчету, исследование этого памятника началось еще ранее – в 1972 г.). Отчет содержит опись приложений к нему – 26 иллюстраций (фотографии, ситуационные планы, чертежи пластов и профилей раскопов и траншей, прорисовки находок).

Отчет о работах **1975** г. не имеет титула, зато сохранился в двух версиях, одна из которых включает 21 из 44 страниц (назовем ее версия 1), а вторая (версия 2) – 30 из 44. Вторая версия отчета, помимо сведений о работах в Переславском и Ярославском районах, содержит данные о разведках в Гаврилов-Ямском, Борисоглебском и Ростовском районах. Среди первокурсников того года, участвовавших в работах, упомянуты Татьяна Михайловна Гавристова, Вера Викторовна Дементьева, Дмитрий Федорович Полознев, Ирина Юрьевна Шустрова. Основная часть отчета посвящена раскопкам городища Кубринское–I, причем версия 1 содержит более детальное описание процесса работ, а версия 2 представляет собой, скорее, черновой вариант этого описания, включает рукописные исправления и добавления. В обоих отчетах приводятся сведения о работах на поселении Кубринское–II и городище Копок (недалеко от с. Курба Ярославского района). Последние двадцать страниц текстовой ча-

сти черновой версии (версия 2) утрачены, однако в описи иллюстративного материала содержатся упоминания о шурфах на городище Кундринском, городище Волчиха, городище Акуловском, городище Городец у дер. Гусарниково, работах на поселении Солоть, на неолитической стоянке у поселения Кубринское-II. В ту версию отчета, которую мы определили как чистовую (версия 1), к сожалению, эти работы не вошли, упоминаний об этих работах нет даже в содержании. Предположим, что работы в Борисоглебском, Гаврилов-Ямском и Ростовском районах не включены в итоговую версию отчета именно в связи с тем, что были утрачены какие-то исходные материалы.

Отчет о работах 1976 г. тоже, к сожалению, сохранился фрагментарно. Он сообщает о раскопе площадью 6 квадратов на поселении Кубринское-II. Есть описания пластов и прорисовки обнаруженной керамики.

В прекрасном состоянии находится отчет о работах 1977 г. Среди участников экспедиции названы Николай Михайлович Александров, Юрий Юрьевич Иерусалимский, Андрей Анатольевич Некрасов, Александр Сергеевич Шильников, Ирина Юрьевна Шустрова. Работами на поселении Кубринское-II руководила ученица И. Л. Станкевич Татьяна Борисовна Ширихина. Значительная часть работ, которые проводились в сезоне 1977 г., имели спасательный характер. Полагаем, что это свидетельствует о постепенном превращении ЯГУАРЭ из студенческого кружка в профессиональную археологическую экспедицию.

Самые масштабные исследования в 1977 г., как и в предыдущие сезоны, проводились на Кубринском городище в Переславском районе. Раскопки этого года были одними из самых масштабных: общая площадь вскрытия культурного слоя составила 220 кв. м.

Продолжились также исследования близлежащего неолитического поселения Кубринское-II. Весьма ценно то, что в отчете часто даются отсылки к работам предыдущего года, сведения о результатах которых не сохранились. Черновик отчета содержит подробную статистику керамического материала этого поселения за два года раскопок.

В 1977 г. студенты приняли участие в археологических работах на территории Стрелки – места основания города Ярославля. Это были охранные исследования с целью спасти культурный слой на месте траншей теплосетей, вырытых без согласования с органами охраны. Помимо изучения археологических находок, студентам впервые удалось заняться исследованием антропологического материала – в заложенных шурфах было обнаружено несколько скелетов, относящихся к кладбищу при церкви Иоанна Златоуста [4].

В том же году продолжились исследования городища Копок, расположенного недалеко от села Курба Ярославского района. В отчете 1977 г. дается уже более детальное описание работ на этом памятнике и обнаруженных артефактов, нежели в отчете предыдущего года. Работы носили охранный характер, поскольку городище «размывается рекой и страдает от посещений местных жителей». За сезон 1977 г. было раскопано около 19 кв. м памятника. Охранные раскопки произведены также на уничтожаемом песчаным карьером городище Кундринском в Гаврилов-Ямском районе. Сохранившийся фрагмент черновика отчета 1977 г. дает определенную информацию о работах 1976 г., материалы которого были утрачены. Из отчета 1977 г. понятно, что в предыдущем году было заложено два шурфа. Места шурфовки к сезону 1977 г. уже практически были уничтожены карьером.

Были произведены разведки без вскрытия культурного слоя у с. Вакарево Ярославского района, где, судя по данным отчета, было обнаружено неолитическое поселение еще в 1974 г. Здесь продолжился сбор подъемного материала, относящегося к периоду неолита и раннего железного века.

В 1977 г. обследована курганная группа у дер. Прошево Тутаевского района. Помимо 28 курганов, обнаруженных Константином Ивановичем Комаровым пятью годами ранее, экспедиция И. Л. Станкевич выявила еще 10 насыпей по другую сторону проселочной дороги. Участниками экспедиции раскопано 5 курганов этого памятника. Скелеты ни в одном из погребений не сохранились. По находкам и погребальному обряду курганы были датированы XI–XII вв.

В том же году проведены разведочные работы в Рыбинске у церкви Казанской Богоматери, однако культурных слоев, предшествовавших бытованию здесь церковного погоста, обнаружено не было. Однако в период пребывания археологов в Рыбинске от местных жителей были получены сведения об обнаружении средневековых находок у впадения реки Шексны в Волгу.

Отчет о работах экспедиции 1979 г. сообщает о раскопках городища Кубринское и об исследованиях на поселении Усть-Шексна. Для Кубринского городища сезон 1979 г. выдался весьма плодотворным, результаты археологических исследований значительно изменили и расширили представления об истории данного памятника. Здесь было вскрыто еще около 200 кв. м культурного слоя. В ходе раскопок исследована значительная часть древнего вала городища и других его оборонительных сооружений. Чрезвычайно интересной находкой того сезона было обнаружение следов крупного производственного комплекса (по-видимому, металлургическая

и гончарная мастерская). Исследовано также несколько слоев пожара, что позволило археологам выстроить приблизительную хронологию бытования городища.

Рядом с Кубринским городищем был также раскопан курган, в котором обнаружено захоронение лошади. Противоречия между характером захоронения и рассказами местных жителей не позволили исследователям прийти к однозначному выводу, к какому периоду относится данное погребение – к Средневековью или Новому времени.

Часть отчета 1979 г., сообщающая о раскопках на Усть-Шексне, сохранилась фрагментарно. Здесь было заложено два шурфа и один небольшой раскоп, расширяющий, как сообщается, раскоп предыдущего года. В одном из шурфов были обнаружены хорошо сохранившиеся слои средневекового поселения.

Отчет о работах ЯГУАРЭ в 1980 г. посвящен работам на Кубринском городище и на городище Копок. В экспедиции приняли участие не только учащиеся ЯрГУ, но и студенты РАТИ (в том числе Александр Николаевич Рыкунов, будущий руководитель Рыбинской археологической экспедиции), и школьники, среди которых упоминается О. Соловьева, впоследствии преподаватель исторического факультета ЯрГУ Ольга Владимировна Лощакова. Городище Копок по-прежнему исследовалось в охранных целях, поскольку культурный слой здесь стремительно размывался рекой. Раскопки этого памятника проводились студентами и школьниками полностью на общественных началах.

Площадь раскопок на памятнике Кубринское городище снова превысила 200 кв. м. Работы 1980 г. позволили И. Л. Станкевич сделать уже более общие выводы об этапах складывания памятника. Исследования подтвердили, что существованию городища предшествовало бытование неукрепленного поселения. Центральная часть городища, по мнению И. Л. Станкевич, использовалась как загон для скота. В ходе раскопок 1979–1980 гг. под валом были обнаружены череп лошади и череп лосихи. Возможно, находки носят сакральный характер.

В том же сезоне 1980 г. впервые был произведен сбор подъемного материала у с. Введенского на правом берегу Волги. При обследовании обрыва реки был обнаружен культурный слой, обнаруженному памятнику было решено дать название «поселение Введенское». Это было начало многолетних раскопок ЯГУАРЭ.

В 1981 г. экспедиция работала на трех основных объектах – городище Кубринское–I, городище Копок и селище Введенское. Среди студентов и школьников, принимавших участие в работах этого сезона, упомянуты Ирина Алексеевна Юдина (Федорчук) и Петр Геннадьевич Аграфонов.

Отчет 1981 г. также сохранился в двух версиях: черновой – с пометками на полях и чистой – прошитый и подготовленный к сдаче в Институт археологии. Наиболее масштабные работы в том сезоне проводились на Кубринском городище, где площадь раскопок составила 266 кв. м. Была обнаружена часть изгороди поселения, которая располагалась по краю площадки поселения и, видимо, обрушилась вследствие пожара. Из наиболее интересных открытий того сезона следует отметить обнаруженные жилища, существовавшего на ранних этапах бытования памятника.

На другом городище Ярославской области – памятнике Копок – было исследовано в 1981 г. около 40 кв. м. и сделан вывод, что археологически на городище прослеживаются два периода бытования: дьяковский и мерянский.

Наконец, в 1981 г. были начаты разведочные работы на селище Введенском: заложено четыре шурфа общей площадью 32 кв. м. Непосредственно под дерном был обнаружен культурный слой малой мощности (до 30 см), который, однако, имел очень хорошую сохранность и по находкам был датирован IX–XIV вв. В черновике отчета И. Л. Станкевич отмечает высокую научную значимость открытого селища, поскольку «столь ранних славянских поселений сельского типа в Верхнем Поволжье известно не так уж много» и исследование памятника позволило бы пролить свет на историю славянской колонизации края. Из чистового варианта отчета эти выводы были убраны.

В 1982–1983 гг., согласно отчетам, археологические работы на городище Кубринском были продолжены (это были два последних сезона работы на памятнике) и завершено исследование городища Копок, продолжались разведки и раскопки на с. Введенском. Кроме того, был совершен выезд на разрушающийся Фатьяновский могильник у с. Савинского в Тутаевском районе. Памятник у с. Савинского был обнаружен в 1982 г. случайно местным учителем О. Ф. Астаховым на месте карьерных разработок. Были собраны останки двух человеческих скелетов, фрагменты фатьяновских сосудов и два топора этой же культуры, после чего карьерные разработки были остановлены и на место были приглашены археологи. По словам рабочих, под ковшом экскаватора погибло еще 7 или 10 подобных захоронений. К сожалению, проведенные в 1982–1983 гг. раскопки на площади общей сложностью около 200 кв. м. не выявили новых погребений. На данный момент Савиновский могильник числится в списке утраченных памятников Ярославской области [5, с. 340].

В архиве имеется отчет о работах в 1983 г. Андроповского (Рыбинского) археологического отряда ВООПИК. Работами руководила Галина Николаевна Затеваева, на тот момент ассистент кафедры всеобщей исто-

рии ЯрГУ, а сейчас – ученый секретарь Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее – ЯМЗ). Исследования того года посвящены Беловскому курганно-могильнику, расположенному у деревни Пирогово Рыбинского района. Было раскопано два кургана. Сообщается, что эти изыскания являлись продолжением работ 1982 г. на этом же памятнике. По итогам двухлетних раскопок курганов сделан вывод о многослойности этого памятника: здесь были найдены следы мезолитического поселения и культурного слоя дьяковской эпохи, который сформировался задолго до создания курганного могильника. Погребальный инвентарь самих могильников смешанный: присутствуют как типичные древнерусские артефакты, так и вещи мерянского происхождения.

В 1984 г. проводились работы на селище Введенском и на Гусарском городище, расположенном в Ростовском районе. Как сообщается в отчете, разведки со вскрытием культурного слоя на памятнике в Гусарниково уже проводились в 1976 г. (сведений о тех работах в архиве пока что не обнаружено). В 1984 г. здесь было разбито несколько шурфов общей площадью 16 кв. м. На памятнике обнаружены фрагменты сетчатой и гладкостенной керамики, что позволило отнести его к городищам дьяковского типа. Однако из-за малого количества керамики и отсутствия вещевых материалов дальнейшее исследование городища в дер. Гусарниково было признано бесперспективным.

Сохранились также фрагменты отчета о работах 1984 г. на Прошевских курганах, к изучению которых ЯГУАРЭ не обращалась уже почти 10 лет. Руководить раскопками курганных могильников было снова доверено Г. Н. Затеваевой. Было раскопано 5 могильных насыпей. Костяки, как и в сезон 1975 г., в курганах не обнаружены. Из погребального инвентаря найдены керамические сосуды, железные ножи, топоры и гвозди, бронзовые перстни и шумящие привески. Заключение к этой части отчета 1984 г. не сохранилось.

За 1985 г. сохранилось два отчета: отчет об археологических наблюдениях в Ярославской области и отчет о работе археологической экспедиции ЯрГУ. Во введении к отчету о наблюдениях сообщается, что ярославскими археологами осуществлялся надзор за архитектурными шурфами, заложенными ЯСНРПМ (ярославскими реставрационными мастерскими) у церковью Спаса на городу и Николы Рубленый город, строительными работами при прокладке электрокабеля, реконструкции городского парка и детской площадки в г. Ростове, земляными работами в с. Богослов. На этом основании к данному отчету нами были отнесены сохранившиеся разрозненные страницы с информацией о шурфах у церкви Иоанна Богослова

(судя по нумерации страниц, они относятся к тому же году, но к другой версии отчетной документации). Описание проведенных работ не очень детальное, но может дать представление о мощности, сохранности и стратиграфии культурного слоя на селище Богослов–2, на отдельных участках города Ростова (у Ростовского Дома Пионеров на ул. Каменный мост, у средней школы № 3 (ул. Ленинская, д. 39), у церкви Козьмы и Доминана. Эти материалы, несомненно, содержат ценную информацию для разработки проектной документации строительных и земляных работ в г. Ростове в наше время. В отчете сделан вывод, что археологическое исследование данной части города очень перспективно с точки зрения истории домонгольского посада средневекового Ростова, поскольку эти слои здесь практически не потревожены.

Отчет о работе археологической экспедиции ЯрГУ содержит информацию об исследовании поселения Введенского, в ходе которого на северной окраине указанного пункта был обнаружен курганный могильник. Также в том сезоне проводились разведки в левобережной части г. Тутаева (Романове): по просьбам краеведов было заложено несколько шурфов, как предполагалось, древнейшей части города для уточнения даты его основания. Однако в результате работ средневековый культурный слой был обнаружен только в двух шурфах и был датирован XIV–XV вв., т. е. относился к тому же времени, что и остальная часть Романовского городища.

В 1986 г. экспедиция ЯрГУ работала, судя по данным отчета, исключительно на памятниках с. Введенского. Среди участников археологического сезона того года упомянуты А. С. Шильников, И. А. Юдина (Федорчук), Н. Ш. Каркозашвили.

За 1987 г. сохранился отчет о работах в Петропавловском парке г. Ярославля. Во введении к отчету сообщается, что это были разведки, продолжившие исследования предыдущего года. Отчет о работах 1986 г., однако, в архиве экспедиции не сохранился. В 1987 г. в парке было заложено 10 шурфов. В шурфах были обнаружены фрагменты булыжной мостовой, осколки кирпича и других строительных материалов XIX–XX вв., фрагменты построек того же периода. Следов более древнего культурного слоя обнаружено не было. К сожалению, заключение к отчету не сохранилось.

Отчеты о работах в 1988–1991 гг. полностью посвящены работам на селище Введенском. Среди студентов и волонтеров, участвовавших в раскопках того года упомянуты Елизавета Кадиевна Кадиева, Елена Владиславовна Спиридонова, Светлана Анатольевна Шубина, впоследствии преподаватели ЯрГУ, Андрей Евгеньевич Рябинин, будущий сотрудник ЯМЗ, Сергей Львович Кургузов, в то время школьный учитель, а сейчас – заместитель директора Центра оценки и контроля качества об-

разования Ярославской области. Работы на этом памятнике велись вплоть до 1999 г.

На основе сохранившейся отчетной документации мы начали составлять указатель археологических памятников, исследованных ЯГУАРЭ в 1974–1991 гг.²:

- Акуловское, городище (Борисоглебский район) – 1975 (*версия 2*)
- Беловское, курганный могильник (Рыбинский район) – 1983
- Вакарево, стоянка (Ярославский район) – 1977
- Введенское, поселение (Некрасовский район) – 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1986, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991
- Волчиха (Гаврилов-Ямский район) – 1975 (*версия 2*)
- Гусарниково, городище (Ростовский район) – 1975 (*версия 2*), 1984
- Заволжье I, стоянка (г. Ярославль) – 1974
- Копок, городище (Ярославский район) – 1975, 1977, 1980, 1981
- Кубринская, стоянка (Переславский район) – 1975 (*версия 2*), 1977
- Кубринское-I, городище (Переславский район) – 1974, 1975, 1976, 1977, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983
- Кубринское-II, городище (Переславский район) – 1974, 1975
- Кубринское, курганный могильник (Переславский район) – 1979
- Кундринское, городище (Гаврилов-Ямский район) – 1975 (*версия 2*), 1977
- Прошево, курганный могильник (Тутаевский район) – 1977, 1984
- Ростов, исторический культурный слой города – 1985
- Рыбинск, исторический культурный слой (район церкви Казанской Богоматери) – 1977
- Рыбинск, поселение Усть-Шексна – 1979
- Савинское, грунтовый могильник (Тутаевский район) – 1982, 1983
- Солоть, поселение (Ростовский район) – 1975 (*версия 2*)
- Стрелка, место основания города Ярославля – 1977
- Тутаев, земляной кремль, исторический культурный слой города Романов – 1985
- Ярославль (Петропавловский парк) – 1987.

На данный момент силами студентов и сотрудников университета ведется работа по оцифровке и систематизации текстовой части архива кабинета археологии ЯрГУ, впоследствии предполагается атрибутировать и систематизировать все графические материалы данного корпуса. Уже сейчас можно сказать, что изучение этого материала может воспол-

² Во избежание путаницы названия памятников мы приводим в соответствии с составленной К. И. Комаровым археологической картой Ярославской области [5] за исключением тех случаев, когда обнаруженные экспедицией памятники не удается соотнести с объектами, внесенными в АКР.

нить лакуны в исследовании отдельных памятников, которые были полностью раскопаны ярославскими археологами (как поселение Введенское или Кубринское городище) или частично обследованы ими. Данный архив также дает весьма ценную информацию для изучения принципов организации археологических исследований в Ярославской области во второй половине XX века.

Благодарности: Авторы статьи выражают особую благодарность выпускнице исторического факультета ЯрГУ 2020 г. Мелюховой Софье Александровне, принявшей участие в оцифровке материалов кабинета археологии.

Ссылки

1. Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История Ярославской археологии. М., 2009. 287 с.
2. Спиридонова Е. В. Ярославская археологическая экспедиция: 1972–2002 гг. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. Вып. 3. С. 50–56.
3. Станкевич И. Л. Записки археолога. Ярославль, 2000. 167 с.
4. О работе экспедиции Ярославского университета / И. Л. Станкевич [и др.] // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 85.
5. Комаров К. И. Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. 408 с.

The age limit of criminal responsibility: history and nowadays

A. V. Ivanchin¹, L. O. Kuleva¹, F. Kh. Naurbieva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-78-89

Research article
Full text in Russian

The article deals with the genesis of the institute of age of criminal responsibility. The authors analyze various approaches of legislators to establishment of age limits of criminal liability at different stages of historical development of Russia. The experience of foreign countries on the given issue is given and investigated. An explanation of the failure of draft laws on the reduction of the age of criminal responsibility is given and the current legislation is evaluated. The authors concluded that there is no need in the present day to adjust the age of criminal responsibility towards its lowering. At the same time the list of articles indicated in part 2 of art. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation should be adjusted.

Keywords: age; minimum boundary; subject of crime; criminal responsibility; history; foreign experience

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V.	E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0002-8859-256X Doctor Sc. (Jurisprudence), Associate Professor
Kuleva, Ludmila O. (correspondence author)	E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru Cand. Sc. (Jurisprudence)
Naurbieva, Fatima Kh.	E-mail: faty797@mail.ru Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Возрастная граница наступления уголовной ответственности: история и современность

А. В. Иванчин¹, Л. О. Кулева¹, Ф. Х. Наурбиева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-78-89
УДК 343.2, 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проведен генезис института возраста уголовной ответственности. Авторами проанализированы различные подходы законодателя к установлению возрастных границ уголовной ответственности на разных этапах исторического становления России. Приведен и исследован опыт зарубежных стран по данному вопросу. Дано объяснение несостоятельности законопроектов о снижении возраста уголовной ответственности и оценено действующее законодательство. Авторами сделан вывод об отсутствии в наши дни необходимости в корректировке возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в сторону его понижения. Вместе с тем перечень статей, обозначенный в ч. 2 ст. 20 УК РФ, целесообразно подвергнуть корректировке.

Ключевые слова: возраст; минимальная граница; субъект преступления; уголовная ответственность; история; зарубежный опыт

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович	E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0002-8859-256X Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кулева, Людмила Олеговна (автор для корреспонденции)	E-mail: ljudmila-pavlova11@rambler.ru Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Наурбиева, Фатима Хусейновна	E-mail: faty797@mail.ru Аспирант кафедры уголовного права и криминологии

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

В истории российского уголовного законодательства имелись различные подходы к определению возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В некоторых источниках он вообще не определялся.

Так, в Русской Правде упоминание о возрасте отсутствовало, что позволяло сделать вывод, что уголовной ответственности могли подлежать любые несовершеннолетние [1, с. 65]. В других источниках минимальная возрастная граница была весьма низкой. Например, в Воинском артикуле Петра I она составляла 7 лет [2, с. 314]. Аналогичная граница устанавливалась и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., когда все несовершеннолетние были разделены на подгруппы: лица в возрасте от 7 до 10 лет, от 10 до 14 лет и от 14 до 21 года [3, с. 161–164]. Согласно Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., а также Уголовному уложению 1903 г., возраст наступления уголовной ответственности составлял 10 лет [3, с. 172; 4, с. 275].

В дальнейшем возрастная граница была повышена. Так, в декрете СНК РСФСР «О комиссиях по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» она составляла 17 лет [5]. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. уголовной ответственности подлежали лица, достигшие 14 лет, если они действовали с «разумением» [6]. Эта же граница установлена и в УК РСФСР 1922 г., 1926 г. Лица в возрасте от 14 до 16 лет подлежали ответственности в случае, если нельзя было ограничиться мерами педагогического воздействия [7; 8]. 30 октября 1929 г. ВЦИКом и СНК РСФСР было принято постановление, устанавливающее минимальную границу в виде 16 лет [9].

Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 25 ноября 1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» ответственность была ужесточена за счет понижения границы до 12 лет за отдельные виды преступлений – кражу, причинение насилия, телесных повреждений, убийство, попытку убийства [10]. 10 декабря 1940 г. перечень этих преступлений был дополнен указанием на совершение действий, могущих вызвать крушение поезда [11, с. 532]. Правоведы того времени считали, что в 12 лет лицо уже способно к осознанно-волевому поведению, то есть могло осмысливать информацию, осознавать причины и цели поведения, его социальный смысл, осуществлять волевой контроль (в частности, сдерживать агрессию) [12, с. 392].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» повысил минимальную границу до 14 лет [13]. Основы уголовного законодательства СССР 1958 г., УК РСФСР 1960 г. установили две возрастные границы наступления уго-

ловной ответственности – 16 лет (общее правило) и 14 лет (при совершении некоторых видов преступлений – убийств, разбоев, краж и т. д.).

Таким образом, законодателем был взят курс на гуманизацию уголовной политики за счет повышения возраста, с которого наступает ответственность.

При подготовке УК РФ выдвигались различные предложения по исследуемому вопросу. Первое из них состояло в установлении единой возрастной границы в виде 14 лет. Второе – было связано со снижением возрастного порога до 12 лет. Оба подхода были отвергнуты ввиду отсутствия достаточных исследований в области возрастной психологии. И, наконец, третье предложение о сохранении положений УК РСФСР в части установления возраста в виде 16 и 14 лет нашло воплощение в ныне действующей редакции ст. 20 УК РФ.

Прежде чем провести анализ данной нормы, а также оценить предложения по ее корректировке, обратимся к зарубежному законодательству.

В законодательстве стран англосаксонской системы права, таких как США, Англия, возраст уголовной ответственности определяется по-разному. В Англии минимальная граница составляет 10 лет [14, с. 44], в разных штатах США возраст различается. Так, в Колорадо он составляет 10 лет, в Джорджии – 13, в Нью-Йорке – 13 и 14 лет по отдельным категориям преступлений [15, с. 84].

В странах романо-германской правовой семьи также имеется разброс в определении возраста уголовного преследования: он существенно низкий в Швейцарии – 7 лет, 12 лет – в Голландии, 13 – во Франции, 14 – в Германии, 15 лет – в Швеции [15, с. 66].

Особый интерес представляет законодательство стран постсоветского пространства, родственное отечественному праву. Все страны можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют государства, устанавливающие единый возраст, с которого наступает уголовная ответственность – 14 лет. К ним относятся Грузия (ст. 33 УК Грузии [16]), Латвия (ст. 11 УК Латвийской Республики [17]), Эстония (ст. 33 Пениitenciарного кодекса Эстонии [18]).

Другую группу образуют страны, устанавливающие дифференцированные минимальные возрастные границы, причем их следует разделить на подгруппы.

1. Страны, в законодательстве которых определенно указано на границы возраста в виде 16 и 14 лет (ст. 27 УК Беларуси [19], ст. 24 УК Армении [20], ст. 20 УК Азербайджана [21], ст. 13 УК Литвы [22], ст. 22 УК Украины [23], ст. 15 УК Казахстана [24], ст. 28 УК Киргизии [25], ст. 23 УК Таджикистана [26], ст. 21 УК Туркменистана [27]).

Ответственность наступает с 14-летнего возраста при совершении лицами поименованных видов преступлений. Так, например, по законодательству Республики Беларусь причинение смерти по неосторожности уголовно наказуемо с 14 лет, а по УК Украины 14-летний может быть привлечен к ответственности, например, за посягательство на жизнь государственного деятеля, сотрудника правоохранительного органа, судьи; бандитизм, жестокое обращение с животными. По УК Казахстана 14-летние подлежат ответственности, в частности, за публичные призывы к акту терроризма, надругательство над телами умерших, а, например, по УК Киргизии – за торговлю людьми. При этом в УК Азербайджана и Литвы законодатель делает специальную оговорку о том, что в отношении совершивших деяние несовершеннолетних, которые не достигли указанного возраста, применяются меры, предусмотренные соответствующими законами.

А. А. Ключев в этой связи обоснованно отмечает, что тем самым «законодатель заложил правовые последствия совершения лицами общественно опасного деяния именно в уголовном законе, что является очень важным» [28, с. 59]. Полагаем, что такой подход целесообразно заимствовать и отечественному законодателю путем дополнения ст. 20 УК РФ новой частью, в которой был бы «перекинут мостик» от уголовного законодательства к законодательству в области профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

2. Страны, в которых возраст определяется исходя из категории, а не вида преступления.

Так, в УК Республики Молдова ответственность с 16 лет наступает в случае совершения лицом незначительных преступлений и преступлений средней тяжести, а с 14 лет – при совершении тяжких, особо тяжких и чрезвычайно тяжких преступлений [29]. Думается, что такой подход не позволяет максимально соотнести особенности преступления с особенностями личности лица, его совершающего. При установлении минимальной границы следует исходить из вида преступления, его характеристики (в частности, объекта посягательства), степени осознания 14-летним того, что он посягает именно на этот объект. Категории преступлений как более крупные образования, по нашему мнению, не позволяют оптимально определить возрастную границу, во внимание нужно принимать вид преступления, выделяемый по объекту.

3. Государства, в законодательстве которых чётко установлены три возрастные минимальные границы: 14, 16, 18 лет. Согласно ст. 17 УК Узбекистана за определенные в этой статье виды преступлений ответственность наступает с 14 и 18 лет [30].

Анализ отечественного уголовного закона позволяет говорить о том, что в нем имеются несколько минимальных возрастных границ, одни из которых напрямую зависят от психофизиологических показателей (14 и 16 лет), другие обусловлены статусом лица (в частности, занимаемым положением; например, если субъектом преступления против правосудия является судья, то минимальный возраст составляет 25 лет).

Следует более детально рассмотреть вопрос о минимальных границах (возраста), в определении которых важную роль играют психологические факторы. Ныне закрепленные в ст. 20 УК РФ минимальные границы возраста уже стали «классикой», поскольку существуют с момента принятия Основ уголовного законодательства СССР 1958 г. Изменениям был подвергнут лишь перечень деяний, за совершение которых ответственность наступает с 14-летнего возраста, о чем будет сказано далее. Вместе с тем с момента принятия УК РФ и по сей день в доктрине и практике не утихают дискуссии о целесообразности понижения возрастных границ.

Так, в декабре 2009 года В. В. Жириновский внес на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации законопроект, предусматривающий дифференциацию границ уголовной ответственности: по общему правилу – 16 лет, исключения – 12 лет (за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, в частности, при совершении убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, квалифицированной кражи, квалифицированного грабежа, разбоя) и 14 лет (в частности, при совершении умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью, истязания, похищения человека, незаконного лишения свободы, изнасилования, захвата заложника) [31].

В пояснительной записке приводились два основных довода в пользу предлагаемых изменений:

1) ссылка на зарубежное законодательство, предусматривающее пониженные возрастные границы;

2) ссылка на тот факт, что «ежегодно в стране выявляется более 300 тысяч общественно опасных деяний несовершеннолетних, причем 100 тысяч из них совершаются детьми, не достигшими возраста 14 лет, все большее распространение получают случаи совершения преступления лицами в возрасте 12–13 лет, особенно в виде умышленного причинения смерти либо причинения тяжкого вреда здоровью гражданам» [31].

Однако данный законопроект был отклонен по нескольким причинам. Во-первых, Правительство Российской Федерации в своем официальном отзыве указало на отсутствие сведений, свидетельствующих о том, что «в настоящее время степень эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости несовершеннолетних достигла уровня, позволяющего снизить возраст уголовной ответственности с четырнадцати до двенадцати

ти лет», а также на отсутствие статистических данных, которые обосновывали бы необходимость указанных изменений и подтверждали неэффективность действующего законодательства [31].

Во-вторых, в заключение Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей было отмечено следующее: «По данным Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, согласно данным возрастной психологии, общая способность к осознанной и волевой регуляции поведения как функция развитой личности в норме формируется примерно к концу подросткового периода, или к 14–15 годам» [31].

Таким образом, основной акцент был сделан на необходимость учета при определении минимальной возрастной границы уголовной ответственности психологических аспектов, данных психологических исследований, подтверждающих (или не подтверждающих), что подростки в возрасте 12–13 лет в полной мере обладают интеллектуально-волевыми свойствами, позволяющими правильно оценивать деяние.

Попытки снизить возрастную планку были предприняты и в 2012 году, когда предлагалось привлекать к ответственности за убийство с 12 лет [32], и в 2017 году, когда депутаты Государственной Думы Российской Федерации предложили привлекать 12-летних к ответственности за убийства, изнасилования, преступления террористической направленности, поскольку «количество случаев совершения малолетними опасных деяний возрастает и они остаются вне уголовно-правового поля» [33]. Но и данные инициативы не были реализованы ввиду отсутствия надлежащего обоснования серьезными психологическими и статистическими исследованиями.

Примечательно, что не только в парламенте, но и в доктрине уголовного права на протяжении всего времени действия УК РФ ведется острая полемика по рассматриваемому вопросу. Так, С. Ф. Милоков предлагал снизить возрастную планку до 12–13 лет за убийство [34, с. 55], В. Г. Павлов писал о необходимости установления порога в виде 13 лет за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кражу, грабеж, разбой, квалифицированное хулиганство [35, с. 35]. Другие авторы, напротив, утверждали, что указанный подход противоречит такому направлению уголовной политики, как гуманизация уголовной ответственности несовершеннолетних [36, с. 257, 37, с. 145].

Как можем заметить, предметом дискуссии о необходимости или об ее отсутствии в снижении возраста уголовной ответственности выступает возрастная граница, установленная законодателем в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Каков же «правильный» возраст наступления уголовной ответственности?

Для ответа на вышеуказанный вопрос и вопрос о наличии или отсутствии необходимости снижения возраста уголовной ответственности видится разумным проанализировать вызывающую столько споров норму с параллельным переложением ее содержательной составляющей на психологическую и юридическую обоснованность.

Итак, обратимся к перечню, закрепленному в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Круг преступлений, за которые несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности с 14 лет, по сравнению с советским законодательством претерпел существенные изменения, что свидетельствует не только о появлении новых преступных деяний, но и об изменении социально-психологической характеристики подростков. На сегодняшний день данный перечень составляют 32 вида преступлений, посягающих на личность (в частности, жизнь, здоровье), имущество, общественную безопасность. При его составлении законодатель ориентировался на несколько показателей: 1) психофизиологическую оценку возрастных состояний (достижение к этому возрасту необходимых интеллектуально-волевых качеств); 2) высокий уровень общественной опасности указанных деяний (например, убийств); 3) широкое распространение этих деяний (например, краж), что делает их понятными для осознания лиц в возрасте 14–15 лет [38, с. 214].

Вместе с тем указанный перечень нуждается, по нашему мнению, в корректировке. Так, в доктрине уже давно выдвигаются предложения либо о его сокращении, либо об увеличении. Например, А. Г. Кибальник предлагает исключить из него все преступления небольшой и средней тяжести [39, с. 66]. Есть мнение, что лицо в 14-летнем возрасте вполне способно осознавать опасность деяний, предусмотренных ст. 295, 317, 164, 168, 175, 205.1, 205.2, 224, 259, 260, 261 УК РФ, поэтому их следует включить в ч. 2 ст. 20 УК РФ [40, с. 34]. По мнению В. В. Сверчкова, указанный перечень следует дополнить ст. 106, ст. 209 [11, с. 533].

Полагаем очевидным, что предложения об изменении ч. 2 ст. 20 УК РФ должны основываться как на юридических, так и психологических критериях. Во-первых, в рассматриваемый перечень не следует включать такие преступления, совершение которых не характерно для лиц 14–15-летнего возраста (например, терроризм). Аналогичное замечание касается и ст. 206, ч. 2 ст. 208 УК РФ. Трудно представить подростка, который диктует свою волю государству при захвате заложника, или участвует в вооруженном формировании в целях, противоречащих интересам РФ [41, с. 245–246] (такие случаи крайне редки, а право, как известно, должно быть рассчитано на типичные ситуации), то есть следует учитывать критерий распространенности деяния среди определенной возрастной группы.

Во-вторых, наличие в перечне ст. 277 и ст. 360 УК РФ несовершеннолетних субъектов вызывает вопросы, поскольку предполагается, что 14-летний гражданин в таком случае осознает, что лишает жизни человека. Но осознает ли он тот факт, что посягает на иной объект, коим выступает общественная безопасность? Осознает ли он, что осуществляет посягательство на политического или государственного деятеля или более того – на лицо, пользующееся международной защитой? Сомневаемся в этом.

В-третьих, трудно объяснить, почему за похищение человека ответственность установлена с 14 лет, а за незаконное лишение свободы – с 16 лет. То же самое касается несообщения о преступлении, за совершение которого лицо подлежит ответственности с 14 лет, а за более опасную разновидность прикосновенности – укрывательство преступления – с 16 лет. Что лежит в основе такого избирательного решения, не понятно.

В-четвертых, следует согласиться с А. П. Козловым, который отмечает, что квалифицированное хулиганство содержит признаки простого хулиганства и квалифицирующие признаки (правда, автор неточно называет их отягчающими обстоятельствами, хотя это иная категория, обозначенная в ст. 63 УК РФ и присущая институту назначения наказания) [41, с. 246]. В то же время простое хулиганство наказуемо с 16 лет. Таким образом, 14-летний подросток, по мнению законодателя, осознает опасность квалифицированного хулиганства, но не осознает опасность простого хулиганства, что является абсурдным. Аналогичный вопрос возникает и применительно к составу преступления, предусмотренному ч. 1 ст. 167 УК РФ (за деяние, обрисованное в ч. 2 ст. 167 УК РФ, ответственность наступает с 14 лет).

Иными словами, «неидеальность», местами противоречивость и нелогичность установленного законодателем перечня преступлений в ч. 2 ст. 20 УК РФ налицо. Необходима его доработка с учетом указанных выше психологических аспектов в связке с правовыми факторами.

По интересующему нас вопросу возрастной границы уголовной ответственности стоит сказать следующее: закрепленные в ст. 20 УК РФ минимальные границы в виде 14 и 16 лет отражают способность лиц осознавать общественную опасность своего поведения, руководить им и предвидеть его последствия в результате воспитания и жизненных наблюдений. Такие лица способны осознавать значение своих поступков, социально значимый характер своего поведения (интеллектуальный критерий) и использовать это осознание для руководства поступками, для принятия социально значимых решений (волевой критерий) [42].

Таким образом, подводя итог, приходим к выводу, что минимально установленная законодателем возрастная граница в 14 лет самодо-

статочна и интегративна в призматическом переложении на психологическую, эмоциональную, интеллектуальную и волевою зрелость несовершеннолетних.

Ссылки

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. 432 с.
2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1986. 512 с.
3. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1988. 432 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1994. 352 с.
5. Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях по делам несовершеннолетних обвиняемых в общественно опасных действиях» // СПС «Консультант Плюс».
6. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.: Постановление Народного комиссариата юстиции // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1&ysclid=170m5rr2nv612945077 (дата обращения: 01.09.2022).
7. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СПС «Консультант Плюс».
8. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 30 октября 1929 г. «Об изменении ст. ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. ст. 47 и 174 Исправительно-трудового кодекса РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 25 ноября 1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР. 1936. № 1, ст. 1.
11. Сверчков В. В. Привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности: проблема установления минимального возрастного критерия // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 531–536.
12. Полный курс уголовного права / под ред. А. И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008. Т. 1. 1133 с.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 25.

14. Федонкина А. А. Категория возрастной незрелости в юридическом контексте // Психологическая наука и образование. 2014. № 3. С. 41–50.

15. Киселева Е. С. Система уголовных наказаний для несовершеннолетних по российскому и зарубежному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 240 с.

16. Уголовный кодекс Грузии // Законодательный вестник Грузии: веб-сайт. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=241> (дата обращения: 01.09.2022).

17. Уголовный кодекс Латвийской Республики // Юридическое бюро Александра Хрулёва: веб-сайт. 2022. URL: <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2019/09/Prestupnie-dejanija-na-gosudarstvennoj-sluzbe-v-Latvii-Ugolovnij-Zakon-Latvii.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

18. Пенитенциарный кодекс // JURIST AITAB: веб-сайт. 2020. URL: <https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%D0%9F%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%A2%D0%95%D0%9D%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%A0%D0%9D%D0%AB%D0%99%20%D0%9A%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%9A%D0%A1%2020.07.2020.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).

19. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=297;-42#pos=297;-42 (дата обращения: 01.09.2022).

20. Уголовный кодекс Республики Армения // Национальное Собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#4> (дата обращения: 01.09.2022).

21. Уголовный кодекс Республики Азербайджан // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&sub_id=200000&pos=618;-37#pos=618;-37 (дата обращения: 01.09.2022).

22. Уголовный кодекс Литовской республики // STUDYLIB: веб-сайт. URL: <https://studylib.ru/doc/3734814/ugolovnyj-kodeks-litovskoj-respubliki?ysclid=lf58zm28s217263936> (дата обращения: 01.09.2022).

23. Уголовный кодекс Украины // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 01.09.2022).

24. Уголовный кодекс Республики Казахстан // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 01.09.2022).

25. Уголовный кодекс Кыргызской Республики // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&sub_id=280000&pos=623;-36#pos=623;-36 (дата обращения: 01.09.2022).

26. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&sub_id=220000&pos=238;-56#pos=238;-56 (дата обращения: 01.09.2022).

27. Уголовный кодекс Республики Туркменистан // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&sub_id=200000&pos=216;-55#pos=216;-55 (дата обращения: 01.09.2022).

28. Ключев А. А. К вопросу о возрасте наступления уголовной ответственности в уголовном законодательстве стран СНГ и Балтии, как обстоятельстве, исключающем преступность деяния // Международная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные проблемы современности». Белгород, 2017. С. 58–60.

29. Уголовный кодекс Республики Молдова // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&sub_id=210000&pos=661;-18#pos=661;-18 (дата обращения: 01.09.2022).

30. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Юрист: электронный ресурс. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&sub_id=170000&pos=545;-37#pos=545;-37 (дата обращения: 01.09.2022).

31. Законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 293093-5 // СОЗД ГАС «Законотворчество»: сетевой ресурс Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/293093-5?ysclid=16nffxdwmk610445222> (дата обращения: 01.09.2022).

32. Законопроект о снижении возраста уголовной ответственности внесут в ГД // РИА Новости: сетевое издание. 2012. URL: <https://ria.ru/20120301/583378493.html> (дата обращения: 01.09.2022).

33. В Госдуме предложили начать судить за серьезные преступления с 12 лет. 2017 // RG.RU: Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2017/10/16/v-gosdume-predlozhili-nachat-sudit-za-sereznye-prestupleniia-s-12-let.html?ysclid=16n7vey7r0302680837> (дата обращения: 01.09.2022).

34. Миллюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 276 с.

35. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. 192 с.

36. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. 272 с.

37. Андриенко В. А. Уголовная ответственность: понятия, проблемы реализации и половозрастной дифференциации. М., 2006. 380 с.

38. Иванов Н. Г. Курс уголовного права. Общая часть: учебное пособие. М., 2020. 784 с.

39. Кибальник А. Г. Признаки общего субъекта преступления (проблемные вопросы) // Общество и право. 2013. № 2. С. 65–68.

40. Дементьев О. М., Копылова О. П. Проблемы возраста уголовной ответственности. Тамбов, 2010. 38 с.

41. Козлов А. П. Авторский курс уголовного права. Часть общая. М., 2018. Кн. 1. 752 с.

42. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032

On the legal and psychological lessons of an approaching pandemic: eyewitness notes

E. V. Koneva¹, N. N. Tarusina¹, S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-90-101

Research article
Full text in Russian

The article discusses the restrictions on the rights and freedoms of citizens during the coronavirus pandemic, assesses their essence, proportionality and consequences, both legal and psychological. Reflections are offered on the relationship between the right to dispose of one's life and health and the obligation to preserve health. The emergence of a new group of social minorities is stated - the elderly and citizens with health restrictions (disability), who were most of all subjected to restrictions in their livelihoods. Criteria are proposed that legal restrictions must meet in a pandemic. Assumptions and conclusions are illustrated by examples. The psychological characteristics of the perception of pandemic restrictions and the corresponding behavior of certain categories of citizens are given.

Keywords: pandemic; restrictions on rights and freedoms; pros and cons of decisions; older people; perception and behavior; psychological characteristics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V.	E-mail: ev-kon@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-6981-0341 Doc. Sc. (Psychology), Associate Professor
Tarusina, Nadezhda N. (correspondence author)	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Law), Professor
Simonova, Snezhana V.	E-mail: snezh-simonova@yandex.ru ORCID iD: 0000-0002-9960-911X Cand. Sc. (Law)

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

О правовых и психологических уроках уходящей пандемии: заметки очевидцев

Е. В. Конева¹, Н. Н. Тарусина¹, С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-90-101
УДК 342.7, 159.96

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются ограничения прав и свобод граждан в период пандемии коронавирусной инфекции, оцениваются их сущность, соразмерность и последствия как юридического, так и психологического характера. Предлагаются размышления о соотношении права распоряжаться своей жизнью и здоровьем и обязанности по сохранению здоровья. Констатируется появление новой группы социальных меньшинств – пожилых людей и граждан с ограничениями по здоровью (инвалидностью), которые более всего подверглись ограничениям в своей жизнедеятельности. Предлагаются критерии, которым должны отвечать правоограничения в условиях пандемии. Предположения и выводы иллюстрируются примерами. Дается психологическая характеристика восприятия пандемических ограничений и соответствующего ему поведения отдельных категорий граждан.

Ключевые слова: пандемия; ограничения прав и свобод; плюсы и минусы решений; пожилые люди; восприятие и поведение; психологические характеристики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна	E-mail: ev-kon@yandex.ru ORCID iD: 0000-0001-6981-0341 Доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии
Тарусина, Надежда Николаевна (автор для корреспонденции)	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ
Симонова, Снежана Владимировна	E-mail: s.simonova@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0002-9960-911X Кандидат юридических наук, доцент кафедры социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

В соответствии с положениями ст. 55 Конституции РФ допускаются ограничения прав и свобод граждан, в том числе в целях защиты здоровья, безопасности страны, прав и законных интересов других лиц. С одной стороны, это совершенно необходимо в силу взаимодействия и даже столкновения (противопоставления) между носителями как различных интересов и обладателями прав и свобод, так и частных интересов индивида, интересов гражданского общества и публичных интересов государства [1, с. 9–20]. С другой стороны, в разрешении подобных изъятий заключается потенциальная опасность чрезмерно широкого их применения. Примеров подобного рода вполне достаточно как в законотворческой, так и прикладной юридической деятельности, и они весьма подробно продемонстрированы и проанализированы в доктрине [2, с. 8–21]. Поэтому перейдем к размышлениям об ограничениях в период пандемии последних двух лет, в том числе о появлении в законодательстве и правоприменительной практике новых ограничительных режимов, модифицированных технологий в бытовой сфере и профессиональной деятельности, а также специфического «новообразования» в категории социальных меньшинств.

Как известно, «антивирусное» законодательство оценивалось (в моменте) и оценивается в настоящее время, по следам «боев» регионального и федерального уровня, неоднозначно. С одной стороны, оно содержало много верных положений, весьма положительно повлиявших на развертывание и разрешение столь неординарной ситуации: льготы и выплаты семьям с детьми, особенно многодетным семьям [3], бизнесу (не только крупному, как это нередко водилось ранее, но среднему и малому); поддержка медицинских работников (организационная, финансовая, психологическая); экстренное финансирование научных разработок в области фармации – лекарственных препаратов и вакцины; поощрение добровольчества и благотворительности – прежде всего в сфере реальной помощи медицинским учреждениям и гражданам, нуждающимся в этом в силу возраста и/или здоровья; постепенное разворачивание информационных ресурсов – от информирования населения о ситуации с пандемией до телевизионных программ, посвященных особенностям данной пандемии, создаваемым «с колес» средствам медицинского и фармакологического противодействия, и т. д. С другой – ориентировало граждан на самоограничение, вплоть до самоизоляции, удаленную форму работы и обучения, устанавливало прямые запреты (на собрания и митинги, передвижение по городу, пользование рядом услуг и пр.).

При этом федеральные власти предоставили весьма значительные полномочия региональным руководителям, которыми в большинстве случаев они и воспользовались. Давая оценку происходившему с позиции накопленного опыта, следует отметить, что на результатах как точно, так и по широкому спектру решений сказалось отсутствие не только системного законодательства о «режиме повышенной готовности», но и соот-

ветствующего опыта региональных и федеральных лидеров по управлению означенным режимом.

Ограничения вводились значительные и даже чрезвычайные: цифровые пропуска и отслеживание перемещений (там, где это позволяли технические и финансовые возможности), «заставы» на региональных границах (например, не единожды – между Ярославской и Ивановской областями); приостановка работы ряда юридических лиц (различной организационно-правовой формы); отмена льготного проезда (в том числе чтобы мотивировать пожилых людей оставаться дома), туристических и деловых поездок (командировок) с частичным или полным «замораживанием» потраченных средств; перевод в дистанционную форму работы судебной системы, адвокатской помощи, сокращение «присутственных графиков» нотариусов; и т. д.

В связи с этим в научной среде и среди практикующих юристов сформировалась довольно жесткая дискуссия о правомерности и реальной обоснованности подобных ограничений прав и свобод, о судебных перспективах жалоб и исков граждан и организаций по вопросам применения ограничительных мер, о восстановлении «ушедшего» от нас права, условиях и сроках его «возвращения» [4, с. 46].

С одной стороны, разумные ограничения передвижения, собраний, соблюдение карантинных мер – необходимые и в целом приемлемые условия выживания общества и государства в пандемической ситуации. Однако, с другой стороны, например, введенная в нашу юридическую и повседневную жизнь конструкция самоизоляции обнаружила лакуны в правовом регулировании и психологическую неготовность граждан отнестись к ней с пониманием. Заключая в себе на первый взгляд, да и с точки зрения буквального толкования, значительный (если не всеобъемлющий) компонент добровольности, она на деле оказывалась видом принуждения. И довольно жесткого. При этом введение означенного режима сопровождалось дифференцированным подходом, во-первых, по регионам, а во-вторых, – по группам (категориям) граждан.

Среди них особый акцент был сделан на «пандемический статус» представителей «серебряного возраста» (первоначально с 65, а впоследствии и 60 лет), а также граждан с инвалидностью, который юридически и фактически породил новое социальное меньшинство. Нормативно-правовым основанием столь дифференцированного требования самоизоляции, разумеется, явилась уже упомянутая нами конституционная норма ст. 55. А в мотивационном смысле – забота о здоровье «групп риска» (впрочем, и соображения о реальных возможностях медицинских учреждений, в том числе наличии медицинских работников, «койкомест», достаточности медицинского оборудования и лекарственных средств).

И фактически, и юридически это вызывало серьезные возражения. Во-первых, в рамках реализации одного из фундаментальных прав – права распоряжаться своей жизнью (и в определенной мере – здоровьем), принятие соответствующих решений является все же прерогативой гражданина.

Это, кстати, подтверждается самыми различными социальными практиками: можно штурмовать Ключевскую сопку, любую иную вершину Камчатки и других территорий, заниматься глубоководным погружением в компании акул и иных морских хищников, подвергаться риску на «американских горках», в большом количестве употреблять спиртосодержащие напитки (если первые композиции не относятся к массовым и могут быть подвергнуты сомнению в качестве необходимых и достаточных аргументов, то последняя – куда как массова и представляет собой явную опасность для общества). То есть рисковать жизнью и здоровьем можно, в ряде случаев это даже поощряется обществом, например в альпинизме, скалолазании, хай-дайвинге и т. п. (При этом, разумеется, за скобками размышлений мы оставляем все виды профессиональной деятельности, заведомо предполагающие высокие риски своей реализации.)

Столь же неочевидны содержание и реализация (в качестве некоего противопоставления праву распоряжаться своей жизнью и здоровьем) конструкции обязанности гражданина заботиться о сохранении означенного здоровья, на которую, в том числе и в рассматриваемом случае с пандемией, опирается государство. Данная обязанность действительно предусмотрена нормой ч. 1 ст. 27 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», но она сформулирована декларативно и конкретизируется только для специальных случаев: нормами ч. 2 и 3 закрепляется обязательность прохождения медицинского осмотра как условия занятия некоторыми видами профессиональной и иной (например, спортивной) деятельности, а также в связи с диагностированием опасного заболевания; обязанность соблюдения предписанного врачом режима лечения на период временной нетрудоспособности. Расширенное толкование означенных норм весьма проблематично [5–6], оно может вести к оправданию даже нелепых требований (например, носить зимой шипованную обувь, чтобы избежать риска травмы конечностей или головы; употреблять соль, «белую смерть», не более одного грамма в день; и т.п.) [7].

Во-вторых, граждане 60/65плюс, как правило, вполне трудоспособны, большинство пожилых людей разумно и ответственно относятся к организации оставшейся им части жизни, вопреки устойчивому предположению концепции «геронтологического эйджизма» [8]. А их жизненный опыт (в том числе советского периода) является основой для подчинения решениям представителей государственной власти. Кроме того, как показывают результаты современных социологических исследований, избыточный патернализм отнюдь не способствует сохранению этой «возрастной популяции». Прямо наоборот: он снижает энергетический потенциал пожилых людей, ослабляет их сопротивляемость возрасту, способствует развитию инфантильности вместо формирования адекватной самооценки своих физических и психических возможностей и добровольного самоограничения [9]. При этом вред от режима принудительной самоизоляции, на наш взгляд,

был вполне очевиден, поскольку ограничивал потребности граждан «серебряного возраста» в движении, коммуникации, привычных занятиях.

Как показала практика Ярославской области, хотя режим самоизоляции пожилых людей последними соблюдался с разнообразными индивидуальными оговорками, в целом он наличествовал и давал ожидавшиеся (предполагавшиеся) результаты – прежде всего в части сдерживания уровня заболеваемости. При этом наблюдалось немало примеров бюрократического недомыслия со стороны «сил управления». Например, не были приостановлены для этой возрастной группы требования об обязательном ежегодном медицинском освидетельствовании для продолжения профессиональной деятельности – в качестве преподавателя вуза, школы и т. п. (заметьте: не первичном для заключения трудового договора, что было бы оправданным, а именно периодическом) – это как раз и вынуждало их длительное время пребывать в очередях к врачам, причем в компании более молодых граждан, далеко не всегда соблюдавших санитарные требования. Другой разновидностью административной «заботы» явился пример, связанный с запуском дистанционного обучения: в ряде вузов на первом этапе в «удаленку» были отправлены именно пожилые профессора и доценты – с одновременным требованием к ним в срочном порядке подготовить и разместить учебные материалы в виде электронных ресурсов соответствующих «цифровых» библиотек [10], предписав им фактически двойную рабочую нагрузку (по сравнению с более молодыми коллегами). И т. д. Все это свидетельствовало о появлении новой группы дискриминируемых меньшинств – 65плюс (а впоследствии и 60плюс) – на фоне позитивной дифференциации в других отраслях правового регулирования [11, с. 28].

Полагаем, что приобретенный опыт организации жизнедеятельности в чрезвычайных ситуациях (в том числе анализ соответствующих управленческих ошибок) необычайно ценен. Поражение в правах (или кажущееся таковым для граждан), будь то избирательное право, право на свободу труда, право на семейную жизнь, свободу передвижения и массовых мероприятий и др., – дело исключительно серьезное, требующее системного профессионального знания, разумного законодательства, гуманитарных начал административной практики, грамотной (желательно талантливой) работы по всестороннему информированию граждан страны (региона, отдельной местности) о причинах и сущности принимаемых решений¹.

На важность тщательного взвешивания целесообразности, характера и способов правоограничений в экстраординарные для государства периоды (кризисы, пандемии и пр.) не раз обращали внимание многие конституци-

¹ Этот опыт, как теперь становится очевидным, является значимым и в период проведения СВО, в связи с которым также введены различные ограничительные режимы, в том числе и режим повышенной готовности. Однако, ввиду особенностей менталитета российских граждан, производного от российской истории, ближней и дальней, означенные решения большинством воспринимаются с несоизмеримо большим пониманием.

оналисты, справедливо подчеркивавшие недопустимость умаления прав². Обозначенная директива имеет важный не только ценностный, но и практический смысл: результатами многочисленных исследований опровергается существование однозначной взаимосвязи между авторитарными мерами реагирования государства на пандемические угрозы (ВИЧ, вирус Эбола, H5N1) и решением кризисных ситуаций [12]. Напротив, введение ограничительных мер, отвечающих духу концепции прав человека, способно оказать позитивное воздействие на успехи в сфере здравоохранения, поскольку работает на повышение информированности в проблемной сфере, благоприятно для объединения усилий государства и общественности.

Как видится, установление ограничительных режимов в личной, политической, социально-экономической и культурной сферах во время пандемии и иные сопоставимые по уровню угроз периоды должно учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, важно, чтобы ограничение прав в кризисные периоды приводило к соразмерному возрастанию публично-властных обязанностей. Например, при ограничении права на персональные данные в направлении принудительного сбора личной информации именно на государство возлагаются функции обеспечения безопасности собранного массива. Сужая пределы свободы распространения информации, важно гарантировать гражданам полноценный и равный доступ к достоверной информации.

В целом введение ограничительных мер в период пандемии следует обеспечивать стратегией оперативного восстановления ограничиваемых свобод в постковидное время. К сожалению, опыт 2020 года показывает, что подобное стратегическое видение не было свойственно отдельным правоограничениям того периода. Например, применение таких цифровых технологий обеспечения режима самоизоляции, как специальные мобильные приложения, цифровые пропуска и пр., сопровождалось сбором беспрецедентных объемов персональных данных граждан при относительно слабой проработке вопроса их защиты (передача данных по незащищенным каналам связи и на иностранные сервера, обработка данных без возможности их отзыва, в условиях отсутствия требований к ПАК обработки данных)³.

В науке высказываются обоснованные опасения, что в период пандемии зародились существенные риски использования биологических материалов граждан (результатов тестов) в не связанных с диагностикой заболевания целях, а также пренебрежение правилами уничтожения собранных массивов информации [13]. Сегодня становится понятно, что пандемия во многом осталась «невыученным уроком»: полноценного регулирования в отношении утечек данных по-прежнему нет, статус генетических персональных дан-

² См.: Зорькин В. Под знаком Основного Закона. URL: <https://alrf.ru/news/valeriy-zorkin-pod-znakom-osnovnogo-zakona/> (дата обращения: 01.11.2022).

³ См., например: Доклад Совета при Президенте РФ по правам человека «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина». URL: <http://www.president-sovet.ru/files/2e/b9/2eb9954e02a7fe98779d8ece613fca91.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

ных законодательно не определен, а довольно жесткие процедуры получения согласий граждан на обработку их персональных данных полноценно не адаптированы под цифровые инструменты, предполагающие принудительный или автоматический сбор таких согласий.

Во-вторых, принятие властных решений о введении ограничительных мер в целях сдерживания пандемии должно основываться на концепции прав человека и воплощать принципы недискриминации, защиты наиболее уязвимых лиц, права на жизнь и достоинство. Этот императив, казалось бы, очевиден, но, несмотря на это, все же получил всестороннее исследование и внимание в зарубежной науке. Причина тому – политика некоторых стран по ограничению доступа к медицинской помощи для заведомо слабых и имеющих низкий жизненный потенциал лиц: пожилых граждан, лиц с ограничениями по здоровью. В литературе констатируется, что в период пандемии была отмечена дискриминационная практика в трех основных проявлениях: в доступе к медицинской помощи, в формате косвенной и непреднамеренной дискриминации (последствия реализации мер социального дистанцирования), в виде повышенной уязвимости отдельных незащищенных категорий граждан (бездомных, этнических меньшинств, мигрантов) [12].

В-третьих, в период пандемий и кризисов как никогда важно стремление государства к достижению целей защиты здоровья и благополучия населения за счет минимально необходимых сдерживающих мер. В этом плане довольно показательным является опыт Республики Беларусь, где было принято решение о предъявлении основного массива санитарно-эпидемиологических требований к организациям, на фоне минимальной практики привлечения граждан к ответственности за уклонение от применения средств индивидуальной защиты (масок) [14, с. 71]. Напротив, в России всего лишь за несколько месяцев действия «ковидных» ограничений, как следует из материалов МВД РФ, было составлено свыше одного миллиона протоколов об административных правонарушениях⁴. Более того, прекращение действия правил, установленных в рамках режимов повышенной готовности, не стало рассматриваться и в качестве основания для отмены вынесенных за нарушение таких нормативов в период их действия постановлений по делу об административных правонарушениях (ст. 20.6.1 КоАП РФ). Хотя до 2022 года и сохранялась некоторая надежда относительно возможности определения решений об отмене режима повышенной готовности в качестве закона, отменяющего административную ответственность за «ковидные» нарушения, они были развеяны в ноябре 2022 года Конституционным Судом РФ, опровергшим подобную трактовку⁵.

⁴ См.: Более 1,1 миллиона россиян оштрафовали за нарушения ограничений по COVID-19. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10.11.2022. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision645006.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

Наконец, введение ограничительных мер должно отвечать реалиям конкретно-исторической ситуации, складывающейся в том или ином государстве. Национально-исторический фактор в период пандемии стал, с одной стороны, важным мериллом выбора правовой модели реакции государства на распространение новой коронавирусной инфекции (от тотальных ограничений до относительно свободных режимов). С другой стороны, конкретно-исторические реалии нередко выступали основой оценки конституционности вводимых в пандемию ограничений. Как известно, принимая во внимание именно этот критерий, Конституционный Суд РФ в 2020 году сделал вывод о конституционности практики ограничения свободы передвижения актами высших должностных лиц субъектов РФ⁶. Напротив, Конституционный Суд Австрии признал неоправданными и, вследствие этого, неконституционными введенные в стране ограничения на работу ряда общественных заведений и требования к ношению масок [14, с. 66]. Различия в подходах очевидны. И подобные примеры – далеко не единичны.

Беспрецедентность антиковидных мер, их масштабность и разнообразие не могли не оставить следа в психологическом состоянии людей различных возрастных, профессиональных и иных социальных групп. В ряде случаев следует говорить и об изменении психического статуса многих лиц, переживших противокоронавирусные ограничения. Среди причин психических расстройств ВОЗ называет и ущемление личной свободы [15]. Масштаб психологических нарушений закономерно более широк, нежели психических. В диапазоне факторов, вызывающих негативный психологический отклик, также в качестве основного указываются ограничения свободы [16, с. 122].

С психологической точки зрения очевидно, что индивидуальные значения законодательных норм, сопровождающих пандемию, охватывают широкий спектр психологических явлений, которые лишь условно можно объединить понятием «ограничение свободы». На одном полюсе этого спектра, высоко вероятно, находится положительное отношение человека к официально объявленной изоляции, если этот человек был склонен к затворничеству в силу интровертированности и соответствующих особенностей своего образа жизни. Другой полюс образован реакциями на те последствия карантинных мер, которые являются значимыми для конкретных людей. Большинство из них в настоящее время, по сути, только названы в многочисленных публикациях, их подробные исследования составляют ближайшую перспективу.

Среди не самых очевидных психологических последствий пандемии и, в частности, связанных с ней изоляционных мер следует отметить изменившиеся паттерны работы людей с информацией. Во-первых, произошла перестройка схем получения информации: усложнилось непосредственное общение, что побудило многих людей стать пользователями электронных средств связи и потребителями распространяемого ими контента. В даль-

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Российская газета. 2021. 15 янв.

нейшем возвращение к прежнему образу жизни не всегда означало отказ от сформировавшихся в период изоляции моделей информационного поведения. Во-вторых, изменились информационные приоритеты в направлении той тематики, которая стала важной именно в связи с основным информационным трендом (различными аспектами пандемии).

Разные авторы отмечают и другие особенности потребления информации в эпоху пандемии по сравнению с предшествующим периодом. В частности, это снижение степени доверия к сведениям, сообщаемым официальными источниками [17, с. 431], что неудивительно с учетом трудностей их верификации [18, с. 94], вызывающих феномен инфодемии [18, с. 93; 19]. Кроме того, значительно возрос воздействующий потенциал воспринимаемого контента как регулятора психического состояния [20], как стимулятора определенных форм поведения и как основы для формирования новых ценностей [21].

Некоторые из отмеченных феноменов в большей степени касаются пожилых, чем молодых, людей. Так, именно старшая возрастная группа в наибольшей степени пострадала от ограничения личных контактов не только в связи с тем, что поведение пожилых людей регулировалось более жестко, чем молодых, но и потому, что для неработающих пенсионеров непосредственное общение выполняет широкий ряд психологических функций – от обеспечения эмоционального комфорта до поддержания функционирования когнитивных процессов. Соответственно, в период карантинных мер пожилые люди «возложили» (главным образом неосознанно) на СМИ и масс-медиа больший объем психологических функций, нежели молодые люди, которые и ранее часть своих психологических потребностей удовлетворяли с помощью Интернета. При этом следует согласиться с той точкой зрения, что это удовлетворение весьма иллюзорно [22, с. 314], что также в большей степени касается группы 60плюс, чем молодежи.

Необходимо добавить, что применительно к пожилым людям есть основания говорить о специфических возрастных особенностях восприятия, анализа и усвоения информации. Однако в контексте пандемии изучались лишь возрастные особенности психологического состояния и отношения к ней [21], но не особенности понимания этой информации [23, с. 599]. Между тем именно эффективность понимания оказывает существенное влияние на адаптацию пожилых людей к неблагоприятным изменениям макросреды.

Все исследования информационных аспектов, связанных с пандемией, касаются восприятия потребителями информации об особенностях течения заболевания, рисках заражения, мерах профилактики и т. п. Между тем для психологического благополучия не менее существенно адекватное усвоение информации юридической. Изложенные выше законодательные парадоксы [24] означают не только трудности правоприменения, но и проблемы усвоения соответствующих сведений.

Рассмотрение юридических и психологических аспектов карантинных ограничений, казалось бы, в настоящее время потеряло актуальность. Однако на их примере возможно исследование более общих закономерностей

стей, действующих в условиях быстрого изменения правового поля, обилия и одновременно недостатка информации, высокой значимости для людей изменений, происходящих в обществе (включая, как мы уже отметили ранее, и ситуацию сегодняшнего дня, трудности которой обусловлены существенно более чрезвычайными обстоятельствами). Кроме того, с сожалением приходится констатировать, что и пандемии, хотя и дискретны, но склонны к повторяемости, изменчивости и появлению совершенно новых вызовов. Поэтому формула «предупрежден – значит вооружен» весьма актуальна для общественных практик в означенной специфической сфере жизнедеятельности, а также и для других менее или более неординарных.

Ссылки

1. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и защита прав и свобод // *Lex Russica*. 2020. Т. 73, № 10. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.009-020.
2. Тарусина Н. Н. Ограничение права как свобода: актуализация размышлений в пандемические времена // *Социально-юридическая тетрадь*. 2021. № 11. С. 8–21.
3. Тарусина Н. Н. Многодетная семья как феномен социально-правового пространства // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 2. С. 24–28.
4. Филиппова С. Ю. Коронавирус ушел. Как нам теперь вернуть право? // *Закон*. 2020. № 5. С. 42–52.
5. Шишков С. Н., Полубинская С. В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 81–89. DOI: 10.31857/S102694520012234-8.
6. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109.
7. Тарусина Н. Н. Право распоряжаться своей жизнью: актуализация социально-политического контекста в условиях пандемии COVID-19 // *Социальные и гуманитарные знания*. 2021. Т. 7, № 2. С. 166–181. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-2-166-181.
8. Колпина Л. В., Реутов Е. В. Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных практик старшего поколения // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2019. Т. 14, № 2. С. 32–45.
9. Колпина Л. В., Бояринова Е. В., Реутова М. Н., Реутов Е. В. Инфантилизация представителей старшего поколения как фактор их самоограничительных установок и практик // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 10(152). С. 23–28.
10. Конева Е. В., Тарусина Н. Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью (уроки пандемии) // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2022. Т. 16, № 4. С. 634–641. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641.
11. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

12. Gready P. The Implication of and Responses to COVID-19: Localizing Human Rights in the City of York (UK) // *Journal of Human Rights Practice*. 2020. Vol. 12, Issue 1. P. 250–259. DOI: 10.1093/jhuman/huaa036.

13. Салихов Д. Р. Пандемия и персональные данные: как распространение новой коронавирусной инфекции бросает новые вызовы персональным данным // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 3. С. 46–50.

14. Василевич Г. А., Остапович И. Ю., Калинина Е. Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // *Правоприменение*. 2021. Т. 5, № 2. С. 62–76.

15. . Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 / Т. Л. Крюкова [и др.] // *Социальная психология и общество*. 2020. Т. 11, № 4. С. 120–134.

16. Новая группа экспертов ВОЗ определит пробелы и решения в области воздействия COVID-19 на психическое здоровье // Европейское региональное бюро ВОЗ: Электронный ресурс. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/mental-health/news/> (дата обращения: 15 декабря 2022 г.).

17. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.

18. Васильева А. В. Первая конференция по инфодемиологии ВОЗ: мультидисциплинарное сотрудничество в противодействии дезинформации в период пандемии COVID – 19 // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2020. № 3. С. 93–95.

19. Раренко А. А., Воронцова В. О. Раренко, А. А. Инфодемия в условиях пандемии COVID-19 // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2021. № 2. С. 94–104. DOI 10.31249/rsoc/2021.02.08.

20. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89.

21. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова [и др.] // *Клиническая и специальная психология*. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146.

22. Алёхин А. Н., Дубинина Е. А. Пандемия: клинико-психологический аспект // *Артериальная гипертензия*. 2020. Т. 26, № 3. С. 312–316. DOI: 10.18705/1607-419X-2020-26-3-312-316.

23. Конева Е. В., Солондаев В. К. Актуальная информация в эпоху пандемии: способы трансляции и особенности восприятия // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2021. Т. 15, № 4. С. 592–601. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-592-601.

24. Тарусина Н. Н. О правах человека в контексте семейных ценностей: заметки на полях после 24 февраля 2022 года // *Социально-юридическая тетрадь*. 2022. № 12. С. 6–15.

The mechanism of "restriction – guarantee" in case of termination of an employment contract at the employer's initiative: Russian and foreign experience

L. G. Dzhidzhavadze¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-102-111

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the grounds for termination of an employment contract on the initiative of an employer in the countries of the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families. The issue of maintaining the balance of interests of the employee and the employer through the mechanism of «restriction-guarantee» is investigated. Based on the information received, the author identifies models of legal regulation and makes reasonable conclusions. In addition, proposals are being made to improve Russian legislation based on the reception of the positive experience of foreign countries.

Keywords: restrictions; guarantees; employee; employer; termination of employment contract

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dzhidzhavadze, Levan G. | E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3745-5397
Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

Механизм «ограничение – гарантия» при расторжении трудового договора по инициативе работодателя: российский и зарубежный опыт

Л. Г. Джиджавадзе¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-102-111
УДК 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются основания прекращения трудового договора по инициативе работодателя в странах англо-саксонской и романо-германской правовых семей. Исследуется вопрос соблюдения баланса интересов работника и работодателя путем механизма «ограничение – гарантия». На основе полученной информации автором выявляются модели правового регулирования, делаются обоснованные выводы. Кроме того, вносятся предложения по совершенствованию российского законодательства на основе рецепции положительного опыта иностранных государств.

Ключевые слова: ограничения; гарантии; работник; работодатель; прекращение трудового договора

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джиджавадзе, Леван Гияевич

E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3745-5397

Аспирант кафедры трудового и финансового права, ассистент кафедры теории и истории государства и права

Финансирование: ЯрГУ (Программа развития, проект № П2-ГМ2-2021).

Действительные, а не мнимые ориентиры социальной направленности трудового законодательства предполагают особую роль правовых норм о расторжении трудового договора по инициативе работодателя об обеспечении баланса интересов работника и работодателя. Очевидно, что закрытый перечень оснований прекращения трудового договора по инициативе работодателя является материально-правовым ограничением

© Джиджавадзе Л. Г., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

для работодателя и гарантией для работника. Он закрепляется в ст. 81 и ч. 2 ст. 71 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). Ряд оснований увольнения для отдельных категорий работников закрепляются в иных нормах (например, ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ).

Проанализировав механизм согласования интересов работника и работодателя, мы выявили, что одним из способов достижения означенного баланса является нормативное положение о дифференцированном подходе к выплате выходного пособия: при увольнении по виновным основаниям оно не выплачивается, а в случае увольнения по основаниям, предусматривающим данную выплату, размер пособия невелик. Однако от данного правила есть отступления. Это касается случаев увольнения руководителя по решению собственника имущества, когда выплачивается так называемый «золотой парашют», регламентированный нормой ст. 279 ТК РФ.

Заметим, что перечень оснований увольнения по инициативе работодателя в Республике Беларусь также является закрытым (ст. 42 Трудового кодекса Республики Беларусь). При этом способ достижения баланса интересов для рассматриваемого ограничения тождествен российскому варианту. Однако имеются и спецификации: перечень оснований увольнения, при которых выходное пособие предусмотрено, в Беларуси более широкий, а зависимость периода выплаты от факта трудоустройства не установлена [1].

Предписания норм ст. 87, 88 Закона Эстонии от 17.12.2008 «О трудовом договоре», с одной стороны, аналогичны в части исчерпывающего характера перечня оснований увольнения работника по инициативе работодателя, с другой – отличаются своеобразием относительно способа согласования интересов сторон, характеризующегося сложным составом. Так, ограничение возможностей работодателя компенсируется: 1) небольшим «каталогом» оснований выплаты выходного пособия и его размером, который меньше, чем в РФ и в Республике Беларусь (например, при сокращении численности штата оно равно одному среднемесячному заработку); 2) упрощенным порядком увольнения при нарушении работником своих трудовых обязанностей, повлекшим невозможность продолжения трудовых отношений. Таким образом, в Эстонии, в отличие от других проанализированных стран, появляется особая гарантия, которая заключается в упрощении процедуры увольнения.

Согласно ТК РФ основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя дифференцируются в зависимости от вида трудового договора по срочности существования трудовых отношений. В соответствии с Трудовым кодексом Франции основания увольнения работника, работающего на основании бессрочного трудового договора, по инициативе работодателя делятся на личные и экономические, причем перечень оснований увольнения по личным причинам отсутствует. В ст. L1232-1 подчеркива-

ется лишь их характер – реальность и существенность. Содержание данных понятий не раскрывается, что предполагает широту управленческого усмотрения для работодателя и одновременно является ослаблением гарантий для работника. В этой ситуации баланс интересов достигается с помощью процедурных технологий: 1) перед увольнением работодатель обязан провести предварительное собеседование с работником, на котором истребуются у последнего соответствующие объяснения и сообщаются предполагаемые причины потенциального увольнения (этот процедурный элемент может оказать влияние на мнение работодателя и его отказ от столь жесткого решения после выявления тех или иных смягчающих обстоятельств (ст. L1232-3, L1232-4)); 2) на собеседовании интересы работника защищает член профсоюза или специальный советник-консультант, труд которых оплачивает работодатель (ст. L1232-7); 3) если работник имеет стаж 8 и более месяцев и уволен по несущественной причине, он имеет право на выходное пособие (ст. L1234-9) (под серьезной причиной, основываясь на систематическом толковании, понимается увольнение по виновным основаниям (дисциплинарный проступок)); 4) в случае увольнения по причине, не соответствующей действительности, работодатель при отказе от восстановления работника обязан выплатить компенсацию. При этом размер компенсации зависит от стажа работника в компании (ст. L1235-3).

При отказе работника от выполнения трудовых обязанностей в связи с изменением места работы или изменением ее существенного элемента (ст. L1233-3 Трудового кодекса Франции) имеет место быть увольнение по экономическим причинам. К таким ситуациям относятся: 1) падение заказов и товарооборота; 2) реорганизация юридического лица; 3) ликвидация последнего; 4) технологические изменения и др. Законодатель, с одной стороны, не ограничивает перечень оснований увольнения по экономическим причинам, но, с другой стороны, подробно раскрывает содержание оценочных понятий (падение заказов и товарооборота).

При этом баланс интересов достигается с помощью следующих гарантий для работника: а) проведение предварительного собеседования, как и при увольнении по личным основаниям; б) обязанность работодателя организовать переобучение работника, повышение его квалификации – в целях превенции от расторжения трудового договора (ст. L1233-4); в) обязанность предлагать работнику вакансии в пределах страны (по заявлению работника ему может быть предоставлена работа за границей (ст. L1233-4); г) предоставление приоритетного права на прием (ст. L1233-16) при повторном трудоустройстве к этому же работодателю.

Если работник выполняет трудовую функцию на основании срочного трудового договора, то полномочия работодателя на его расторжение в значительной степени лимитировано. Перечень оснований, с одной стороны, носит традиционно закрытый характер: серьезный проступок (дисци-

плинарной природы); нетрудоспособность работника, установленная врачом по гигиене; действие непреодолимой силы (ст. L1243-1). Законодатель не дает пояснений об обстоятельствах непреодолимой силы как основании увольнения, что является недостатком. Можно предположить, что имеется в виду ситуация, при которой работодатель вынужден прекратить договор в силу объективной непредвиденности обстоятельств.

С другой стороны, по смыслу нормативного положения ст. L1243-4, работодатель имеет право досрочно расторгнуть срочный трудовой договор без наличия вышеуказанных обстоятельств. Но при этом баланс интересов обеспечивается тем, что последний вынужден выплатить компенсацию в размере всей суммы заработной платы, которую работник получил бы до окончания срока трудового договора. Это норма фактически приводит к экономической невыгодности досрочного прекращения трудовых отношений.

Сопоставление приведенных данных позволяет прийти к выводу, что в странах романо-германской правовой семьи в зависимости от открытости / закрытости перечня оснований увольнения существует дифференциация по следующим группам: 1) страны с закрытым перечнем (РФ, Беларусь, Эстония, Франция при расторжении бессрочного трудового договора), 2) страны с открытым перечнем (Франция при расторжении срочного трудового договора). В ряде государств основания прекращения трудового договора различаются в зависимости от причины увольнения (личные и экономические во Франции). К основным способам достижения баланса интересов при наличии ограничения для работодателя в виде закрытого перечня оснований относятся: 1) невыплата выходного пособия и небольшой его размер (РФ, Беларусь, Эстония), 2) упрощенный порядок увольнения (Эстония), 3) выплата компенсации (Франция). Баланс интересов при наличии ограничения для работника в виде открытого перечня оснований увольнения достигается путем регламентации следующих гарантий (Франция): 1) предварительного собеседования, 2) помощи консультанта, 3) выплаты выходного пособия, 4) предложения вакансий, в том числе за пределами государства, 5) обязанности по переобучению и повышению квалификации работника, 6) приоритетного права на трудоустройство при повторном поступлении на работу к этому же работодателю, 7) выплаты иных компенсаций.

Напротив, согласно позиции А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, правовое регулирование трудового договора в странах англосаксонской правовой семьи отличается от континентальной системы права в целом и от права стран ЕАЭС в частности. Так, модель прекращения трудового договора в странах ЕАЭС характеризуется регламентацией закрытого перечня оснований увольнения и ограничением случаев договорного закрепления оснований увольнения, в то время как в государствах англосаксонской правовой

семьи, исходя из принципа свободы волеизъявления найма «по желанию», фиксируются лишь общие требования к законности, справедливости и обоснованности увольнения [2, с. 319].

Обратившись к английскому законодательству, видим, что оно не содержит перечня оснований прекращения трудового договора. Это объясняется отсутствием четкой границы между гражданским и трудовым законодательством, господством концепции «найма по желанию» [3]. Анализ доктрины по данному вопросу позволяет сделать вывод, что к основным гарантиям работника при несправедливом увольнении в Великобритании относятся следующие: 1) различные виды компенсаций, выплачиваемых при увольнении (компенсации подразделяются на три вида: а) основная выплата, зависящая от продолжительности работы и возраста работника (максимальная сумма 6300 фунтов стерлингов); б) компенсационная выплата сверх основной, направленная на возмещение ущерба; в) специальная выплата (трибунал ее назначает в случае, если увольнение работника произошло из-за его участия / неучастия в профсоюзной организации, или если работодатель не исполняет решение трибунала о восстановлении на работе); 2) на основании решения трибунала – обязанность работодателя восстановить работника на работе; 3) решением трибунала – обязанность работодателя предложить работнику исполнение другой трудовой функции. Однако в науке подчеркивается, что две последние гарантии на практике редко применяются ввиду того, что работники не желают продолжать выполнять работу у того же работодателя [4].

С точки зрения Р. Р. Назметдинова, в США наметилась тенденция отхода от модели «найма по желанию», позволяющая расторгнуть трудовой договор в любой момент в одностороннем порядке. Штаты стали включать в региональное законодательство нормы, ограничивающие доктрину найма «по желанию» (Монтана, Пуэрто-Рико, Виргинские острова и др.). Измененная доктрина включает в себя положение о том, что в ряде штатов в трудовые договоры и в коллективные трудовые договоры включаются нормы о невозможности без уважительных причин расторгать трудовой договор в одностороннем порядке [5, с. 129]. Свидетельством постепенного отхода США от доктрины «найма по желанию» является и то, что в 1991 г. Комиссия по обеспечению единообразия законодательства штатов опубликовала Примерный (типовой) закон об увольнении (the Model Uniform Employment Termination Act) [6]. Он носит рекомендательный характер, но его целью является предложение регионам с учетом обобщения опыта всех штатов наиболее оптимальных решений, отвечающих интересам работника и работодателя [5, с. 140, 141].

Причем правило о расторжении трудового договора по любой причине и в любой момент является взаимным для работника и работодателя. В связи с этим возникает вопрос: какие гарантии существуют для сторо-

ны, в случае если другая решила воспользоваться своим правом? Согласно данным СМИ, напрямую трудовые нормы США не предусматривают выплату выходного пособия работнику. В то же время ему предоставляются следующие гарантии:

1) право пользоваться медицинской страховкой в течение 18 месяцев после увольнения (стоимость медицинской страховке в США очень высокая);

2) право на выходное пособие, размер которого варьируется в зависимости от количества проработанных лет у этого работодателя: пособие за 3 месяца, а затем недельное пособие за каждые полгода, отработанные у данного работодателя, но не более 26 недель (такая практика имела в IBM); в Microsoft размер выходного пособия зависит от квалификации; (данное правило для работодателей является диспозитивным, усмотренческим);

3) помощь в трудоустройстве и переобучении бывшего работника (практика IBM) [7].

Проанализировав диссертацию Р. Р. Назметдинова, можно сделать вывод, что в США закрепляется механизм, ограничивающий применение доктрины «найма по желанию».

Во-первых, данная концепция не подлежит применению в случае, если работник уволен с нарушением государственной политики (public policy), которая закрепляется или создается судами. Данное ограничение введено в 43 из 50 штатов. Примерами подобного нарушения выступают следующие ситуации с увольнением работника: отказ выполнить незаконное поручение работодателя; обращение работника за компенсацией морального вреда; сообщение работника в правоохранительные органы о нарушении работодателем трудового законодательства.

Важно подчеркнуть, что в законодательстве США понятие «государственная политика» не раскрывается. О ее содержании мы можем узнать из судебных прецедентов. Так, Апелляционный суд штата Калифорния в 1959 г. рассматривал дело Питера Питерманна, который работал дальнобойщиком и был уволен за то, что отказался лжесвидетельствовать в пользу своего работодателя в рамках коррупционного дела. Работодатель уволил его, завуалировав основание под «ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей». Суд, признав увольнение незаконным, истолковал, что под нарушение общественной (государственной) политики подпадают действия, направленные на причинение вреда обществу (государству) и их интересам. Так как лжесвидетельство является уголовно наказуемым, то оно противоречит и общественным, и государственным интересам.

Верховный суд штата Иллинойс под понятие государственной политики подводил требование правильности и справедливости по отношению к обществу, раскрывая его через закрепление в Конституции США, законах штата и судебных прецедентах. Стоит подчеркнуть, что это опреде-

ление является предельно широким и не позволяет определить границы данного понятия. Позже Верховный суд штата Висконсин сократил перечень источников, указав, что нормы о государственной (общественной) политике содержатся в Конституции США и в иных законах (статутах). В практике некоторых судов были дела, в которых они отказывались применять ограничение доктрины «найма по желанию», считая это прерогативой законодателя.

Интерес представляет дело, рассмотренное Верховным судом штата Вашингтон. В рамках данного дела водитель грузовика спас женщину, за которой бежал преступник с ножом, но ему пришлось бросить грузовик. В результате этого он был уволен работодателем за нарушение трудового распорядка. Однако суд признал увольнение незаконным на основании того, что общественная (государственная) политика поощряет спасение людей.

Ввиду различных трактовок данной конструкции, предлагаемых в правоприменительной и правотворческой практике, американской доктриной было выработано следующее определение: общественная политика – это «концепция, направленная на обеспечение того, что ни одно лицо, выполняя свои должностные функции, не будет совершать действий, наносящих вред обществу или противоречащих общественным интересам». Общественной политике наносят вред любые действия, которые направлены на нарушение прав человека [8, р. 20].

Во-вторых, ограничением применения доктрины «найма по желанию», тесно связанным с предыдущим, является ее распространение на случаи увольнения работника по причинам доносительства, под которым понимается сообщение работником в компетентные органы о неправомерных действиях работодателя. Данное ограничение установлено в 39 штатах. Например, в 1998 г. суд признал незаконным увольнение работника, сообщившего в надзорные органы о том, что работодатель поставляет покупателям бракованные запчасти для самолета.

В-третьих, доктрина найма по желанию не распространяется на срочные трудовые договоры. Для реализации этого ограничения трудовой договор должен быть заключен в письменной форме и в нем должен закрепляться срок его действия.

В-четвертых, применение доктрины «найма по желанию» ограничивается соглашением о добросовестности и честном ведении сделок, которое применяется в 11 штатах. Особенностью данного ограничения является его применение ко всем видам трудовых отношений, а не только по вопросам прекращения трудового договора. В рамках анализируемой проблемы данное ограничение используется в целях выявления достаточных и законных оснований увольнения, злого умысла работодателя и нарушения правил о добросовестности. Подобная норма широко используется в практике су-

дов штата Калифорния. Так, суд признал незаконным увольнение работников, выполнявших в течение 18 лет трудовые функции в авиакомпании и не имевших дисциплинарных взысканий, без объяснения причин. Верховный суд штата Калифорния ограничил перечень случаев, когда увольнение по данному основанию может быть признано незаконным, указав, что увольнение без достаточных оснований является неправомерным.

Таким образом, гарантии для работников при увольнении определяются в рамках отдельных организаций или вырабатываются судебной практикой, реже они закрепляются на законодательном уровне. Представляется, что их необходимо зафиксировать в правовом поле на уровне федерации или штатов. Если же речь идет об увольнении работника по собственному желанию, то работодатель остается фактически незащищенным, потому что работник не несет никаких неблагоприятных последствий (выплат в пользу работодателя и так далее), в то время как у работодателя может нарушиться производство на предприятии. Единственным правилом в пользу работодателя является отсутствие его обязанности в данном случае выплачивать выходное пособие и оказывать иные услуги работнику. Следует признать, что в описанной ситуации существует дисбаланс в пользу интересов работника. В то же время, как подчеркивает Д. В. Черняева, «найм по желанию» помогает американским работодателям избежать обязанности обосновывать прекращение трудового договора и выплачивать соответствующие компенсации [9, с. 131].

При этом следует отметить, что в американской правотворческой и правоприменительной практике применение данной доктрины ограничивается в целях защиты прав работника. Основаниями ограничения «найма по желанию», а соответственно, и права работодателя на увольнение работника по собственной инициативе являются: 1) недопустимость увольнения с нарушением государственной (общественной) политики; 2) запрет увольнения за доноительство; 3) срочный характер трудовых отношений, что следует из трудового договора; 4) соглашение о добросовестности и честном ведении сделок.

На основании проведенного сравнительно-правового анализа механизма конструкции «ограничение – гарантия» при расторжении трудового договора по инициативе работодателя полагаем необходимым внести ряд предложений по рецепции опыта зарубежных стран в целях совершенствования российского трудового законодательства:

- 1) Расширение территориальной сферы предложения вакансий при увольнении по сокращению численности штата и при несоответствии занимаемой должности (ч. 3 ст. 81 ТК РФ), а именно закрепить императивную обязанность работодателя предлагать вакантные должности не только в этой местности, но и в пределах всей страны (опыт Франции);

2) При желании уволить работника по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ закрепление обязанности работодателя по переобучению работника и повышению его квалификации (опыт Франции);

3) Включение предварительного собеседования с работником перед запланированным его увольнением в качестве элемента процедурной составляющей гарантии от необоснованного прекращения трудового договора (опыт Франции).

Предлагаемые новеллы, с одной стороны, усложнят администрирование, однако, с другой – существенно усилят компоненты охраны и защиты прав работника в ситуации, когда он является, как правило, заведомо слабой стороной трудового правоотношения, что приблизит трудовую нормативистику в рассмотренной области к реальному достижению баланса интересов работодателя и работника.

Ссылки

1. Стукен Т. Ю. Институты регулирования заработной платы в России и Беларуси // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2013. № 1. С. 95-102.

2. Евразийское трудовое право: учебник / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Голovina [и др.]; под общ. ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М.: Проспект, 2017. 496 с.

3. Климов П. В. Трудовой договор в Англии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 28 с.

4. Климов П. В. Правовое регулирование расторжения трудового договора по трудовому праву Великобритании // Законодательство. 2001. № 9. С. 77–84.

5. Назметдинов Р. Р. Трудовое право Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 226 с.

6. The Model Uniform Employment Termination Act // Uniform Law Commission: website. URL: <https://uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=ab6a797a-9641-43f9-9841-947581297e3a> 1991. (Date of access: 06.11.2022).

7. США: как увольняют и сколько за это платят // BFM.RU: сетевое СМИ. 2009. URL: <https://www.bfm.ru/news/11656> (дата обращения: 06.11.2022).

8. Dawn D. Bennett-Alexander, Laura P. Hartman. Employment law for business. 7th ed. Irwin New York, 2012. 827 p.

9. Черняева Д. В. Трудовое правоотношение в странах англо-саксонской правовой семьи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 242 с.

The distinction between giving a bribe and provocation of a bribe in the criminal law of Russia

A. S. Titova¹

¹Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 12 Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-112-119

Research article
Full text in Russian

The article deals with the issue of distinguishing between two criminally punishable acts that have similar signs of the elements of the crime - giving a bribe and provocation of a bribe. The author analyzes the objective and subjective signs of these elements of the crime. Based on the analysis of bribery and provocation of a bribe, the signs of difference and similarity of these crimes are highlighted. The author concludes that the differentiation of the studied elements of crimes is based on the differences in their objective and subjective characteristics. However, the author points out that when qualifying a criminal act with the external similarity of the crimes under consideration by the law enforcement officer, the key attention should be paid to the distinctive features contained in the subjective side of these acts. In order to properly qualify criminally punishable acts containing signs of provocation of a bribe, the author recommends making appropriate amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 9, 2013 "On Judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes".

Keywords: giving a bribe; provocation of a bribe; corruption; corpus delicti; subjective side; purpose of the crime

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Titova, Anna S.	E-mail: astitova58@gmail.com Legal Adviser of the Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Moscow region, Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot
-----------------	---

Разграничение дачи взятки и провокации взятки в уголовном праве России

А. С. Титова¹

¹МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, Москва, 117997,
Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-112-119
УДК 343.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается вопрос о разграничении двух уголовно наказуемых деяний, имеющих схожие признаки составов преступления, – дачи взятки и провокации взятки. Проанализированы объективные и субъективные признаки данных составов преступления. На основании проведенного анализа дачи взятки и провокации взятки выделены признаки различия и сходства этих преступлений. Сделан вывод, что разграничение исследуемых составов преступлений строится на различиях их объективных и субъективных признаков. Однако указывается, что при квалификации преступного деяния при внешней схожести рассматриваемых преступлений правоприменителем ключевое внимание должно уделяться именно отличительным признакам, содержащимся в субъективной стороне данных деяний. В целях правильной квалификации уголовно наказуемых деяний, имеющих признаки провокации взятки, автором рекомендуется внести соответствующие изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях».

Ключевые слова: дача взятки; провокация взятки; коррупция; состав преступления; субъективная сторона; цель преступления

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Титова, Анна Сергеевна	E-mail: astitova58@gmail.com
	Юрисконсульт Правового управления ГУ МВД России по Московской области, адъюнкт Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

Борьба с коррупцией на протяжении нескольких лет является одним из приоритетных направлений государственной политики России. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, в котором в том числе не остались без внимания вопросы уголовного наказания за коррупцию, а также противодействия коррупции. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2021 год в России 24 631 уголовное дело коррупционной направленности направлено в суд с обвинительным заключением [1], что на 13 % больше, чем за аналогичный период 2020 года [2].

Повышение раскрываемости преступлений коррупционной направленности обусловлено улучшением качества расследования уголовных дел, а также ужесточением антикоррупционной уголовной политики. Однако представляется, что при выявлении коррупционных преступлений сотрудниками правоохранительных органов может быть осуществлена провокация взятки. Кроме того, поскольку дача взятки и провокация взятки имеют ряд общих признаков, это вызывает некоторые практические сложности при квалификации уголовно-наказуемого деяния. Таким образом, предлагаем рассмотреть признаки, отграничивающие провокацию взятки от дачи взятки.

Структурно анализируемые составы располагаются в разных главах уголовного закона и имеют разные основные непосредственные объекты преступлений. Статьей 291 УК РФ охраняются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, соблюдение интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а статьей 304 УК РФ – общественные отношения, направленные на охрану законной деятельности органов правосудия. Вместе с тем отметим, что некоторые специалисты считают условным отнесение провокации взятки к данному родовому объекту [3, с. 459].

Как известно, в науке уголовного права в качестве дополнительного объекта преступного деяния выступают общественные отношения, которым одновременно с причинением вреда основному объекту также причиняется вред либо создается угроза его причинения. Так, на основе диспозиции статьи 304 УК РФ как дополнительный объект провокации мы можем рассматривать законные интересы личности, которые ставятся под угрозу ввиду преступного поведения субъекта провокации. Кроме того, исходя из круга закрепленных в диспозиции статьи 304 УК РФ потерпевших лиц, полагаем возможным также рассматривать отношения, связанные с нормальным осуществлением деятельности государственных органов или коммерческих и иных организаций дополнительным объектом провокации взятки [4, с. 20–21, 169].

Несмотря на различие в объекте рассматриваемых преступлений, их предмет одинаков: деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также оказание услуг имущественного характера, представление имущественных прав.

С точки зрения объективной стороны дача взятки совершается в виде передачи предмета взятки лицу, указанному в статье 291 УК РФ, либо в предоставлении услуг имущественного характера, иных имущественных прав, а момент окончания преступления связан с моментом принятия данным лицом предмета взятки. В свою очередь, провокация взятки выражена в попытке передачи предмета взятки лицам, указанным в статье 304 УК РФ, оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав, без их согласия. Под отсутствием согласия на получение предмета преступления необходимо понимать то, что указанные в диспозиции статьи 304 УК РФ лица не требовали передать им данный предмет, а также не выражали согласия на его получение [5, с. 83].

Таким образом, внешне данные преступления очень похожи. Вместе с тем стоит отметить, что, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, «провокация взятки является оконченной с момента передачи хотя бы части имущества либо начала оказания услуг имущественного характера»¹. Однако позволим себе не согласиться с трактованием момента окончания провокации, изложенным выше, по следующим причинам.

Лексическое значение слова «попытка» выражено в действии, поступке с целью осуществить что-нибудь, добиться чего-нибудь, но без полной уверенности в успехе [6, с. 580]. В то же время слово «передать» в лексическом понимании означает: 1) отдать, вручить что-нибудь; 2) отдать во владение что-нибудь [6, с. 517]. Таким образом, передача предмета взятки предполагает его встречное принятие лицом, которому он предложен. В этой связи полагаем, что законодателем неслучайно диспозиция статьи 304 УК РФ сформулирована с использованием слова «попытка». Кроме того, с учетом того, что диспозиция провокации взятки описана как формальный состав преступления (некоторые ученые определяют состав провокации как усеченный [7, с. 30]), последнее необходимо считать оконченным именно с момента осуществления попытки виновного передать предмет взятки или оказать услугу.

Согласно диспозиции статьи 304 УК РФ круг потерпевших в результате совершения провокации достаточно широк и не ограничивается лицами, указанными в статье 291 УК РФ. Это связано с тем, что данная норма запрещает провокацию в отношении нескольких преступлений коррупционной направленности, а именно, помимо дачи взятки, также в отноше-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ». 2013. № 9, сент., п. 32.

нии коммерческого подкупа и подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

Субъект рассматриваемых преступлений общий: им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет.

В вопросе разграничения дачи взятки и провокации взятки особый интерес вызывает субъективная сторона этих преступлений. Для совершения обоих преступлений характерно наличие прямого умысла, но ключевым моментом при их разграничении является цель преступления. В диспозиции статьи 291 УК РФ не указана цель как составообразующий признак преступления. Цели, преследуемые взяточдателем при совершении преступления, могут быть различными [8, с. 192]. Вместе с тем некоторыми специалистами указывается, что взяточдатель при даче взятки преследует цель совершения взяткополучателем в отношении его или иных лиц определенных действий вопреки интересам службы, входящих в должностные полномочия, либо воздержания от них [9, с. 340]. Однако независимо от цели дачи взятки, избранной взяточдателем, для квалификации содеянного она не имеет ключевого значения.

Иначе обстоит вопрос с провокацией взятки. Из диспозиции статьи 304 УК РФ следует, что целями провокации взятки является искусственное создание доказательств совершения преступления либо шантаж. Таким образом, в данном составе цель преступления является одновременно и составообразующим признаком, и разграничивающим признаком внешне схожих общественно опасных деяний.

В науке уголовного права вопрос о формулировке цели провокации вызывает дискуссию. Так, А. Е. Аюсинов, критикуя наличие шантажа как цели в диспозиции статьи 304 УК РФ, указывает, что шантаж не является самостоятельным преступлением. Кроме того, в случае, когда лицо совершает преступление путем шантажа, налицо не провокация преступления, а соучастие в преступлении [10, с. 243].

Полагаем возможным не согласиться с приведенной точкой зрения. Действительно, шантаж в действующем УК РФ не предусмотрен как самостоятельное преступление и во многих составах выступает как способ совершения преступного деяния, и лишь в составе о провокации взятки шантаж определен как цель преступления. Указание автора на способ совершения провокации взятки или подкупа путем шантажа, превращающий провокацию в соучастие, по нашему мнению, противоречит сущности провокации, а именно скрытому характеру действий провокатора ввиду содержания диспозиции статьи 304 УК РФ, в которой обязательным признаком объективной стороны выступает отсутствие согласия должностного лица.

Поскольку уголовным законом не определено понятие шантажа, разберемся в его значении. Некоторые специалисты придерживаются по-

зиции, что понятие шантажа определено в составе вымогательства (статья 163 УК РФ), а также в качестве угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких [11, с. 195]. Существует также мнение, что предметом шантажа может быть не только позорящая потерпевших или его близких информация, но и любая другая информация, которую указанные лица желают сохранить в тайне [12, с. 78]. А. И. Чучаев рассматривает шантаж как форму угрозы, состоящей в запугивании потерпевшего, для создания обстановки, вынуждающей совершить определенные действия [13, с. 34].

Основываясь на приведенных выше позициях, определим шантаж как угрозу, выраженную в распространении виновным определенных сведений и преследующую создание таких условий, при которых потерпевшее лицо будет вынуждено совершать выгодные действия для лица, осуществляющего шантаж. Говоря о шантаже как цели провокации, необходимо акцентировать внимание, что именно в результате провокации и получаются сведения, входящие в содержание последующего шантажа. В случае принятия спровоцированным лицом предмета взятки провокатор рассчитывает, что в дальнейшем он сможет предъявить к нему требования, выгодные для провокатора или в интересах провокатора, под угрозой сообщить правоохрнительным органам или другим лицам о факте совершения им преступления, связанного с получением взятки.

Некоторыми специалистами высказывается мнение, что указание в составе о провокации цели совершения преступления как признака субъективной стороны представляется излишним. Это связано с тем, что цели, указанные в статье 304 УК РФ, не являются типичными для рассматриваемого преступления. Так, при совершении провокации взятки или подкупа сотрудниками правоохрнительных органов зачастую преследуются такие цели, как повышение показателей служебной деятельности, получение личных выгод для повышения в звании, выплаты премии и другие [14, с. 57].

Однако полагаем, что наличие указанных в диспозиции провокации взятки целей является необходимым, поскольку именно преимущественно на различиях в субъективной стороне строится разграничение составов дачи взятки и провокации взятки.

При осуществлении провокации взятки факт наличия или отсутствия согласия провоцируемого лица на принятие предмета взятки имеет существенное значение. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации указывается, что «ответственность за совершение провокации взятки наступает в том случае, когда виновным осуществлялась попытка передачи предмета взятки лицу, которое заведомо для провокатора не только

не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее»². Полагаем, что доказать наличие либо отсутствие согласия должностного лица на получение взятки в практической деятельности достаточно сложно. Оценивая факт наличия согласия провоцируемого лица принять предмет взятки, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств совершенного преступления, а также предшествующую преступлению деятельность спровоцированного.

В этой связи считаем возможным дополнить вышеуказанное постановление по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях рекомендацией для судов о необходимости проверки наличия предварительной договоренности между провокатором и должностным лицом о согласии принять предмет взятки. Данное разъяснение содержалось в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». Вместе с тем полагаем, что наличие данной формулировки в ныне действующем постановлении необходимо для правильного установления всех признаков совершенного деяния, отграничения его от смежных преступлений и правильной квалификации содеянного.

Таким образом, при внешней объективной схожести анализируемых преступлений признаком, разграничивающим преступления, предусмотренные статьями 291 и 304 УК РФ, является субъективная сторона, а именно наличие цели в виде искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, специфичной для провокации взятки..

Ссылки

1. Сборник о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2021 года, подготовленный Генеральной прокуратурой Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics>. (дата обращения: 15 сентября 2022 г.).
2. Сборник о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2020 года, подготовленный Генеральной прокуратурой Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics>. (дата обращения: 15 сентября 2022 г.).
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов М.: Юристъ, 1996. 559 с.
4. Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галахова. М.: Норма, 2005. 416 с.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и других коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ». 2013. № 9, сент., п. 32.

5. Федюнин А. Е., Алферов В. Ю. Нравственно-правовые проблемы разграничения провокации от выявления и документирования взятки либо коммерческого подкупа // Правовая культура. 2018. № 3(34). С. 81–89.
6. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 955 с.
7. Иванов В. Д., Черепахина В. А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29–32.
8. Фоменко Е. В. Особенности уголовно-правовой характеристики субъективной стороны взяточничества по действующему УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С.189–192.
9. Косицына Ю. В. Уголовно-правовая характеристика дачи взятки // Наука и современность. 2010. № 2–3. С. 337–342.
10. Аюсинов А. Е. Особенности субъективной стороны преступной провокационной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 241–244.
11. Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М.: Юрлитинформ, 2009. 496 с.
12. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2000. 181 с.
13. Чучаев А. И. Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. 80 с.
14. Ермаков С. В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89). С. 53–61.

The main directions of the study of the psychological specifics of distance forms of professional activity realization

A. A. Karpov¹, A. A. Volchenkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-120-129

Research article
Full text in Russian

The article presents materials that reveal the psychological specifics of distance forms of professional activity. It is shown that it can be characterized from the standpoint of the study of a new subject-information class. The provisions on transformations in the subsystems of professionally important qualities (PIQ) of the different types of activity included in this class, as well as provisions on the specifics of distance forms of educational activity, including in the context of organizational learning and in the context of professiogenesis and the problem of learning in labor psychology, are formulated.

Keywords: professional activity; subject-information class; psychological theory of activity; psychology of the subject of activity; professionally important qualities (PIQ); organizational learning

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
(correspondence author) | Doctor Sc. (Psychology), Associate Professor

Volchenkova, Anastasia A. | E-mail: 24crocus95@gmail.com
| Cand. Sc. (Psychology)

Funding: Russian science foundation (project 21-18-00039).

Основные направления исследования психологической специфики дистанционных форм реализации профессиональной деятельности

А. А. Карпов¹, А. А. Волченкова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-120-129
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены материалы, раскрывающие психологическую специфику дистанционных форм осуществления профессиональной деятельности. Показано, что она может быть охарактеризована с позиций исследования нового субъектно-информационного класса. Сформулированы положения о трансформациях в подсистемах профессионально важных качеств (ПВК) видов и типов деятельностей, входящих в состав этого класса, а также положения о специфике дистанционных форм учебной деятельности, в том числе в условиях организационного обучения и в контексте профессиогенеза, профессиографирования и профессионального обучения.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; субъектно-информационный класс; психологическая теория деятельности; психология субъекта деятельности; профессионально важные качества (ПВК); организационное обучение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор психологических наук, доцент

Волченкова, Анастасия Александровна | E-mail: 24crocus95@gmail.com
| Кандидат психологических наук, старший преподаватель

Финансирование: Российский научный фонд (проект № 21-18-00039).

Как известно, дистанционные формы осуществления профессиональной деятельности прочно укоренились в современном «мире профессий» и к настоящему моменту обрели собственные оригинальные характеристики психологического плана, а также стали неотъемлемым и наиболее ярко представленным этапом общего филогенеза профессиональной деятельности. Главной причиной подобной ситуации является не только (и, вероятно, даже не столько) усиливающаяся интенсификация развития средств информационно-технологического плана, но и ощутимое влияние со стороны факторов, связанных с пандемией COVID-19, и повсеместного распространения дистанционного формата реализации широчайшего спектра профессиональных видов и типов деятельности.

Современная психология труда, организационная и индустриальная психология, а также значительное число смежных с ними дисциплин при «соприкосновении» с новой реальностью обнаружили явно недостаточный уровень развития теоретико-методологических представлений, которые могли бы способствовать решению главных задач в сложившихся обстоятельствах. Иными словами, имеющиеся традиционные положения этих отраслей вынуждены были подвергнуться определенной модификации в целях определения новых закономерностей, связанных с осуществлением деятельности в дистанционном формате.

В современной психологической науке есть необходимость поиска вполне конкретного подхода к анализу психологической специфики дистанционной работы. Причем важно подчеркнуть, что он должен, осуществляясь с позиций методологических основ психологии труда и одновременно с этим решать терминальные (прикладные) задачи психологии труда и организационной психологии.

Психология труда как комплексная дисциплина базируется на синтезе данных, полученных во многих психологических отраслях и направлениях. Однако решающую роль в ее формировании принадлежит двум общепсихологическим областям – *психологической теории деятельности* и *теории субъекта профессиональной деятельности* (или «психологии субъекта профессиональной деятельности»). Первая рассматривает проблемы психологического строения, механизмов и закономерностей деятельности как таковой; вторая связана прежде всего с изучением так называемых субъектных детерминант деятельности – тех факторов, которые лежат в основе эффективной реализации деятельности и сопряжены с особенностями ее субъекта. К ним относятся мотивация, направленность, степень подготовленности субъекта – его обученность (профессиональная компетентность). Вместе с тем главное место среди них занимают те индивидуальные, личностные качества субъекта, которые

необходимы и достаточны для нормативной реализации той или иной деятельности; именно таковые свойства, как известно, принято обозначать понятием *профессионально важных качеств (ПВК)*. Две указанные общепсихологические отрасли обнаруживают органичный синтез, когда выявлению и анализу подвергаются ПВК, – индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним (или несколькими) ее результативными параметрами: качеством, производительностью, надежностью [1]. Дело в том, что они, будучи во многом личностными конструктами, тем не менее вносят существенный вклад в структуру профессиональной деятельности, что, к примеру, отражено в содержании различных блоков одного из центральных концептов психологии труда – психологической системы деятельности (ПСД). Об их роли в деятельности, связанных с дистанционными формами, будет сказано также далее.

Возвращаясь к специфике дистанционных форм реализации профессиональных видов и типов деятельности, необходимо подчеркнуть следующее принципиально важное, на наш взгляд, обстоятельство. Усиление развития различных сфер: технологической, социальной, политической, экономической и др. – объективно способствует закономерным преобразованиям в процессе, который традиционно обозначается как «*филогенез деятельности*». Постепенно осуществляемая смена исследовательской ориентации с *субъект-объектных* на *субъект-субъектные* виды деятельности была во многом обусловлена возрастающей ролью вопросов психологического плана в изучении деятельности как таковой. И если в профессиях субъект-объектного класса, как известно, объектом выступает некая неодушевленная реальность, то в субъект-субъектных видах деятельности объектом выступает субъект – другой человек или группа людей с присущим обширным диапазоном личностных, психологических, индивидуально-типологических и иных особенностей. При этом обращение к субъект-субъектным видам деятельности в значительной степени обнаруживает и более общую тенденцию, которая была обозначена в наших предыдущих работах [2–3] как «психологизация» научных направлений. Следовательно, все это обогатило теорию деятельности, сделало ее «еще более психологической» по своей сути.

В то же время смену этих двух традиционно дифференцируемых классов деятельности, а также логику развития общих представлений относительно этой широкой по своему содержанию и потенциалу проблематики, полагаем, нельзя считать завершенной. Действительная сложность и многогранность эволюции форм трудовой деятельности высока на

столько, насколько быстро происходит прогресс в указанных выше сферах жизни общественной жизни, насколько увеличивается динамичность «мира профессий». Таким образом, открывается возможность продуктивного и углубленного исследования все новых типов и разновидностей профессиональной деятельности (а по всей видимости, и классов). Такой тип деятельности может быть назван *субъектно-информационным*. Его ключевой отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место фактически та же самая трансформация, которая привела ранее к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация. Как указывается в [4], «она сама по себе, то есть исходно не является ни объектом, ни субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой – и по отдельности, и одновременно. Сама она “безразлична” к тому, что сигнифицирует – к контенту. Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка; в деятельности этого класса их основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется. Причем, такое усложнение происходит в самом прямом смысле данного понятия, поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретая в ряде случаев черты именно качественно новой реальности – виртуальной». Иначе говоря, уже вполне привычной становится ситуация, согласно которой указанные изменения (зачастую радикального свойства) заметно опережают формулировку соответствующих теоретических представлений и разработки прикладного плана. Вследствие этого открывается возможность продуктивного и углубленного исследования все новых типов и разновидностей профессиональной деятельности, а по всей видимости, и классов, прежде всего субъектно-информационного.

Сказанное позволяет сделать вывод о ведущей роли профессий, предполагающих дистанционные формы работы, в составе этого класса. Данное обстоятельство не только способствует постановке вопросов теоретического плана, но и расширяет направления исследований профессий субъектно-информационного класса: организационной культуры, кадрового менеджмента, организационного развития и мн. др.

Одновременно с этим, конечно, нельзя не отметить и еще один, пока открытый, вопрос в исследовании видов и типов деятельности рассматриваемого нового субъектно-информационного класса. Дело в том, что «границы», а соответственно, и «сфера действия» субъектно-информацион-

ного класса (в том числе видов и типов профессиональной деятельности, предполагающих дистанционные формы реализации) фактически не являются строгими. Так, наряду с теми видами и типами деятельности, которые с уверенностью можно считать субъектно-информационными, выделяются и такие, которые, будучи принадлежащими к субъект-объектному или субъект-субъектному, постепенно трансформируются в субъектно-информационный класс, либо же обнаруживают «двойную принадлежность». Ярким примером этому может служить *управленческая деятельность (менеджмент)*, насыщенная в условиях современных изменений внешней среды и новых тенденций в различных сферах, целым рядом средств информационного плана. Так, в настоящее время в организациях различного типа становятся все более широко распространенными виртуальные рабочие места, на которых сотрудники удалены друг от друга и от своих руководителей. Сегодня многие специалисты, используя средства информационно-коммуникационного плана, могут выполнять работу, не покидая дома или находясь в отдаленных местах. В психологии менеджмента это явление было охарактеризовано как «*виртуальное руководство (лидерство)*» [2]. Основопологающие психологические механизмы вертикального коммуникативного взаимодействия по вектору «руководитель – подчиненный» остаются в этом случае неизученными и представляют собой новую отдельную тему для последующего анализа. Таким образом, вследствие трансформации традиционных субъект-объектных и субъект-субъектных видов профессиональной деятельности в субъектно-информационные, по-видимому, могут и должны подвергаться изменениям основные положения нормативного подхода к анализу деятельности этого класса. Вместе с тем, учитывая эти важные тенденции, а также все многообразие современного «мира профессий», следует констатировать еще одну весьма важную задачу в современной психологии труда, организационной и индустриальной психологии, заключающуюся в экспликации новых разновидностей психологического анализа деятельности (ПАД), во внесении изменений в существующие процедуры профессиографирования (и, возможно, разработке их новых вариантов), в том числе относящихся к построению психограмм – «психологического портрета» тех или иных профессий, включающего в себя анализ подсистем профессионально важных качеств (ПВК), о которых было сказано выше. При этом следует учитывать, что во многом именно состав и характеристика связей между отдельными ПВК в наиболее рельефном виде определяют главные особенности той или иной профессиональной деятельности и, собственно, по этой причине «через призму» ПВК необходимо, по-видимому, фиксировать отличия между деятельностями субъ-

ектно-информационного класса, с одной стороны, и субъект-объектного и субъект-субъектного – с другой.

Так, известно, что для многих видов профессиональной деятельности следует различать те индивидуальные качества, которые отвечают за ее собственно исполнительскую часть, и те, которые необходимы для восприятия – приема профессионально значимой информации. Вследствие этого необходимо отдельно описывать ПВК исполнения и информационные ПВК. Подобная классификация ПВК является, разумеется, не единственной, однако именно она может быть использована для решения вопроса о соотношении классов профессиональной деятельности. Современные тенденции развития информационных технологий в решающей степени определяют этап «филогенеза деятельности», состоящий в возникновении нового субъектно-информационного класса, а вместе с ним и новой парадигмы психологии профессиональной деятельности. Ввиду этого и проблема выделения состава отдельных ПВК и их подсистем приобретает не описанные ранее особенности. По причине того, что в субъектно-информационных видах деятельности главным предметом выступает уже не объект (как в субъект-объектных видах), но и не субъект (как в субъект-субъектных), а совершенно иная и, как отмечалось прежде, предельно специфическая сущность – информация, следуют вполне закономерные модификации состава ПВК таких видов деятельности, а также определенные перестройки структур ПВК. Возможно наличие некоторых закономерностей инверсионного плана относительно качественного и количественного состава ПВК в ставших уже традиционными на современном этапе развития «мира профессий» субъект-объектных и субъект-субъектных видах, с одной стороны, и субъектно-информационных – с другой. Последние не могут не обнаруживать такие отдельные ПВК и их подсистемы, которые не только не представлены в двух классических классах профессиональной деятельности, но и вообще неприемлемы для них, выступают в роли анти-ПВК и в конечном счете ингибируют процесс их осуществления. Наряду с этим, не исключено, что и количество ПВК в деятельности субъектно-информационного класса также будет иным, причем в сторону его снижения. Дело в том, что труд, связанный с использованием компьютерных средств, во многом уже сам по себе избавляет субъекта деятельности от необходимости раскрытия тех или иных важных индивидуальных свойств, поскольку они уже заведомо обеспечиваются ИТ-механизмами, имеют собственные эквиваленты информационного плана. Компьютерная техника фактически «избавляет» субъекта деятельности от необходимости формирования целого ряда умений, поскольку она в состоянии их реализовать, выражаясь буквально, «за него».

Следовательно, и состав ПВК субъекта трудовой деятельности становится иным, по всей видимости, гораздо меньшим, чем в субъект-объектных и субъект-субъектных видах, с опорой на малое число базовых качеств. Вместе с тем субъектно-информационные виды деятельности, по-видимому, оказываются в состоянии приносить определенный конструктивный вклад в организацию подсистемы ПВК. Речь идет, в частности, о рассмотренном нами в [3] феномене «редукции базовых качеств».

Все сказанное с необходимостью подводит к одному из наиболее актуальных в современной психологии и педагогике вопросов, связанному с использованием дистанционных форм в *учебной деятельности*. Причем вполне очевидным представляется тот факт, что эта проблема, будучи относительно новой, тем не менее обладает практически сложившимися теоретическими, прикладными, терминологическими и иными «границами», которые с каждым годом неуклонно расширяются, по мере того как само дистанционное обучение распространяет свою «сферу действия» главным образом в сторону актуального прикладного направления, связанного с *организационным обучением*.

В этой связи наиболее острыми представляются следующие вопросы. Во-первых, необходимо учитывать специфические особенности учебной деятельности на разных возрастных этапах и в соответствии с этим в тех или иных учебных заведениях и организациях различных типов. Во-вторых (и это продолжение первого тезиса), чрезвычайно актуальным представляется и вопрос об уровне профессиональной квалификации и степени сформированности компетенций у учащихся. Второе положение создает отсылку к психологии труда, организационной и индустриальной психологии, предполагает поиск закономерностей профессионального становления личности не в традиционном виде, а с учетом современных тенденций, связанных с дистанционным обучением будущих профессионалов. Вместе с тем представленный тезис важно обосновать по следующим причинам. Дело в том, что подготовка специалистов широкого спектра направлений в настоящее время, как указывалось выше, стала повсеместно включать в себя дистанционные или «смешанные» формы. Отсюда принципиально важным становится уяснение того, насколько эффективной окажется реализация профессиональной деятельности теми специалистами, которые были задействованы в подобном формате освоения учебного материала, в сравнении с обучавшимися на основе традиционных форм. Установление сравнительных характеристик в дальнейшем может способствовать раскрытию не описанных ранее механизмов *профессиогенеза*, свойственных исключительно таким видам и типам профессиональной деятельности, которые предполагают либо наличие дистанционного

формата в программах организационного обучения, либо дистанционный характер осуществления самих этих профессий, либо (и это становится все более актуальным по мере интенсификации внедрения цифровых технологий в организационные реалии) их сочетание.

Наряду с этим, можно предположить, что закономерным изменением в данном случае могут быть подвергнуты и психологические механизмы формирования индивидуальной и совместной деятельности, а также *проблема научения* в психологии труда. Речь в данном случае идет о параметрах нормативно-одобренного способа деятельности (НОСД), индивидуального способа деятельности (ИСПД) и индивидуального стиля деятельности (ИСД).

Однако для того чтобы дать по возможности исчерпывающий ответ на сформулированные вопросы, необходимо в первую очередь определить наиболее важные аспекты сравнительной характеристики традиционной и дистанционной форм обучения, причем главным образом в контексте мотивации учебной деятельности.

Выводы

1. Постепенно реализующееся внедрение дистанционных средств осуществления различных видов и типов профессиональной деятельности обуславливает необходимость формулировки новых направлений в психологической теории деятельности и психологии субъекта профессиональной деятельности.

2. Ведущая роль в исследованиях психологической специфики дистанционной работы и использования многообразия средств информационно-коммуникационного плана в профессиональной деятельности принадлежит изучению нового субъектно-информационного класса, главным предметом и атрибутом которого выступает информация. Развитие средств информационно-коммуникационного плана в трудовой деятельности обуславливает закономерный переход от исследования субъект-объектных и субъект-субъектных видов деятельности к разработкам в области этого класса.

3. Основные трансформации претерпевает количественный и качественный состав профессионально важных качеств (ПВК) в деятельности субъектно-информационного класса в сравнении с традиционными видами, типами и классами профессиональной деятельности. Субъектно-информационные виды деятельности обнаруживают снижение общего числа ПВК, а также смену базовых качеств в сравнении с субъект-объектными и субъект-субъектными видами деятельности – феномен «редукции базовых качеств».

4. Особое значение имеют разработки в области организационного обучения и параметров профессиогенеза в условиях реализации дистанционных форм учебной деятельности, ввиду того что ставший традиционным нормативный подход к анализу деятельности, основанный на экспликации нормативно-одобренного способа деятельности (НОСД), индивидуального способа деятельности (ИСПД) и индивидуального стиля деятельности (ИСД), претерпевает определенные трансформации в деятельности субъектно-информационного класса.

Ссылки

1. Психология труда: учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. М.: Владос, 2004. 349 с.
2. Карпов А. А. Современная организационная психологии. Ярославль: Филигрань, 2018. 256 с.
3. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности. Ярославль: Филигрань, 2021. 316 с.
4. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая) // Ярославский психологический вестник. 2021. № 3. С. 48–63.

Specificity of sales manager's professional activity in the conditions of digitalization

K. A. Selezneva¹, T. A. Zhalagina¹

¹Tver State University, 33 Zhelyabova Str., Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-130-137

Research article
Full text in Russian

Digitalization has introduced specific requirements for sales managers, their competencies and mechanisms of mental regulation of professional activity. Currently, organizations need sales managers who have not only basic knowledge of information processing, business communication, but also skills that meet the requirements of modern trends, in particular digital skills. The scientific significance of the problem of sales manager in a digital society is related to the field of knowledge about the mechanisms and factors of positive and negative impact on the professional development of new forms of work. Professional activity of sales managers in modern social conditions needs new forms of psychological accompaniment many customer, relationship management, some lifestyle changes due to digitalization.

Keywords: digitalization; sales managers; labor psychology; digital economy; professional activity; digital skills

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Selezneva, Ksenia A. | E-mail: ka.selezneva@mail.ru
Postgraduate

Zhalagina, Tatyana A. | E-mail: zhalagina54@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Psychology), Professor

Специфика профессиональной деятельности менеджера по продажам в условиях цифровизации

К. А. Селезнева¹, Т. А. Жалагина¹

¹Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-130-137
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Современные условия характеризуются динамичным развитием общества. Практически все сферы жизни человека охватываются цифровизацией: образование, административная деятельность, включая госслужбу, здравоохранение, торговля. Цифровизация привнесла специфические требования к менеджерам по продажам, их компетенциям и механизмам психической регуляции профессиональной активности. В настоящее время организациям необходимы менеджеры по продажам, имеющие не только базовые знания обработки информации, делового общения, но и навыки, отвечающие требованиям современных тенденций, в частности цифровые навыки. Научная значимость проблемы менеджера по продажам в цифровом обществе связана с областью знаний о механизмах и факторах позитивного и негативного влияния на профессиональное развитие новых форм труда, «человеко-компьютерных коммуникаций», на изменения образа жизни в связи с цифровизацией. В статье рассмотрено влияние цифровизации на профессиональную деятельность, а также требования, которые предъявляются к менеджерам по продажам в новых условиях.

Ключевые слова: цифровизация; менеджеры по продажам; психология труда; цифровая экономика; профессиональная деятельность; цифровые навыки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Селезнева, Ксения Александровна | E-mail: ka.selezneva@mail.ru
Аспирант, кафедра «Психология труда и клиническая психология», профиль подготовки «Психология труда, инженерная психология и эргономика»

Жалагина, Татьяна Анатольевна | E-mail: zhalagina54@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор психологических наук, профессор, Член Академии педагогических и социальных наук, член Международной Академии психологических наук, заведующая кафедрой «Психология труда и клиническая психология»

Развитие цифровой экономики, основанной на производстве, распространении и потреблении информации, вызывает крупные социально-экономические изменения, в том числе и в сфере трудовых отношений, при этом меняется тип профессиональной деятельности и характер труда менеджеров по продажам. В цифровой экономике накопление материальных благ перестает быть главной целью общества, на первый план выходят нематериальные ценности и интересы. Новый характер труда связан с повышением квалификации менеджеров по продажам, их постоянным обучением и профессиональной переподготовкой. Развитие рынка труда на основе цифровых технологий приводит к модернизации трудовых отношений. В трудовых отношениях между организацией и менеджером по продажам наблюдается активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и формирование новых норм трудового поведения.

Информационно-коммуникационные технологии представляют собой процессы, использующие совокупность средств и методов сбора, обработки, накопления и передачи данных для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса, явления, информационного продукта, а также распространение информации и способы осуществления таких процессов и методов [1].

В современном обществе происходят изменения как в профессиях, так и в роли субъектов труда. Опираясь на труды В. Д. Шадрикова [2], мы рассматриваем психологическую основу деятельности как совокупность психических свойств субъекта и их всесторонние связи, которые побуждают, программируют, регулируют и реализуют деятельность, а также организованы для выполнения конкретной деятельности. В связи с этим можно заключить, что цифровые технологии существенно изменяют информационную основу профессиональной деятельности менеджера по продажам.

Цифровизация оказывает влияние на включенность в трудовой процесс, образ жизни и межличностные коммуникации в организации. Это влечет за собой стресс дефицита времени для приема и переработки информации, что представляет собой высокий риск для сохранности психического и профессионального здоровья менеджера по продажам [3–5]. Опасности информационных перегрузок могут привести к стойким эффектам профессиональноличностных деформаций, новым стресс-синдромам, в том числе и к формам синдрома выгорания.

До настоящего момента отечественный рынок труда медленно менялся под влиянием цифровых технологий, однако последствия пандемии 2019 года значительно ускорили процесс цифровизации, а вместе с этим

поставили новые задачи, с которыми прежде не сталкивались организации [6].

Развитие трудовых отношений в цифровой экономике приводит к замене постоянного штата временными исполнителями. По данным аналитического доклада «Всероссийского центра изучения общественного мнения» (ВЦИОМ) [7], заметным трендом последних трех лет стал очень быстрый рост числа внештатных сотрудников, в том числе и менеджеров по продажам. Как следствие, новый формат трудовых отношений способствует в первую очередь сокращению издержек на аренду офисных помещений и транспортные расходы. Одним из распространенных видов трудовых отношений становится гибкая организация труда, которая выражается в удобном формате работы (дистанционно, комбинированно).

Дистанционный формат работы представляет собой выполнение трудовой деятельности вне места нахождения работодателя [8]. Работодатель и сотрудник осуществляют коммуникацию через Интернет и сети общего пользования. Комбинированный формат работы – выполнение трудовой функции сотрудником – осуществляется несколько дней из дома и несколько из места нахождения работодателя [8].

Кроме этого, увеличивается производительность труда менеджеров по продажам за счет устранения помех для работы, которые существуют в офисе. Рост доверия между организацией и субъектом труда способствует повышению мотивации и, как следствие, улучшению обслуживанию клиентов.

В цифровой экономике изменяется не только характер профессиональной деятельности, но и вся система трудовых отношений, требуются совершенно новые цифровые навыки и компетенции. Под «цифровыми навыками» понимается совокупность навыков использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для поиска и управления информацией, взаимодействия и сотрудничества, а также для решения проблем в контексте эффективной и креативной самореализации, обучения, работы и социальной активности в целом [9].

Согласно классификации, представленной исследователем Э. Асли-турк [10], цифровые навыки представлены следующими видами:

1. основополагающие навыки, включающие базовую грамотность, использование документов, без которых могут быть успешно выполнены только низкоквалифицированные работы. Прежде чем приступить к работе с цифровыми технологиями, необходимо владеть набором этих навыков;

2. Трансверсальные навыки, под которыми понимается широкий спектр навыков, включающих критическое мышление, изобретательность и межличностные навыки;

3. Цифровые технические навыки, касающиеся использования компьютера и программного обеспечения с применением мер сетевой безопасности. Данные навыки имеют решающее значение для эффективной профессиональной деятельности менеджера по продажам, в процессе которой используются цифровые технологии;

4. Когнитивные навыки цифровой обработки информации – это навыки высокого уровня в отношении обработки информации: поиск, синтез, оценка, применение, создание и передача информации. Кроме того, сюда можно отнести способности, которые необходимы для получения специальных квалификаций и профессий в сфере ИКТ [10].

В связи с этим для эффективного использования цифровых технологий и расширения масштабов организации на национальном и международном уровнях необходимы менеджеры по продажам с оптимальным сочетанием технических, деловых, межличностных и творческих навыков. Раскроем понятие каждого из навыков ниже [9]:

1) Технические навыки – представляют собой качества, которые приобретаются в процессе выполнения физических или цифровых задач;

2) Деловые навыки – это способности субъекта быстро и качественно осуществлять профессиональную деятельность;

3) Межличностные навыки – являются совокупностью поведения и тактики, которые субъект использует для эффективного взаимодействия;

4) Творческие навыки – характеризуются индивидуальными особенностями субъекта труда, которые определяют успешность выполнения им творческой деятельности [9].

В нынешних условиях базовых навыков, таких как письменная и устная грамотность, умение считать, недостаточно, необходимо обладать также деловыми и межличностными качествами. Поэтому решающее значение для менеджера по продажам имеют современные технические навыки, которые дополняются навыками лидерского уровня, специально адаптированными для управления цифровыми технологиями.

Навыки лидерского уровня – совокупность психологических качеств субъекта труда, способностей и особенностей взаимодействия с группой, обеспечивающих успешность выполнения лидерских функций [11].

Для организаций в последнее время становятся приоритетными «гибкие навыки» потенциальных менеджеров по продажам.

Гибкие навыки – комплекс умений общего характера, тесно связанных с личностными качествами. В настоящее время выделяются четыре основных гибких навыка будущего (4К навыки): креативность, коммуникативность, кооперативность, критичность [12]. Рассмотрим подробнее указанные навыки.

Креативность представляет собой способности субъекта представить и разработать принципиально новые подходы к решению проблем или выразить идеи, применяя, синтезируя и видоизменяя знания. Коммуникативность дает возможность субъекту труда выражать и интерпретировать мысли, чувства и факты в устной и письменной форме, а также эффективно коммуницировать в различных социальных и культурных контекстах [12]. Кооперативность определяет эффективное взаимодействие с другими людьми, а также эффективную работу в различных командах [12].

Критичность (критическое мышление) – это последовательность мыслительных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям [13].

Эффективность профессиональной деятельности современного менеджера по продажам в значительной степени определяется корректностью сбора и анализа информации и качеством принимаемых на ее основе решений. В таких условиях получает распространение информационный менеджмент, сферой охвата которого выступает совокупность задач на всех этапах жизненного цикла организации, включая операции и действия, сопряженные с данными [14]. При внедрении информационного менеджмента должны решаться задачи определения ценности и результативности применения не только непосредственно информации, но и прочих ресурсов организации, в той или иной степени входящих во взаимодействие с данными, – финансовых, технологических, кадровых и прочих ресурсов.

Условия цифровизации стимулируют организации к использованию систем управления взаимоотношениями с клиентами.

Система управления взаимоотношениями с клиентами (CRM-система (от англ. Customer Relationship Management)) – прикладное программное обеспечение для автоматизации деятельности менеджеров по продажам [15]. Данная система относится ко всем стратегиям, методам, инструментам и технологиям, которые использует бизнес для развития, удержания и привлечения клиентов [16].

Первую систему управления взаимоотношениями с клиентами разработал Пэт Салливан в 1987 году, которая позиционировалась как уникаль-

ное приложение для управления контактами [17]. Система управления взаимоотношениями с клиентами позволяет повысить эффективность и качество работы менеджеров по продажам путем поддержания актуальной клиентской базы, систематизации статистического учета, автоматизации процессов управления финансами и продажами, а также адаптации маркетинговых инструментов к условиям цифровизации.

Таким образом, цифровизация выдвигает новые требования к профессиональной деятельности и, как следствие, необходимость разработки, освоения цифровых технологий и адаптации к ним. События последних лет добавили стресс неопределенности и требования к ускорению темпов основания цифровых технологий. Особое внимание начинает уделяться гибким навыкам как критически важному фактору трудоустройства в условиях современного рынка труда. В связи с этим эффективность профессиональной деятельности менеджера по продажам во многом зависит от степени развитости гибких навыков. Поэтому является важным определить требования к менеджеру по продажам и его компетентностям для формирования системы психологического обеспечения успешной профессиональной деятельности.

Ссылки

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
2. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 464 с.
3. Бодров В. А. Информационный стресс: учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
4. Водопьянова Н. Е., Гофман О. О., Жидких Т. М., Минеев В. С. Управление человеческими ресурсами в эпоху цифровизации: новые вызовы // Человек труда в цифровой экономике. Новые реалии и социальные вызовы / под ред. В. Н. Мининой, Р. В. Карапетян, О. В. Вередюк. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 284 с.
5. Филиппова Ю. В., Канжин А. В. Современные исследования по психологии общения // Психология и современный мир: Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2015. С. 50–52.
6. Эксперты назвали технологические тренды 2022 года // РБК: сетевое издание. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/nn/freenews/61f3c81a9a79476e3ae6a8c0> (дата обращения: 23.10.2022).
7. Фриланс в России – больше, чем фриланс? // ВЦИОМ НОВОСТИ: сетевое издание. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/frilans-v-rossii-bolshe-chem-frilans>. (дата обращения: 25.10.2022).

8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022). М., Проспект, 2023. 320с.
9. Головенчик Г. Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике // Цифровая трансформация. 2018. № 4 (5). С. 27–43.
10. Аслитурк Э., Камерон А., Фейсал С. Навыки в цифровой экономике // Совет по информационным и коммуникационным технологиям. Оттава, Канада. URL: <https://www.ictc-ctic.ca/wp-content/uploads/2016/05/Skills-in-the-Digital-Economy-Where-Canada-Stands-and-the-Way-Forward-.pdf>. (дата обращения: 26.10.2022).
11. Кодин В. Н. Лидерские качества и билль о правах личности // Элитариум: Центр дистанционного образования. URL: http://www.elitarium.ru/2011/12/09/liderskie_kachestva_lichnost.html. (дата обращения: 15.11.2022).
12. «Формирование компетенций «4К» (критическое мышление, креативность, коммуникация, коллаборация) обучающихся профессиональных образовательных организаций»: методические рекомендации / Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования». СПб., 2021. 34 с.
13. Брюшинкин В. Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 29–35
14. Босова Е. В. Информатизация и менеджмент // Трансформация менеджмента в условиях цифровой экономики: сборник докладов Международной научно-практической конференции / науч. ред. Н. В. Тараканова. М., 2020. С. 36–47.
15. Голубева М. А. Развитие концепции маркетинга взаимоотношений в условиях цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1. С. 118–123.
16. Кольшикина Т. Б. Адресант и адресат в рекламной коммуникации // Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации: сборник научных трудов. Ярославль, 2009. С. 193–199.
17. История развития CRM // TAdviser: официальный сайт. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:История_развития_CRM?ysclid=lf5bgf7z3f996060547. 2012. (дата обращения: 30.10.2022).

Partiality of emotional intelligence of medical workers depending on work experience

A. M. Pervitskaya¹

¹Kurgan State University, 63 Sovetskaya str., Kurgan, 640020, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-138-147

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of the emotional intelligence of nursing staff. Emotional intelligence is considered as a professionally important quality of nurses. The connection between the development of emotional intelligence and the success of the activities of nursing staff is proved. Using the Student's t-test (for independent samples), significant differences were established for most criteria between medical workers with different work experience.

Keywords: emotional intelligence; nursing staff; work experience

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pervitskaya, Alyona M. | E-mail: alenska3@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Парциальность эмоционального интеллекта медицинских работников в зависимости от стажа работы

А. М. Первитская¹

¹Курганский государственный университет, ул. Советская, 63 стр.4, Курган, 640020,
Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-138-147
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования эмоционального интеллекта среднего медицинского персонала. Эмоциональный интеллект рассматривается как профессионально-важное качество медсестер. Доказана связь развития эмоционального интеллекта и успешности деятельности среднего медицинского персонала. При помощи t-критерия Стьюдента (для независимых выборок) установлены значимые различия по большинству критериев между медицинскими работниками с разным стажем работы.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; средний медицинский персонал; стаж работы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Первитская, Алёна Михайловна | E-mail: alenska3@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования

Способность к пониманию эмоциональных состояний других людей, умение сопереживать, понимать эмоциональные состояния как больных, так и здоровых людей являются важными показателями профессионализма медицинского работника. Эмоциональный интеллект является одним из регуляторов взаимоотношений, в том числе между врачами и пациентами, способствует восприятию и пониманию людьми эмоциональных состояний и переживаний друг друга.

© Первитская А. М., 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Самая ранняя работа, предвосхитившая открытие эмоционального интеллекта, – исследования Р. Торндайка, согласно которому общая основа интеллектуальных действий растворялась во взаимодействии множества отдельных факторов. Р. Торндайк впервые выделил такую часть общего интеллекта, как социальный интеллект – способность понимать других и действовать или вести себя мудро по отношению к окружающим.

В науке понятие эмоционального интеллекта утвердилось, когда Дж. Мейеру и П. Сэловей объединили интеллект и эмоции в единый концепт. Согласно их определению эмоциональный интеллект – способность адекватно воспринимать, оценивать и выражать эмоции; способность использовать и генерировать эмоции, если они оказывают поддержку мыслям; способность понимать эмоции и эмоциональные знания; способность регулировать эмоции с целью содействия эмоциональному и интеллектуальному развитию [1].

Л. С. Выготский указывал на единство аффекта и интеллекта, отмечая, что один из коренных пороков традиционной психологии это и есть отрыв интеллектуальной стороны нашего сознания от аффективной [2]. Впоследствии С. Л. Рубинштейн писал, что мышление является единством эмоционального и рационального, а эмоция – единство эмоционального и интеллектуального. В познавательных процессах соединяется интеллектуальное и эмоциональное, любая эмоция – это единство переживания и познания [3]. А. Н. Леонтьев показал, что мышление имеет эмоциональную регуляцию. Эмоции могут выступать результатом когнитивной обработки информации, такой как оценка ситуации, объяснение своего состояния, сопоставление средств достижения цели [4].

Таким образом, эмоциональный интеллект представляет собой совокупность способностей понимать отношения личности, репрезентируемых в эмоциях, регулировать эмоциональное состояние и проявлять адекватные способы эмоционального реагирования на основе интеллектуального анализа и синтеза. Эмоциональный интеллект связывает воедино эмоции и интеллект, т. е. способности понимать свои эмоции и эмоции окружающих, способность управлять ими.

Развитие эмоционального интеллекта как механизма осознанной регуляции и управления собственными эмоциями и эмоциями других людей может позитивно влиять на межличностное взаимодействие, снижать риск возникновения профессиональных деструкций, что является важным для профессий, связанных с общением [5].

Среди представителей профессий сферы «человек – человек» наиболее уязвимы к профессиональному стрессу специалисты помогающих профессий (врачи, педагоги, социальные работники, психологи), деятель-

ность которых связана с длительным и эмоционально насыщенным взаимодействием с людьми. Необходимость быть постоянно вовлеченным во внутренний мир другого человека, сопричастным его негативным переживаниям является угрозой собственной эмоциональной устойчивости помогающего специалиста [6].

Профессиональная деятельность медицинских работников осуществляется в условиях, наполненных неблагоприятными производственными факторами различной природы, нервно-эмоционального перенапряжения, высокой ответственности. К числу психологических стрессовых факторов относятся: большое количество контактов с больными людьми и их родственниками; постоянное соприкосновение с чужими проблемами и чужой болью, с негативными эмоциями; повышенные требования к профессиональной компетентности врача и к служению другим, самоотдаче; ответственность за жизнь и здоровье других людей; производственная среда с новыми факторами социального риска, такими как преступность, наркомания, бездомность и др. [7]. Особая роль отводится взаимоотношениям, возникающим между врачом и пациентом, поскольку, как пишет В. Н. Мясищев, эти отношения, сам их характер являются специфическим психотерапевтическим фактором, влияющим на результат лечения [8]. Развитый эмоциональный интеллект ассоциируется не только с успехами в карьере, но и со стрессоустойчивостью. Существует взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и синдромом эмоционального выгорания врачей: уровень эмоционального интеллекта положительно коррелирует с верой в эффективность собственных действий и отрицательно – с редукцией личностных достижений, т. е. преуменьшением собственных профессиональных достижений и успехов.

Таким образом, эмоциональный интеллект играет важную роль в деятельности медицинских работников и профилактике профессионального стресса. В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположения: стаж профессиональной деятельности оказывает влияние на развитие парциального эмоционального интеллекта; с увеличением стажа профессиональной деятельности у медицинских работников повышается уровень внутриличностного эмоционального интеллекта и снижается уровень межличностного эмоционального интеллекта; с увеличением стажа профессиональной деятельности у медицинских работников формируются межличностный и внутриличностный аспекты эмоционального интеллекта.

В данной работе использованы методики: Методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холла (опросник EQ); Опросник ЭМИн Д. В. Люси-на; Методика диагностики эмоционального интеллекта М. А. Манойловой

(МЭИ). Данный психодиагностический комплекс позволяет исследовать особенности эмоционального интеллекта у медицинских работников. Качественный и количественный анализ полученных результатов проводился с применением методов математической статистики (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

База исследования: ГБУЗ ТО «Областная клиническая больница № 2», первое хирургическое отделение. В исследовании задействовано 64 человека (средний медицинский персонал). Выборка разделена на две группы в зависимости от стажа профессиональной деятельности: от 5 до 10 лет (27 человек); от 11 до 16 лет (37 человек).

Результаты и их обсуждение

Методика Н. Холла использована для выявления уровня выраженности способности понимать отношения, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Особенности парциального эмоционального интеллекта у медицинских работников в зависимости от стажа профессиональной деятельности

Параметры	Стаж профессиональной деятельности ($M \pm m$)		t эмп.	$p \leq$
	5 - 10 лет	11 - 16 лет		
Эмоциональная осведомленность	13±0.2	14±0.1	0.0	-
Управление своими эмоциями	8±0.13	12±0.11	-3.9	0.01
Самомотивация	8±0.5	11±0.43	-3.3	0.01
Эмпатия	14±0.12	13±0.61	3.5	0.01
Распознавание эмоций других людей	9±0.24	14±0.33	-3.4	0.01
Интегративный уровень	53±0.56	64±0.67	-3.3	0.01

В целом интегративный уровень развития парциального эмоционального интеллекта выше в группе медицинских работников с большим стажем и соответствует среднему уровню. Характеризуется такими особенностями, как произвольное осуществление профессиональной деятельности на основе определенных волевых усилий; достаточно высокий

уровень самоконтроля, определенная стратегия эмоционального реагирования; ощущение психологического благополучия, позитивного отношения к себе.

Эмоциональная осведомленность как осознание и понимание своих эмоций не имеет достоверных различий в стажевых группах. У медицинских работников достаточно отчетливо выражена убежденность в том, что нужно и важно отслеживать изменения своих чувств, поскольку это позволяет лучше управлять своей жизнью; признание необходимости и важности принятия и понимания отрицательных эмоций, которые помогают понять, что необходимо изменить в своей жизни.

Управление своими эмоциями как эмоциональная отходчивость, эмоциональная неригидность более выражены в группе медицинских работников с большим стажем. Так, характерны большее спокойствие при давлении со стороны, более гибкая переключаемость от переживания различного рода неприятностей ($p \leq 0,01$). Самомотивация как произвольное управление своими эмоциями также выше в группе медицинских работников с большим стажем ($p \leq 0,01$). Выражена способность к сохранению спокойствия и сосредоточенности в самых различных ситуациях профессиональной деятельности. Понимание эмоций коллег и пациентов, умение сопереживать текущему эмоциональному состоянию окружающих, готовность оказать поддержку выше в группе медицинских работников с меньшим стажем ($p \leq 0,01$). Высокий уровень эмпатии часто способствует повышенной уязвимости и профессиональному стрессу, поскольку молодые специалисты проявляют большую эмпатию к пациентам, чем старшие коллеги. При повышении стажа медицинских работников уровень эмпатии понижается по причине психологической защиты от эмоционального выгорания. Распознавание эмоций других людей, умение воздействовать на эмоциональное состояние других людей выше в группе медицинских работников с большим стажем ($p \leq 0,01$). Способность к пониманию эмоциональных состояний пациентов, умение сопереживать и понимать эмоциональные состояния в целом являются важными показателями профессионализма медицинских сестер.

Таким образом, стаж профессиональной деятельности оказывает влияние на развитие парциального эмоционального интеллекта.

Опросник Д. В. Люсина использован для диагностики межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект
у медицинских работников в зависимости от стажа профессиональной деятельности**

Параметры	Стаж профессиональной деятельности ($M \pm m$)		t эмп.	$p \leq$
	5-10 лет	11-16 лет		
Понимание чужих эмоций	24±0.12	23±0.23	1.4	-
Управление чужими эмоциями	17±0.14	19±0.11	-2.4	0.05
Понимание своих эмоций	21±0.43	20±0.22	2.2	-
Управление своими эмоциями	12±0.2	14±0.12	-4.4	0.01
Контроль экспрессии	9±0.52	10±0.71	-2.1	-
Межличностный эмоциональный интеллект	44±0.22	42±0.13	4.4	0.01
Внутриличностный эмоциональный интеллект	40±0.56	41±0.21	-2.8	0.05
Понимание эмоций	39±0.45	42±0.15	-6.7	0.01
Управление эмоциями	40±0.11	41±0.32	-2.8	0.05
Общий уровень эмоционального интеллекта	83±0.1	86±0.4	-8.1	0.01

Все медицинские сестры понимают эмоциональные состояния пациентов, их родственников и близких, а также коллег на основе внешних проявлений эмоций (понимание чужих эмоций), чутко воспринимают внутренние их состояния. Медицинские работники со стажем от 11 до 16 лет обладают более выраженной способностью снижать интенсивность нежелательных эмоций, склонны к манипулированию окружающими в процессе осуществления профессиональной деятельности ($p \leq 0,05$). Способность к осознанию своих эмоций, их распознавание и идентификация, понимание причин, способность к вербальному описанию статистически значимых различий в группах не имеет. Однако способность и потребность управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные значимо выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,01$). Межличностный

эмоциональный интеллект, то есть способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, выше у медицинских работников со стажем от 5 до 10 лет (различия статистически значимы при $p \leq 0,01$). Между тем внутриличностный эмоциональный интеллект, то есть способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,05$). Способность к пониманию своих и чужих эмоций значимо выше у стажистов ($p \leq 0,01$), как и способность к управлению своими и чужими эмоциями ($p \leq 0,05$).

Таким образом, с увеличением стажа профессиональной деятельности у медицинских работников повышается уровень внутриличностного эмоционального интеллекта и снижается уровень межличностного эмоционального интеллекта. Общий уровень эмоционального интеллекта медицинских работников соответствует средним значениям, но выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет. С увеличением стажа работы у медицинских сестер происходит изменение отношения к профессии, пациентам, коллегам, снижается уровень эмпатии, появляются негативные установки.

Методика диагностики эмоционального интеллекта (МЭИ) М. А. Маноиловой использована для диагностики межличностного и внутриличностного аспектов эмоционального интеллекта. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Межличностный и внутриличностный аспекты эмоционального интеллекта у медицинских работников в зависимости от стажа профессиональной деятельности

Параметры	Стаж профессиональной деятельности (M±m)		t эмп.	p≤
	5 - 10 лет	11 - 16 лет		
Внутриличностный аспект				
Осознание своих чувств и эмоций	7±0.12	9±0.01	-4.2	0.01
Управление своими чувствами и эмоциями	6±0.43	8±0.08	-2.6	0.05
Межличностный аспект				
Осознание чувств и эмоций других людей	9±0.32	11±0.22	-3.5	0.01
Управление чувствами и эмоциями других людей	10±0.11	11±0.21	-2.8	0.05
Интегральный показатель	32±0.17	39±0.41	-4.1	0.01

Гибкость эмоциональной сферы помогает быстро отзываться на окружающие события, находить верное решение в проблемной ситуации. Осознание и понимание собственных чувств и эмоций, то есть развитость внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта, достоверно выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,01$). Показатель управления своими чувствами и эмоциями достоверно выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,01$). Это означает, что у данной группы профессионалов сформированы способность управлять своими эмоциями и чувствами; умение принимать и контролировать чувства и эмоции, самоконтроль; понимание собственного психоэмоционального состояния; умение управлять собой, наблюдательность, которая проявляется в умении подмечать малозаметные, но существенные эмоциональные особенности пациентов и коллег. Более высокий уровень толерантности у этой профессиональной группы предполагает осознание необходимости позитивного отношения к себе, осознание толерантной и интолерантной составляющих «Я».

Осознание чувств и эмоций других людей также достоверно выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,05$). Для них характерны способность распознавать эмоции пациентов, понимать их чувства; способность осознать позицию другого человека. Достаточно хорошо развит механизм идентификации, для которой необходима сильная эмоциональная связь и ориентация на другого человека. Сопереживание выражается в гуманном отношении к пациентам. Симпатия проявляется в приветливости, готовности к оказанию помощи. Управление чувствами и эмоциями других людей достоверно выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет ($p \leq 0,05$) (то же самое – непонятно). Характерны непредвзятость и беспристрастное отношение к пациентам. Достаточный уровень психологической гибкости в выстраивании отношений, в выборе стиля взаимодействия в зависимости от требований ситуации, способность предвидеть развитие событий, результаты деятельности помогают специалистам со стажем от 11 до 16 лет эффективно выполнять профессиональную деятельность.

Таким образом, межличностный и внутриличностный аспекты эмоционального интеллекта более развиты в группе медиков со стажем 11-16 лет.

Выводы. Интегративный уровень развития парциального эмоционального интеллекта выше в группе медицинских работников с большим стажем и соответствует среднему уровню. Медицинские работники со стажем от 11 до 16 лет обладают более выраженной способностью снижать интенсивность нежелательных эмоций, склонны к манипулированию

окружающими в процессе осуществления профессиональной деятельности. Способность и потребность управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные; способность контролировать внешние проявления своих эмоций также значимо выше в этой группе. Межличностный эмоциональный интеллект, то есть способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, выше у медицинских работников со стажем от 5 до 10. Между тем внутриличностный эмоциональный интеллект, то есть способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет. Способность к пониманию своих и чужих эмоций значимо выше у стажистов, как и способность к управлению своими и чужими эмоциями. В целом общий уровень эмоционального интеллекта медицинских работников соответствует средним значениям, но выше у медицинских работников со стажем от 11 до 16 лет. Межличностный и внутриличностный аспекты эмоционального интеллекта более развиты в группе медиков со стажем 11–16 лет.

Ссылки

1. Сергиенко Е. А. Адаптация теста Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2010. Т. 31, №1. С. 55–73.
2. Выготский Л. С. Психология. Санкт-Петербург: Речь, 2010. 110 с.
3. Вилюнас В. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 288 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва: Педагогика, 1989. 720 с.
5. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 464 с.
6. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. Москва: Смысл, 2000. 18 с.
7. Дружилов С. А. Экология человека и профессиональное здоровье трудящихся: психологический подход // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 12. С. 15 – 18.
8. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Москва: Книга по требованию, 2013. 426 с.

The relationship between the level of subjective control and ego-states in subjects of the educational process

V. B. Tokareva¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-148-152

Research article
Full text in Russian

The article defines the concept of «the level of subjective control among students,» and also provides arguments in support of the study of emotions in subjects of the educational process. The established relationships between the level of subjective control and ego states in full-time and part-time students indicate different types of motivation and goals that students set themselves.

Keywords: the locus of control; ego-states; students; behavior in the educational process

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tokareva, Valentina B. | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Cand. Sc. (Pedagogics)

Взаимосвязь уровня субъективного контроля и эго-состояний у субъектов образовательного процесса

В. Б. Токарева¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-1-148-152
УДК 77.03.09

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дано определение понятию «уровень субъективного контроля у обучающихся», а также приведены доводы в поддержку исследования эмоций у субъектов образовательного процесса. Установленные взаимосвязи между уровнем субъективного контроля и эго-состояниями у студентов очной и заочной форм обучения указывает на разные виды мотивации и цели, которые ставят перед собой обучающиеся.

Ключевые слова: локус контроля; эго-состояния; обучающиеся; поведение в образовательном процессе

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токарева, Валентина Борисовна | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Кандидат педагогических наук, старший преподаватель

Тема саморегуляции активности поведения и деятельности человека остается актуальной в любых условиях, но особенно значимой она становится тогда, когда внешняя среда наполнена стрессорами. Важность научной разработки данной темы для психологов образования обусловлена рядом обстоятельств, к которым в первую очередь относится возрастающие требования к образованию и профессиональной практике, предъявляемые человеку как субъекту деятельности в эпоху научно-технического прогресса. Изучение психологических основ саморегуляции поведения и деятельности человека позволяет раскрыть конкретные формы, механизмы и условия деятельности людей, обладающих разными свойствами темперамента, а также определенными эмоциональными состояниями [1].

От эмоционального состояния субъекта деятельности зависит эффективность результата, а в случае учебной деятельности эмоции обучающегося могут оказаться решающим фактором в достижении им результата. От пессимистически настроенных студентов трудно ожидать ярких, све-

жих, оригинальных мыслей и решений. В наиболее плодотворно работающих учебных группах, как правило, преобладает оптимистическая и доброжелательная атмосфера. Неспособность или нежелание понять эмоциональное состояние друг друга приводит к психологической несовместимости людей и нередко является главной причиной распада взаимоотношений, а следовательно, снижения эффективной образовательной деятельности.

В нашем исследовании мы рассматриваем взаимосвязь эмоционального состояния и уровня субъективного контроля у обучающихся, для того чтобы ответить на вопрос, является ли настроение предиктором локуса контроля.

Уровень субъективного контроля (локус контроля) мы определяем как степень понимания обучающимся причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого, как важнейший субъективный фактор поведения в ситуации, требующей осуществления выбора, а также как внутреннюю переменную, которая в итоге является неотъемлемой частью деятельности субъекта [1].

В процессе образовательной деятельности принятие той или иной формы контроля приводит к тому, что при внутреннем контроле получение положительного подкрепления усиливает, а отрицательного – ослабляет возможность повторения предпринятого действия в такой же или сходной ситуации. При внешнем контроле поведение сохраняет относительное постоянство [1].

Эмоции же – это объективно существующее явление, представленное чрезвычайно широким диапазоном разнообразных форм и оттенков. В определенных эго-позициях доминируют различные эмоциональные состояния: тревога или разочарование, радость или печаль, гнев или страх и так далее. По сути, любая деятельность индивида содержит определенные эмоции, которые имеют разную сущность, глубину и своеобразие. Ситуативно доминирующие эмоции (настроение) являются компонентом того или иного эго-состояния.

Целью нашей работы было выявить взаимосвязи между эго-состояниями и локусом контроля у обучающихся очного и заочного отделений.

Диагностический аппарат исследования составила методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинды [2], а также тест на диагностику ведущей ролевой позиции Э. Берна [3]. В исследовании приняли участие сорок человек – студенты Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского очного и заочного обучения в возрасте от девятнадцати до сорока пяти лет.

Исходя из полученных данных, было выявлено несколько взаимосвязей между показателями экстернального / интернального локуса контроля и эго-состояний по Э. Берну.

Установлена обратная взаимосвязь между показателями интернальности в области производственных отношений и эго-состоянием «Я-Ребенок»

у обучающихся очного отделения. Данная взаимосвязь позволяет нам говорить, что погружение в состояние «Я-Ребенок» может стать источником сложностей для взрослеющего человека, так как в данном состоянии субъект будет искать тех людей, кто виновен в его неудачах. Чем ниже ответственность обучающегося во время учебной деятельности, тем ярче будет проявляться данное эго-состояние.

Наличие данной взаимосвязи позволяет нам говорить, что в образовательном процессе обучающихся очной формы присутствуют яркие эмоции и разнообразные желания, доминируют потребности, что снижает степень осознанности. С одной стороны, обучающийся может быть послушным, воспитанным, иногда раздражительным, с другой стороны, творческим и спонтанным.

Наличие обратной взаимосвязи между показателями интернальности в области межличностных отношений и эго-состоянием «Я-Ребенок» у обучающихся очного отделения также свидетельствует о том, что при отсутствии обиды, импульсивности, настаивания на своем принятии ответственности при построении межличностных отношений имеет высокое значение.

При исследовании взаимосвязей эго-состояний и локуса контроля обучающихся заочного отделения было выявлено несколько корреляций: эго-состояние «Я-Взрослый» и общая интернальность, интернальность в сфере достижения успеха и в сфере семейных отношений.

Установленная прямая взаимосвязь между эго-состоянием «Я-Взрослый» и общей интернальностью у обучающихся заочного отделения говорит о том, что принятие решений они связывают с рациональностью, переработкой информации и на основе этого строят дальнейшие действия относительно разных сфер жизни. Поступая на заочное отделение, обучающемуся необходимо спланировать свое время, так как в большинстве случаев заочное обучение выбирают люди, которые уже имеют определённый опыт работы и знания по другим специальностям. Информация, которую они хотят услышать от преподавательского состава, связана с практически навыками, которые они могут применить на рабочем месте «уже завтра».

При переживании эго-состояния «Я-Взрослый» субъект образовательной деятельности проявляет осознанную адаптивность, которая позволяет принимать взвешенные решения и гибко реагировать на происходящую ситуацию вокруг. Исходя из этого, мы можем говорить, что осознанность в процессе обучения субъектов на заочном отделении имеет особенное значение, так как позволяет обдумывать происходящее в жизни и делать то, что нужно для реализации своих планов. Данный вывод также подтверждается наличием прямой взаимосвязи эго-состояния «Я-взрослый» и интернальности в области достижения у обучающихся на заочном отделении.

Анализируя полученные взаимосвязи, мы можем говорить, что в процессе получения профессиональных знаний необходимо прибегать к про-

цессу осознания обучающемуся не только учебной задачи, но и в первую очередь себя, своего места в образовательном учреждении.

Обучение для заочного отделения является некоторым фактором для развития личности, а для обучающихся очной формы – движущей силой становления самосознания в целом. Эмоции, с которыми приходит субъект очной формы обучения на занятия, имеют переживания и сужения детского возраста, а поведение является реакцией на непосредственные стимулы, оно неконтролируемо, решения принимаются спонтанно и импульсивно.

Эмоции тесно связаны с мотивацией (влечением, побуждением), или, как говорил И. П. Павлов, с «рефлексом цели». По мнению И. П. Павлова, рефлекс цели имеет жизненное значение, так как вся жизнь сводится к тому, чтобы ее улучшить, а для этого необходимо осознавать ее и стремиться к той или другой поставленной цели в жизни. Исходя из этого необходимо понимать, какие цели преследует обучающийся, от этого может зависеть качество и эффективность образовательного процесса [4].

На сегодняшний день психические процессы и поведение осуществляет имеющий определенные эмоции, потребности и цели индивид, который ориентируется на место, среду проживания, пребывание в локальной социальной группе. Вследствие игнорирования такого действующего компонента в обучении образовательный процесс теряет свой смысл и значение. В соответствии с этим мы понимаем, что без учета личностного фактора невозможно понять природу психической активности человека.

Осознание, несомненно, важный момент рефлексии, поэтому применение различных педагогических технологий в образовательной деятельности с целью управления состоянием обучающегося – необходимая предпосылка изменения позиции субъекта образовательного процесса.

Исследование личности субъекта образовательного процесса, его отношение, своеобразие его позиций, целей, мотивов, присущих разным возрастным группам, может способствовать иному подходу к образовательному процессу и возможному выстраиванию определенных индивидуальных маршрутов для развития личности будущего специалиста.

Ссылки

1. Фадеев В. В. Факторы, влияющие на формирование и участие прогноза в процессе регуляции деятельности // Психология и психофизиология индивидуальных различий в активности и саморегуляции поведения: сборник научных трудов. Свердловск, Свердлов. гос. пед. ин-т, 1982. С. 32–38.
2. Бажин Е. Ф., Гольнкина Е. А., Эткин А. М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 3. С. 152–162.
3. Стюарт Я., Джойнс В. Современный транзактный анализ : [Пер. с англ.]. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. 330 с.
4. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. 3, кн. 1. 539 с.